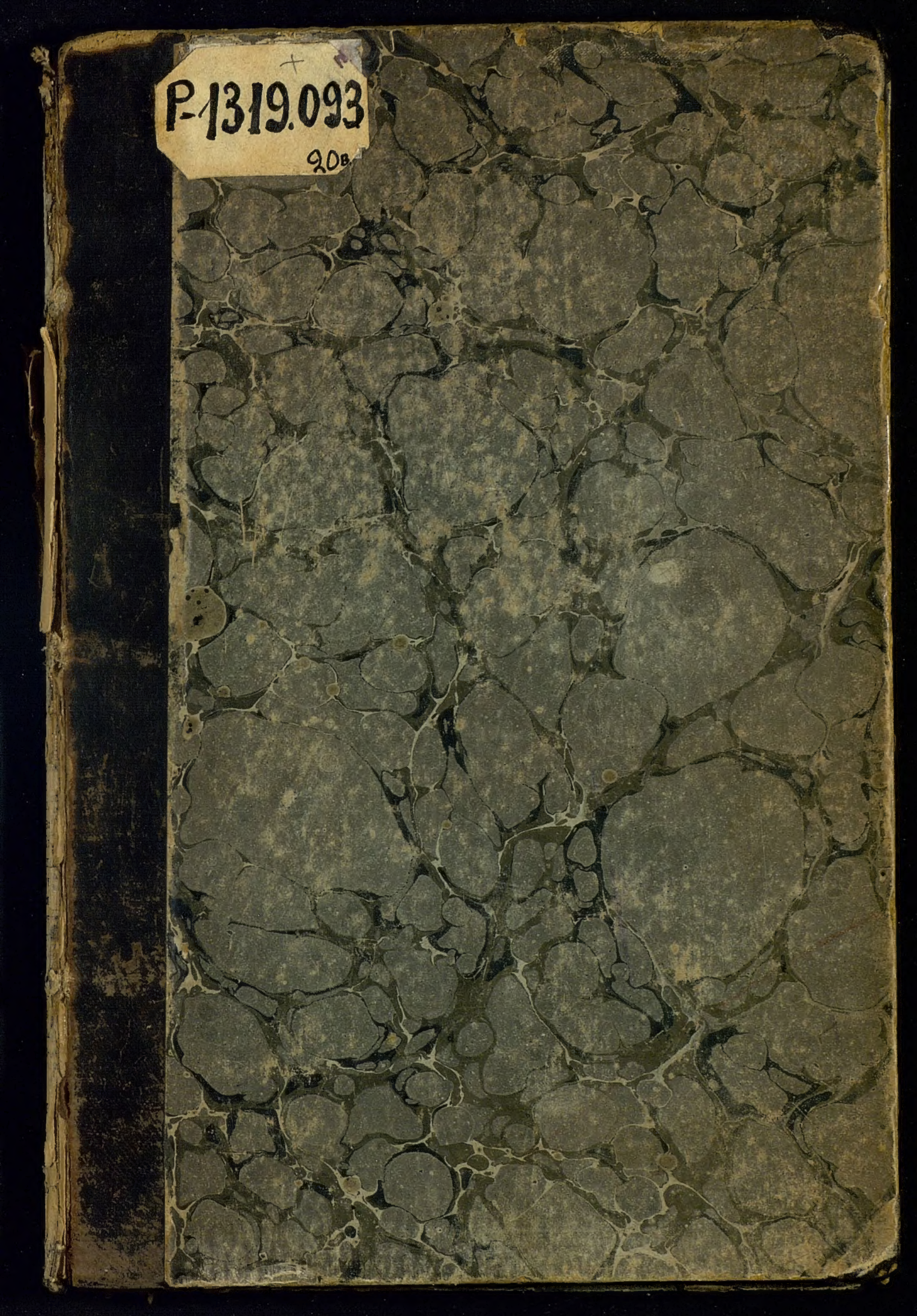

К. ЕЛЬНИЦКІЙ.

Русскіе Педагоги

второй половины XIX-го столѣтія.

Для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика.

Цѣна 65 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Д. Полубояринова.
1904.

Адресъ издателя: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Паровая Скоропечатня М. М. Гутзацъ. С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Мы въ настоящее время руководствуемся въ своей учительской и воспитательской дѣятельности педагогическими идеями и воззрѣніями, переданными намъ ближайшими нашими предшественниками, педагогами второй половины минувшаго столѣтія, которые потому и признаются нашими учителями-наставниками.

Вспоминать о предшественникахъ, трудами которыхъ пользуемся, ознакамливаться съ ними, и справедливо, и поучительно.

Справедливо, ибо чувство справедливости требуетъ «воздавать каждому должное». Ознакамливаясь съ выдающимися педагогами, вспоминая о нихъ, мы тѣмъ самымъ выражаемъ благородное чувство признательности за ихъ труды для общей пользы.

Поучительно потому, что ихъ жизнь, дѣятельность, въ лучшихъ ея проявленіяхъ, можетъ служить примѣромъ для нашей жизни, дѣятельности. Извѣстенъ завѣтъ русскаго педагога-мыслителя: «Изучайте жизнь и дѣятельность лучшихъ людей и тѣмъ вырабатывайте въ себѣ идеалы лучшей жизни и дѣятельности».

Кромѣ того, ознакамливаясь съ тѣмъ или другимъ педагогомъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстной мѣрѣ ознакамливаемся и съ его педагогическими воззрѣніями, его идеями, или по крайней мѣрѣ получаемъ толчекъ къ болѣе близкому ознакомленію съ ними, что не можетъ не способствовать подъему нашего педагогическаго образованія, тѣмъ болѣе, что идеи или воззрѣнія, ассоціированныя съ представле-

ніемъ о лицѣ, выразившемъ ихъ, прочнѣе, глубже залегаютъ въ нашемъ сознаніи.

Многіе изъ выдающихся педагоговъ, имѣвшихъ благотворное вліяніе на наше учебно-воспитательное дѣло и оставившихъ значительный слѣдъ въ нашей педагогической литературѣ, не вошли въ эту книгу. Свѣдѣнія о нихъ имѣютъ войти въ особый трудъ.

К. Е.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Константинъ Димитріевичъ Ушинскій.

Во главѣ русскихъ педагогическихъ дѣятелей второй половины XIX-го столѣтія, несомнѣнно, стоитъ Константинъ Димитріевичъ Ушинскій, который своими трудами положилъ начало русской педагогической наукѣ, а своими умными, горячими статьями и своимъ живымъ словомъ будилъ въ русскомъ обществѣ педагогическую мысль, который своимъ «Роднымъ Словомъ» сдѣлалъ первоначальное обученіе изъ «горькаго», тяжелаго — «сладкимъ», который своимъ «приложеніемъ» къ «Родному Слову» раскрылъ русской матери и русскому учителю тайну легкаго и успѣшнаго начальнаго обученія и который, наконецъ, своею «Педагогическою антропологіею» («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія») указалъ учащимъ и воспитывающимъ, гдѣ слѣдуетъ искать основъ для рѣшенія учебно-воспитательныхъ вопросовъ.

Сынъ небогатаго, но довольно образованнаго помѣщика Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, Константинъ Димитріевичъ провелъ свое дѣтство въ родной семьѣ, гдѣ все благопріятствовало образованію въ дитяти тѣхъ добрыхъ впечатлѣній, которыя, какъ извѣстно, оказываютъ значительное вліяніе на весь душевный строй человѣка.

Первыя десять лѣтъ (1824—1835) своей жизни Константинъ Димитріевичъ провелъ подъ непосредственнымъ благотворнымъ вліяніемъ матери, женщины умной и доброй. Она не только воспитывала, но и обучала своего сына и, руководясь материнскимъ чувствомъ, самое обученіе сдѣлала для него воспитывающимъ: она пробудила въ немъ любознательность, пытливость и любовь къ чтенію. Несомнѣнно, что въ первыхъ впечатлѣніяхъ дѣтства Ушинскаго лежитъ основаніе тѣхъ идей о роли женщины, какъ воспитательницы, которыя онъ съ такимъ жаромъ высказывалъ въ періодъ своей педагогической дѣятельности. «Я желалъ бы отъ всей души», говоритъ онъ, «чтобы на моей родинѣ, рядомъ съ устройствомъ школъ для дѣтей, не могущихъ по какимъ-нибудь уважительнымъ причинамъ пользоваться счастьемъ хорошаго домашняго воспитанія и ученья, развивалась въ русской женщинѣ наклонность и умѣнье самой заниматься первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Я желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому безъ крайней необходимости». (Руководство къ преподаванію по «Родному Слову»).

Родной семьѣ, простой, религіозной и строго выполняющей всѣ установленные въ православной церкви обряды, Константинъ Димитріевичъ обязанъ своимъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, которое освѣщало его педагогическую дѣятельность, поддерживало его въ этой дѣятельности и отразилось во многихъ мѣстахъ его сочиненій. «Обряды нашей православной церкви», говоритъ онъ, «имѣютъ великое воспитательное вліяніе уже потому, что они сами собою, безъ посредствующихъ объясненій, обнимаютъ дѣтскую душу религіознымъ чувствомъ, настраиваютъ ее на возвышенный, торжественный ладъ... Всякій,

получившій чисто-русское воспитаніе, непремѣнно отыщетъ въ душѣ своей глубокія, неизгладимыя впечатлѣнія множества церковныхъ пѣсенъ и священнодѣйствій, службы Великаго поста и Страстной недѣли, встрѣчи Свѣтлаго праздника, Рождества, Крещенія и всѣхъ тѣхъ годичныхъ церковныхъ торжествъ и службъ, которыя составляютъ эпохи въ годовой жизни каждаго чисто-русскаго семейства». («О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи»). Едва ли можно усомниться въ томъ, что милые, живо интересующіе дѣтей разсказы о сочельникѣ, о праздникахъ Рождества Христова, Крещенія, Новаго года, о масленницѣ, Великомъ постѣ, Страстной недѣлѣ и т. п. навѣяны составителю «Родного Слова» впечатлѣніями его дѣтства.

Немаловажное вліяніе на Ушинскаго оказала и окружавшая его въ дѣтствѣ природа. Усадьба Ушинскихъ находилась вблизи Новгородъ-Сѣверска, на высокомъ берегу рѣки Десны, живописно изрытомъ оврагами. При домѣ находился большой тѣнистый садъ, а изъ оконъ дома открывалась живописная картина противоположнаго берега Десны. Картины и явленія природы будили мысль ребенка и развивали въ немъ эстетическое чувство. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ: «Боже мой! Сколько перемечталось на прекрасномъ берегу Десны, на этихъ кручахъ, нависшихъ надъ рѣкою! какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна! Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта... Какія впечатлѣнія могутъ быть даны въ замѣнъ этихъ живыхъ, сильныхъ воспитывающихъ душу впечатлѣній природы?»

Доказывая воспитательное значеніе природы, онъ, между прочимъ, говоритъ: «А воля, а просторъ, а природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги, колыхающіяся поля, а розовая весна и золотистая осень— развѣ не были нашими воспитателями? Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію воспитателя; что день, проведенный ребенкомъ среди рощъ и полей, когда его головой овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы—что такой день стòитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ»...

Въ 1835 году умерла мать Константина Димитріевича, и отецъ его вскорѣ вступилъ во второй бракъ. Мачеха была лучшимъ другомъ Константина Димитріевича и замѣняла ему мать. Этимъ объясняется, что Ушинскій всегда съ горячею любовью вспоминалъ о родной семьѣ. Въ томъ же году одиннадцатилѣтній Ушинскій поступилъ по экзамену въ 3-й классъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Онъ скоро сдружился съ своими одноклассниками, которые были большею частію старше его и принадлежали къ малосостоятельной средѣ, не дворянскаго происхожденія. Ушинскій съ удовольствіемъ посѣщалъ своихъ бѣдныхъ товарищей. Ихъ скудный образъ жизни, ихъ воззрѣнія и привычки были для него своего рода новой школой.

Ушинскій былъ не изъ прилежныхъ гимназистовъ. Онъ хотя и переходилъ изъ класса въ классъ, но этимъ обязанъ былъ главнымъ образомъ своимъ выдающимся способностямъ. Большую часть времени онъ посвящалъ

ченію книгъ изъ отцовской библіотеки и обдумыванію прочитаннаго. Бывало заберется онъ въ самое укромное мѣсто сада и здѣсь, никѣмъ не тревожимый, читаетъ, или отдается ходу возникающихъ въ немъ по поводу прочитаннаго мыслей. Въ послѣдніе два года пребыванія въ гимназіи Ушинскій почти самостоятельно изучилъ нѣмецкій языкъ настолько, что свободно и даже съ увлеченіемъ читалъ нѣмецкихъ писателей. Особенно любилъ онъ читать Шиллера. Не получивши аттестата объ окончаніи гимназическаго курса, Ушинскій лѣтомъ въ 1840 году прилежно занялся учебными предметами и успѣшно сдалъ экзаменъ въ Московскомъ университетѣ, куда и поступилъ на юридическій факультетъ, одновременно съ своими товарищами по гимназіи.

Начальникомъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи въ то время, когда обучался въ ней Ушинскій, былъ глубоко религіозный и преданный наукѣ старикъ Тимковскій. Онъ старался и въ своихъ ученикахъ заложить эти качества. И ученики съ уваженіемъ относились не только къ ученымъ представителямъ науки, но даже и къ тѣмъ изъ товарищей, которые съ любовью занимались хоть какой-нибудь одной наукой. Спустя много лѣтъ послѣ выхода изъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, Ушинскій, уже ознакомившійся съ многими другими столичными и провинціальными учебными заведеніями, съ признательностью вспоминалъ о своей гимназіи. Онъ сознавалъ и ея недостатки, сознавалъ, что ученики мало выносятъ знаній, но не могъ не признать, что значительная часть ихъ выносила стремленіе къ самоусовершенствованію, что, несомнѣнно, очень важно.

Вспоминая о своемъ директорѣ Тимковскомъ, Ушинскій восклицаетъ: «Миръ праху твоему, почтенный старецъ! Твоимъ нелицемѣрнымъ, продолжавшимся до гроба, служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе высшую, святыню ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такія сѣмена, которыя да поможетъ намъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Когда мнѣ встрѣчались молодые люди, кончившіе курсъ въ какомъ-нибудь значительномъ учебномъ заведеніи, кончившіе съ отличіемъ, но у которыхъ не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малѣйшей любви къ какой-нибудь наукѣ, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своихъ учителяхъ и даже вообще объ учености, ученыхъ и наукѣ... Когда мнѣ попадались безбородые юноши, еще не совсѣмъ твердо знающіе, въ какомъ вѣкѣ жилъ Карлъ Великій, но уже кощунствующіе надъ святыней отчизны... О, тогда я оцѣнивалъ по достоинству и молитвы покойнаго Ильи Феодоровича (Тимковскаго), и наше уваженіе къ одамъ Горація, и нашъ почтительный страхъ, овладѣвавшій нами при словѣ: *«университетъ»!*

Изъ сказаннаго легко заключить, что Ушинскій явился въ университетъ совершенно подготовленнымъ и къ слушанію профессорскихъ лекцій, и къ самостоятельнымъ занятіямъ университетской наукой.

Пребываніе въ университетѣ было полнымъ расцвѣтомъ духовныхъ силъ юнаго Ушинскаго. Выработавши въ себѣ, путемъ серьезнаго чтенія и внутренней переработки воспринимаемаго, способность къ вдумчивости и умственной самодѣятельности, Ушинскій и въ университетѣ не пассивно воспринималъ содержаніе профессорскихъ лекцій, а внутренно перерабатывалъ сообщаемое съ

профессорской каѳедры и такимъ образомъ расширялъ свой умственный горизонтъ.

Ушинскому пришлось проходить университетскій курсъ въ одинъ изъ лучшихъ періодовъ жизни Московскаго университета. Благодаря энергичному участію мѣстнаго попечителя, графа Строганова, составъ профессоровъ университета обновился молодыми учеными, преданными наукѣ. Изъ такихъ профессоровъ особенно сильное вліяніе оказывали на студентовъ профессоръ исторіи Грановскій и профессоръ энциклопедіи законовѣдѣнія Рѣдкинъ. Послѣдній, сознавая, что безъ философскихъ основъ не мыслимо сколько-нибудь основательное изученіе права, значительную часть своего курса посвящалъ исторіи философіи, что будило мысль слушателей и питало ихъ любознательность. Часто послѣ профессорской лекціи происходилъ между студентами самый оживленный обмѣнъ мыслей, при чемъ голосъ Ушинскаго, какъ особенно даровитаго студента, игралъ выдающуюся роль. Нерѣдко Ушинскому приходилось развивать передъ товарищами ту или другую философскую систему, не вполнѣ усвоенную ими со словъ профессора.

Интересуясь предметами своей спеціальности, Ушинскій не менѣе интересовался и изящною словесностью, какъ отечественною, такъ и нѣмецкою.

Онъ не только читалъ, но и изучалъ поэтическія произведенія отечественной и нѣмецкой литературы. Далѣе, онъ увлекался и театромъ. Онъ смотрѣлъ на сценическія представленія, какъ на одно изъ средствъ къ духовному усовершенствованію. Такой взглядъ тѣмъ болѣе имѣлъ мѣсто, что въ то время на московской сценѣ подвизались такіе даровитые артисты, какъ Щепкинъ и Мочаловъ. Увлеченный игрою послѣдняго, онъ даже составилъ для его бенефиса шестиактную трагедію. Мочаловъ прослушалъ нѣсколько сценъ трагедіи Ушинскаго и нашелъ ее неподходящей для сцены. Это, конечно, не мало смутило юнаго Ушинскаго. Но впослѣдствіи онъ самъ вспоминалъ о своей трагедіи не иначе, какъ въ ироническомъ тонѣ.

Въ теченіе всего пребыванія въ университетѣ Ушинскій давалъ частные уроки, такъ какъ вслѣдствіе упадка матеріальныхъ средствъ отца, изъ дому не всегда высылали сумму, нужную для покрытія самыхъ настоятельныхъ нуждъ.

Въ такихъ разнообразныхъ и живыхъ занятіяхъ протекли четыре года университетской жизни Ушинскаго. Онъ, будучи 20 лѣтъ отъ роду, въ 1844 году блестяще окончилъ курсъ юридическихъ наукъ.

Вскорѣ по окончаніи курса наукъ Ушинскій, благодаря лестной аттестаціи Московскаго университета, получилъ предложеніе занять каѳедру по энциклопедіи законовѣдѣнія и финансовому праву въ Ярославскомъ лицеѣ. Съ юношескимъ пыломъ юный профессоръ отдался профессорской дѣятельности. Онъ очень усердно готовился къ своимъ лекціямъ и мастерски излагалъ ихъ—ясно, съ жаромъ, убѣдительно. Онъ увлекался самъ и увлекалъ своихъ слушателей. Студенты полюбили своего талантливаго профессора, и занятія его въ лицеѣ шли успѣшно. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, не находя возможнымъ связывать себя такими формальностями въ дѣлѣ преподаванія, которыя, по его словамъ, «въ состояніи были убить живое дѣло преподаванія», онъ оставилъ Ярославскій лицей. Студенты упрашивали его не покидать ихъ, ради пользы ихъ самихъ и того дѣла, которому онъ служилъ. Но Ушинскій

рѣшился уйти и ушелъ (въ 1850 г.), оставивши по себѣ глубокую память въ сердцахъ студентовъ.

Прибывши въ Петербургъ, онъ не могъ найти себѣ мѣста преподавателя не только въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи, но даже въ уѣздномъ училищѣ. Выходъ его изъ лицея служилъ искусственной преградой къ педагогической дѣятельности. И долженъ былъ Константинъ Димитріевичъ сдѣлаться департаментскимъ чиновникомъ. На первыхъ порахъ своей службы въ департаментѣ, Ушинскій, по живости своего ума, не удержался отъ излишней откровенности и сострилъ на счетъ своего старшаго сослуживца, чѣмъ и возстановилъ его противъ себя.

Недоброе чувство сослуживца тяжело отразилось на Ушинскомъ, когда бывшій сослуживецъ занялъ высокій постъ.

Служба въ департаментѣ давала Ушинскому всего только 400 рублей въ годъ. Понятно, что этой суммы было недостаточно для жизни въ Петербургѣ, особенно семейному человѣку, какимъ въ это время уже былъ Ушинскій. Пришлось искать другихъ занятій. Съ увлеченіемъ занимаясь философіей и землевѣдѣніемъ, Ушинскій занялся вмѣстѣ съ тѣмъ изученіемъ англійскаго языка и изучилъ его вполнѣ. Обладая огромной эрудиціей и знаніемъ языковъ, искусно владѣя перомъ, Ушинскій началъ принимать участіе въ лучшихъ тогда журналахъ («Современникѣ», «Библіотекѣ для чтенія» и др.). Вскорѣ за Ушинскимъ упрочилось мнѣніе, какъ о талантливомъ и образованномъ писателѣ. Самъ Тургеневъ съ большой похвалой отнесся къ литературной дѣятельности Ушинскаго. Но срочная журнальная дѣятельность не удовлетворяла Константина Димитріевича. Она подтачивала его здоровье, не принося духовнаго удовлетворенія. Случай вывелъ его на педагогическую дорогу, на которой онъ и обезсмертилъ себя.

Въ 1855 г. онъ назначенъ былъ, благодаря содѣйствію директора Гатчинскаго института, бывшаго сослуживца Ушинскаго по лицею, преподавателемъ этого института, а затѣмъ и инспекторомъ его.

Вскорѣ по вступленіи въ Гатчинскій институтъ, Ушинскій получилъ отъ редактора «Библіотеки для чтенія» нѣсколько померовъ англійскаго педагогическаго журнала съ просьбой перевести нѣсколько статей о воспитаніи и образованіи дѣтей въ Америкѣ. О впечатлѣніи, произведенномъ на Ушинскаго этими статьями, онъ самъ такъ говоритъ: «Статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Онѣ подняли въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію; навели меня на многія совершенно новыя мысли, которыя безъ этихъ статей, пожалуй, не пришли бы никогда мнѣ въ голову. Я не знаю, что сдѣлаю, что со мною будетъ, но я рѣшился посвятить себя съ этого дня исключительно педагогическимъ вопросамъ». И онъ дѣйствительно всецѣло посвятилъ себя этимъ вопросамъ. Этому способствовало еще и слѣдующее обстоятельство: за двадцать лѣтъ до Ушинскаго инспекторомъ Гатчинскаго института былъ Гугель, который серьезно взглянулъ на дѣло воспитанія и обученія и увлекся имъ. Онъ составилъ прекрасную библіотеку изъ сочиненій знаменитыхъ иностранныхъ педагоговъ. Нѣсколько лѣтъ онъ могъ приводить въ исполненіе свои идеи; но обстоятельства перемѣнились, и Гугель печально кончилъ свою жизнь, оставивъ свою библіотеку въ наслѣдство институту. Составилась

легенда, что причиной болѣзни Гугеля была библіотека, въ которой хранятся безумныя книги. Эта легенда облетѣла весь институтъ и дошла до родителей воспитывающихся; чтобъ прекратить разговоры, начальство распорядилось запечатать шкафы. Двадцать лѣтъ простояли такъ шкафы безъ всякой пользы; наконецъ, по просьбѣ Ушинскаго, ихъ рѣшились открыть. Вотъ что писалъ Ушинскій о своей находкѣ: «Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ и, Боже мой, отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще.» Подъ вліяніемъ чтенія сочиненій изъ библіотеки Гугеля для Константина Димитріевича совершенно ясно опредѣлилось его истинное призваніе. Будучи инспекторомъ обширнаго заведенія, въ которомъ дѣти начинали съ азбуки и доходили до знакомства съ литературой и законовѣдѣніемъ, Ушинскій имѣлъ возможность на практикѣ примѣнять педагогическія требованія, вынесенныя изъ чтенія педагогическихъ сочиненій. Періодъ, когда Ушинскій былъ инспекторомъ Гатчинскаго института, былъ самымъ блестящимъ періодомъ въ жизни этого заведенія.

Но Ушинскій далеко не ограничивался трудомъ по управленію Гатчинскимъ институтомъ и по преподаванію въ немъ. Онъ сознавалъ, что для движенія русскаго просвѣщенія необходимо разъяснять русскому обществу основы воспитанія; онъ былъ также убѣжденъ, что практическая дѣятельность, не будучи освѣщаема и направляема теоретическими воззрѣніями, основанными на наукѣ, становится механической, неспособной къ усовершенствованію. Вотъ почему часы своего отдыха онъ посвящалъ разработкѣ педагогическихъ вопросовъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что и въ русскомъ обществѣ стала мало-по-малу сознаваться необходимость въ теоретической разработкѣ педагогическихъ вопросовъ, выразителемъ чего служило появленіе сразу трехъ педагогическихъ журналовъ—«Русскаго педагогическаго Вѣстника», «Журнала для воспитанія» и «Учителя». Ушинскій сталъ печатать одну за другою свои замѣчательныя педагогическія статьи: «О пользѣ педагогической литературы», «О народности въ общественномъ воспитаніи», «Три элемента школы» и многія другія, не утратившія своего значенія и въ настоящее время. Въ это же время онъ подготовлялъ свой «Дѣтскій міръ», предназначая его для начальнаго обученія.

Дѣятельность Ушинскаго въ Гатчинскомъ институтѣ и его педагогическіе труды поставили его въ ряду выдающихся педагоговъ. Объ немъ узнала Императрица Марія Александровна, живо интересовавшаяся педагогическими вопросами. Въ то время назрѣлъ вопросъ о преобразованіи закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Преобразованіе это рѣшено было начать съ Смольнаго института, какъ старѣйшаго. Нуженъ былъ человѣкъ, который въ состояніи былъ бы произвести необходимыя улучшенія. Императрица Марія Александровна, подъ покровительствомъ которой находился институтъ, указала на Ушинскаго, какъ на лицо, способное поставить учебно-воспитательное дѣло заведенія на надлежащую высоту. И въ 1859 году Ушинскій былъ назначенъ инспекторомъ Смольнаго института. Институтъ этотъ представлялъ собою огромный совершенно замкнутый интернатъ изъ 700 воспитанницъ и раздѣлялся на «благородную и неблагородную половины», т.-е. на собственно институтъ и Александровское училище. Курсъ ученія въ институтѣ раздѣ-

лялся на 3 класса и продолжался 9 лѣтъ, а въ Александровскомъ училищѣ былъ шестилѣтній, при двухъ классахъ. Послѣ окончанія трехлѣтняго класса всѣ безъ исключенія переходили въ слѣдующій классъ, не смотря на степень усвоенія пройденнаго, такъ что мало успѣвающія въ младшихъ классахъ успѣвали еще меньше въ старшихъ и выходили изъ института, имѣя самыя поверхностныя знанія. Для малоуспѣшныхъ ученицъ были особыя отдѣленія, но эта мѣра нисколько не поправляла дѣла, а только оскорбляла достоинство ученицъ: попасть въ отдѣленіе малоуспѣвающихъ считалось позорнымъ. Главными предметами обученія въ институтѣ были: французскій языкъ, танцы, музыка, какъ необходимые въ свѣтскомъ обществѣ; рукодѣліе и домоводство, необходимыя для будущихъ хозяекъ. Русскій языкъ находился въ пренебреженіи, а говорили и даже преподавали чаще на французскомъ. Институтъ былъ строго закрытымъ заведеніемъ: не даромъ онъ назывался «монастыремъ». Въ немъ воспитанницы жили, въ буквальномъ смыслѣ слова, въ заточеніи: цѣлыхъ девять лѣтъ ихъ не выпускали изъ стѣнъ заведенія никуда, даже къ родителямъ. Дѣти, оторванныя отъ семействъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, не могли развить въ себѣ святого чувства любви къ родителямъ и роднымъ и дѣлались холодными, напыщенными. Не соприкасаясь нисколько съ обществомъ, онѣ оставались въ невѣдѣніи всѣхъ общественныхъ условій, а потому пріобрѣтали ложный взглядъ на свои отношенія къ обществу и семьѣ.

Понимая огромное значеніе правильнаго образованія и воспитанія для женщинъ, которыя, въ свою очередь, должны сдѣлаться воспитательницами новаго поколѣнія, Ушинскій, заручившись полномочіемъ Августѣйшей покровительницы института, отдался всею душою дѣлу преобразованія его. Онъ въ нѣсколько недѣль составилъ подробный проектъ преобразованій, который и былъ одобренъ высшею властью. Девятилѣтній курсъ ученія онъ замѣнилъ семилѣтнимъ, такъ что воспитанницы, получая достаточное образованіе, могли возвращаться на два года раньше въ родную семью, которую не могло замѣнить—и Ушинскій понималъ это—никакое учебное заведеніе, какъ бы прекрасно оно ни было устроено. Вмѣсто 3-хъ классовъ, устроено 7, что давало возможность, при ежегодныхъ экзаменахъ и переходахъ изъ класса въ классъ, малоуспѣвающихъ оставлять, для пополненія пробѣловъ въ знаніяхъ, на другой годъ въ томъ же классѣ, тогда какъ при трехгодичномъ курсѣ каждаго класса было бы немыслимо оставлять неуспѣвающихъ въ томъ же классѣ на цѣлыя шесть лѣтъ. Въ распредѣленіи предметовъ К. Д. держался того взгляда, что чѣмъ менѣе возрастъ учащихся, тѣмъ менѣе предметовъ должно быть съ ними изучаемо, а потому и самое обученіе должно быть основательнѣе; поэтому въ курсъ низшаго, седьмого, класса назначены были только четыре предмета: законъ Божій, ариѳметика, русскій языкъ съ предметными уроками и французскій языкъ; въ 6-мъ классѣ прибавлялась географія; въ 5-мъ—нѣмецкій языкъ; въ 4-мъ—исторія и естествовѣдѣніе; въ 3-мъ—физика; во 2-мъ и 1-мъ—литература всеобщая и русская. Родной языкъ поставленъ центральнымъ предметомъ, какъ прежде французскій. На немъ преподаются всѣ предметы. Учитель русскаго языка обязанъ былъ не только обучать грамматикѣ и орѳографіи, но главнымъ образомъ способствовать душевному развитію учащихся, залагать въ нихъ вѣрныя сужденія объ окружающихъ предметахъ и пріучать ихъ къ правильному мышленію и умѣнью

выражать свои мысли ясно, правильно и послѣдовательно. Въ младшихъ классахъ введены были предметные уроки; въ среднихъ классахъ риторика и піитика замѣнены разборами произведеній русской и иностранной литературы, чтобы уже на нихъ строить теоретическіе выводы; въ старшихъ же классахъ очень видная роль отведена была исторіи отечественной литературы, какъ предмету наиболѣе способствующему развитію эстетическаго чувства учащихся. Преподаваніе ариѳметики, по мнѣнію Ушинскаго, должно было начинаться съ того, чѣмъ оно обыкновенно оканчивалось. Дѣти прежде всего должны были познакомиться съ понятіями объ измѣреніи, потомъ заняться именованными числами и, уже затѣмъ, перейти къ числамъ отвлеченнымъ и дѣйствіямъ надъ ними. На преподаваніе географіи К. Д. обратилъ особенное вниманіе и отводилъ ей очень видное мѣсто, какъ наукѣ, соединяющей въ себѣ знанія изъ другихъ наукъ, развивающей наблюдательность относительно окружающихъ явленій природы и пріучающей улавливать взаимодѣйствіе между различными явленіями. Константинъ Димитріевичъ думалъ о соединеніи съ географіей естествовѣдѣнія и исторіи, чтобы «эти предметы шли рука объ руку, поддерживая, оживляя и пополняя другъ друга, и дружно строили въ душѣ воспитанницъ прочное зданіе яснаго, живого и вѣрнаго міросозерцанія». Было оживлено преподаваніе физики, которая должна была проходиться не иначе, какъ съ помощью опытовъ, различныхъ приборовъ и другихъ пособій.

Кромѣ того былъ составленъ планъ спеціально-педагогическаго двухгодичнаго класса. Въ первый годъ воспитанницы расширяли свои познанія и ознакамливались съ дидактикой и методикой, а во второй упражнялись въ веденіи обученія подъ руководствомъ опытныхъ и знающихъ учителей.

Учебный курсъ Александровскаго училища былъ совершенно сравненъ съ курсомъ института въ отношеніи объема учебнаго курса и продолжительности ученія.

К. Д. положилъ начало ученическимъ библіотекамъ, причемъ для каждаго класса подбирались книги, соотвѣтствующія развитію и интересамъ воспитанницъ.

Классныя дамы и инспектрисса стали въ болѣе близкія, сердечныя отношенія къ воспитанницамъ института, предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ необходимую долю самодѣятельности. Прежде каждое письмо, которое институтка получала отъ родителей или родныхъ, или сама писала къ нимъ, предварительно прочитывалось классной надзирательницей или инспектриссой. Ушинскій горячо возсталъ противъ этого, доказывая, что это только убиваетъ искренность и пріучаетъ къ лицемѣрію и лжи. Прежде, какъ сказано, воспитанницы не отпускались къ родителямъ или роднымъ ни на каникулы, ни въ большіе праздники. Со времени же Ушинскаго имъ разрѣшено было проводить вакаціонное время и большіе праздники у родителей или ближайшихъ родственниковъ, дабы тѣмъ поддерживать въ нихъ родственныя связи и дать имъ возможность ознакомиться съ той средой, въ которой онѣ будутъ вращаться по окончаніи курса. Мало того, въ институтъ на вечера стали приглашаться родственники воспитанницъ, и послѣднія занимали своихъ гостей, танцовали, пѣли, играли, и все это дѣлалось просто, непринужденно. Институтъ, подъ вліяніемъ всѣхъ преобразованій, зажилъ новою, лучшею жизнью.

Само собою разумѣется, что свои преобразовательныя мѣры, особенно въ области обученія, Ушинскій могъ провести лишь при содѣйствіи подходящихъ преподавателей. И онъ старался привлечь въ институтъ лучшія педагогическія силы. При выборѣ ихъ онъ сообразовался не столько съ ихъ офиціальными дипломами, сколько съ педагогическими ихъ способностями. Присутствуя, напр., на урокахъ инженера барона Косинскаго въ безплатной школѣ, онъ замѣтилъ въ немъ особенное искусство въ преподаваніи математики и привлекъ его къ дѣятельности въ институтѣ въ качествѣ учителя геометріи и ариѳметики. Прослушавши нѣсколько уроковъ офицера Семевскаго, онъ предоставилъ ему въ институтѣ уроки по исторіи. Вскорѣ послѣ вступленія Ушинскаго въ институтъ мы находимъ въ числѣ преподавателей этого заведенія такихъ лицъ, какъ Буссе, Водовозовъ, Лядовъ, Массонъ, Ѳ. Миллеръ, Л. Модзалевскій, А. Павловскій, Раевскій, Семеновъ и др. Всѣ они были проникнуты идеями своего инспектора и составляли сплоченный кружокъ, часто собиравшійся на педагогическія конференціи для обсужденія и разработки педагогическихъ вопросовъ, вызываемыхъ жизнью института. Кромѣ этихъ собраній, еженедѣльно собирались по четвергамъ въ квартиру Ушинскаго лица, заинтересованныя педагогическимъ дѣломъ. Здѣсь въ живой бесѣдѣ разрабатывались планы и методы обученія въ разныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, обсуждались вопросы общепедагогическаго характера, разсматривались новыя учебныя пособія и вырабатывались руководства. Здѣсь, между прочимъ, въ рукописи былъ разсмотрѣнъ «Дѣтскій міръ», который и былъ изданъ, по просьбѣ друзей и сослуживцевъ Ушинскаго, въ 1861 г. Педагогическіе четверги Ушинскаго имѣли немаловажное значеніе не только для непосредственныхъ помощниковъ Ушинскаго, но и для другихъ лицъ, работавшихъ на педагогическомъ поприщѣ. Много плодотворныхъ идей зародилось въ участникахъ собраній. Идеи эти попали въ печать и разошлись по всей Россіи.

Про Смольный институтъ заговорили въ столицѣ. Многіе, не только изъ педагогическаго міра, но и изъ лицъ, состоящихъ въ другихъ вѣдомствахъ, пріѣзжали въ институтъ, чтобы здѣсь послушать живые, хорошіе уроки, особенно въ младшихъ классахъ. Сами воспитанницы института какъ будто переродились: это не были уже барышни, мечтающія лишь о будущихъ выѣздахъ и считающія ученіе «противнымъ», а прилежныя, интересующіяся учебными предметами ученицы, съ полнымъ вниманіемъ относящіяся къ каждому уроку своихъ преподавателей.

Обаяніе личности Ушинскаго сказывалось, какъ на сослуживцахъ—единомышленникахъ, такъ и на воспитанницахъ института. Послѣднія чувствовали, что Ушинскій желаетъ имъ добра, трудится ради ихъ пользы, и питали къ нему чувство глубокой признательности. Высшее начальство довѣряло Ушинскому. Казалось, что какъ ему самому, такъ и институту нечего опасаться чего-нибудь непріятнаго... Но не дремала зависть, не дремало недоброжелательство тѣхъ лицъ, себялюбивое спокойствіе которыхъ было нарушено энергическою дѣятельностью Ушинскаго. И на послѣдняго стали клеветать, стали распространять про него такіе слухи, которые могли подорвать его авторитетъ. Мало того, на него писали доносы, въ которыхъ обвиняли его въ предосудительныхъ мысляхъ и поступкахъ. И долженъ былъ Ушинскій оправдываться отъ взведенныхъ, на него гнусныхъ клеветническихъ обвиненій. «На соста-

вленіе крайне непріятной отповѣди», говоритъ Песковскій, «потребовалось нѣсколько сутокъ, проведенныхъ Ушинскимъ почти не вставая съ мѣста. Въ результатѣ же оказалось, что, садясь за оправданіе бодрымъ, здоровымъ, онъ всталъ изъ-за этой тяжелой работы посѣдѣвшимъ и началъ харкать кровью... Слишкомъ сильно принялъ онъ къ сердцу такъ дерзко и незаслуженно нанесенное ему оскорбленіе!... Очевидно, на это и разсчитывали его враги, такъ какъ жизнь и дѣятельность Ушинскаго рѣшительно не могли дать пищи ни для какого реальнаго обвиненія».

И Ушинскій, хотя совершенно очистилъ себя отъ взведенныхъ на него обвиненій и уличилъ клеветниковъ въ клеветѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сейчасъ видѣли, онъ поплатился своимъ здоровьемъ. Кромѣ того, это обстоятельство, а равно и другія, чисто формальныя соображенія повели къ выходу Ушинскаго изъ института. Онъ причисленъ былъ къ IV Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, съ оставленіемъ прежняго содержанія, и получилъ за-граничную командировку для ознакомленія съ положеніемъ женскаго образованія за границей и составленія руководства педагогики для среднихъ учебныхъ заведеній.

Выходъ Ушинскаго изъ института вызвалъ тяжелыя чувства какъ въ воспитанницахъ, такъ и тѣхъ изъ служащихъ, которые проникнуты были высшими побужденіями и понимали Ушинскаго. Враги же и клеветники его злорадствовали и торжествовали. Но не прочно было ихъ торжество, такъ какъ всѣ нововведенія Ушинскаго не только были сохранены въ Смольномъ институтѣ, но и получили распространеніе на другіе женскіе институты имперіи.

Состоя инспекторомъ Смольнаго института, Ушинскій получилъ предложеніе Министра Народнаго Просвѣщенія Головнина редактировать журналъ министерства. Въ то время въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія шла подготовительная работа, направленная къ подъему учебно-воспитательнаго дѣла въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства, и министръ пожелалъ сдѣлать «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» органомъ для разработки вопросовъ по народному образованію. Зная Ушинскаго по его плодотворной преобразовательной дѣятельности въ институтѣ и по его талантливымъ педагогическимъ статьямъ, министръ поручилъ ему веденіе педагогическаго журнала министерства. Ушинскому съ перваго же года редактированія удалось поднять журналъ на надлежащую высоту. Отдѣлъ «Педагогики и дидактики» занимамъ въ немъ главное мѣсто. Къ участію въ журналѣ Ушинскій привлекъ лучшія въ то время педагогическія силы. Наиболѣе же выдающимися статьями въ журналѣ являются статьи самого редактора: 1) «Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи»; 2) «О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи»; 3) «Воскресныя школы»; 4) «Проектъ учительской семинаріи»; 5) «Родное Слово» и др.

Ушинскій редактировалъ «журналъ» два года (1860 и 1861 г.). Въ 1862 г. министра Головнина замѣнилъ графъ Путятинъ. Этотъ послѣдній пожелалъ сдѣлать «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» органомъ по различнымъ отраслямъ знанія. Ушинскій нашелъ для себя неудобнымъ оставаться редакторомъ при такомъ направленіи журнала и оставилъ редакторство, тѣмъ болѣе, что ему предстояла поѣздка за-границу для поправленія здоровья и выполненія возложеннаго на него Императрицей порученія.

Въ маѣ 1862 г. Ушинскій вмѣстѣ съ семействомъ отправился за-границу, гдѣ и пробылъ пять лѣтъ, до 1867 г., ежегодно пріѣзжая на короткое время въ Россію. Жилъ онъ преимущественно въ Швейцаріи, близъ мѣстечка Веве, и въ Гейдельбергѣ, какъ крупномъ умственномъ центрѣ. Въ этомъ послѣднемъ онъ познакомился и тѣсно сблизился съ замѣчательнымъ русскимъ педагогомъ и хирургомъ Пироговымъ. Константинъ Димитріевичъ глубоко уважалъ Пирогова и считалъ его лицомъ, способнымъ возвысить и укрѣпить духъ другого человѣка,—человѣкомъ, жизнь котораго можетъ для всякаго служить образцомъ. Этотъ взглядъ Ушинскаго, какъ нельзя лучше, оправдался на немъ самомъ: подъ вліяніемъ Пирогова Константинъ Димитріевичъ быстро воспрянулъ и окрѣпъ духомъ, и съ новой энергіей принялся за изученіе школьнаго дѣла въ Швейцаріи, главнымъ образомъ народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и женскихъ учебныхъ заведеній. И въ томъ же году (1862) Ушинскій прислалъ въ Россію для напечатанія семь объемистыхъ статей подъ общимъ заглавіемъ: «Педагогическая поѣздка въ Швейцарію». Въ этихъ письмахъ авторъ, изображая вѣрную картину швейцарскихъ школъ, удачно освѣщаетъ потребности отечественнаго образованія, задачи и цѣли, къ которымъ должно стремиться наше родное школьное дѣло, и тѣ средства, которыми онѣ должны быть достигнуты.

Онъ вездѣ старается возбудить вниманіе общества къ народному образованію. «Теперь именно настаетъ пора», пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,—«когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные,—и много, много школъ нужно! иначе и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, которую могли бы принести эти истинно великіе шаги впередъ. Школу, народную школу дайте Россіи—и тогда, лѣтъ черезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу!»

За-границей же составлены Ушинскимъ 3 книги «Родного Слова». Книги эти составили эпоху въ начальномъ обученіи. Онѣ вмѣстѣ съ книгами для учащихъ раскрыли русскимъ матерямъ и русскимъ учителямъ и учительницамъ основы начальнаго обученія.

Имѣя въ виду составить руководство по педагогикѣ, Ушинскій занялся прежде составленіемъ педагогической антропологіи. И въ 1867 г., возвратившись на родину, онъ привезъ съ собой огромную стопу цѣннаго матеріала, обработавши который, онъ въ концѣ 1867 г. выпустилъ въ свѣтъ первый томъ книги—«Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», а въ 1869 году—и второй томъ ея. Для третьяго тома былъ заготовленъ матеріалъ и даже составлена программа его, но ему не суждено было явиться.

Рядъ педагогическихъ статей, три части «Родного Слова», двѣ части «Руководства для учителей»—приложеніе къ «Родному Слову», два тома «Педагогической антропологіи» составлены Ушинскимъ въ пять лѣтъ. Это уже показываетъ, какъ энергично и усердно онъ работалъ. Къ тому же съ цѣлью изученія школьнаго дѣла, онъ переѣзжалъ изъ одной страны въ другую. Такъ, кромѣ Швейцаріи и Германіи, онъ посѣтилъ Италію и Францію. Въ Ниццѣ Ушинскій удостоился бесѣдовать съ императрицей Маріей Александровной, которая поручила ему изложить свои взгляды о характерѣ воспитанія Наслѣдника русскаго престола. Ушинскій изложилъ свои мысли по этому предмету въ четырехъ письмахъ. По возвращеніи въ Петербургъ, Ушинскій

энергично отдался дѣлу насажденія просвѣщенія въ Россіи на тѣхъ началахъ, которыя выработаны имъ путемъ глубокаго изученія законовъ душевнаго и физическаго развитія человѣка и путемъ ознакомленія съ школьнымъ дѣломъ на западѣ. Поле для дѣятельности открывалось широкое. Въ это время существовало Педагогическое Общество. Ушинскій принималъ самое дѣятельное участіе въ этомъ обществѣ. Здѣсь читались и обсуждались педагогическія статьи, разсматривались учебныя пособія и руководства, разрабатывались методы и формы обученія. Душою Педагогическаго Общества былъ Ушинскій. Онъ возбуждалъ дѣятельность общества, поднимая въ немъ педагогическіе вопросы. Внимательно слѣдя за разработкой педагогическихъ вопросовъ за-границей, онъ дѣлалъ сообщенія по этимъ вопросамъ. Одновременно съ этимъ онъ велъ самую энергичную переписку съ многими провинціальными дѣятелями по народному образованію, какъ, напр., съ барономъ Корфомъ, бар. Косинскимъ и другими.

Усиленные труды въ соединеніи съ петербургскимъ климатомъ снова подорвали физическія силы Ушинскаго, и онъ весною 1870 г. вторично отправился за-границу. Но тутъ вѣнскіе доктора посовѣтовали ему вернуться въ Россію, отправиться въ Крымъ и здѣсь лѣчиться кумысомъ. Онъ послѣдовалъ совѣту ихъ и поселился недалеко отъ Бахчисарая. Въ теченіе мѣсяца силы его значительно возстановились, и онъ отправился на южный берегъ Крыма и въ Симферополь. Въ послѣднемъ онъ былъ принятъ съ особымъ почетомъ. Его посѣтили многіе учителя и начальники учебныхъ заведеній. Директоръ предложилъ ему проѣхаться въ Бахчисарай для ознакомленія съ мѣстными татарскими школами. Здѣсь они посѣтили, между прочимъ, школу для взрослыхъ татаръ, готовящихся въ учителя татарскихъ народныхъ училищъ, и Ушинскій впервые увидѣлъ здѣсь, какъ учатъ по его книгѣ «Родное Слово», да притомъ не русскихъ, а татаръ и не маленькихъ, а взрослыхъ. Ученики татары заявили Ушинскому, что русское чтеніе и письмо по книгѣ «Родное Слово» дается имъ легче татарскаго и что въ библіотетѣ у каждаго изъ нихъ обязательно есть первый годъ «Родного Слова», на ряду съ кораномъ и семью толкованіями его на арабскомъ языкѣ.

Вернувшись изъ Бахчисарая въ Симферополь, Ушинскій узналъ, что здѣсь устроенъ съѣздъ начальныхъ учителей для рѣшенія различныхъ педагогическихъ вопросовъ. Ушинскій аккуратно посѣщалъ собранія этого съѣзда и принималъ живое участіе въ бесѣдахъ учителей. Развивая съ горячностью убѣжденнаго человѣка ту или другую педагогическую мысль, онъ и не замѣчалъ, что это вредно отражалось на его здоровьѣ. Учителя просили его не утомляться такъ, но онъ отвѣчалъ, что не можетъ не принимать близко къ сердцу того педагогическаго движенія, какое онъ замѣчаетъ въ своемъ отечествѣ. Посѣтивши симферопольскую женскую гимназію, онъ здѣсь былъ на экзаменѣ въ приготовительномъ классѣ и поразилъ всѣхъ присутствующихъ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ онъ ставилъ вопросы. При отъѣздѣ Ушинскаго изъ Симферополя начальные учителя и другія лица устроили ему проводы и выразили глубокую преданность и признательность своему учителю. Это въ высшей степени растрогало его, и онъ рѣшился еще съ большимъ усердіемъ отдаться дѣлу народнаго образованія. Кромѣ теоретическихъ трудовъ, онъ вознамѣрился основать учебное заведеніе, въ которомъ слабыя и

болѣзненныя дѣти, при хорошихъ гигіеническихъ условіяхъ, получали бы нужное имъ среднее образованіе. Приторговавши около Ялты имѣніе, онъ отправился въ свою усадьбу, Богданку (Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда), гдѣ жила его семья и куда пріѣхалъ, только-что окончившій курсъ 2-ой Петербургской военной гимназіи, его сынъ, очень способный и благовоспитанный юноша. На него Ушинскій возлагалъ большія надежды и смотрѣлъ на него, какъ на своего друга и преемника по труду народнаго образованія. Пріѣхавши въ Богданку, Ушинскій узналъ, что его любимый сынъ случайно на охотѣ ранилъ себя изъ револьвера и уже похороненъ. Это несказанно поразило несчастнаго отца. Онъ упалъ безъ чувствъ, затѣмъ, пришедши въ себя, заперся въ кабинетѣ и долго оттуда раздавались отчаянные стоны и рыданія убитаго горемъ отца. Онъ сталъ угрюмъ, молчаливъ и старался хлопотами и распоряженіями по имѣнію заглушить удручающую его тоску.

Осенью онъ перевезъ всю семью свою въ Кіевъ, гдѣ помѣстилъ двухъ дочерей своихъ въ институтъ.

Тяжело ему жилось въ Кіевѣ. Мысль о покойномъ сынѣ не оставляла его и лишала сна. «Хорошо ли мнѣ въ Кіевѣ?» писалъ онъ въ отвѣтъ на письмо одного изъ друзей.—«Увы, не хорошо! Душитъ глушью, и ничего близкаго сердцу. Но думаю, что для семьи моей будетъ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Обо мнѣ уже думать нечего: моя пѣсня, кажется, окончательно спѣта». Константинъ Димитріевичъ, сознавая, что силы оставляютъ его, сокрушался о семьѣ и о томъ, что ему не удастся окончить задуманные педагогическіе труды.

Доктора торопили его въ Крымъ, между тѣмъ какъ самого его тянуло въ Петербургъ, гдѣ онъ прожилъ лучшіе годы своей жизни, въ разгарѣ такъ близкой ему педагогической дѣятельности. «Худъ ли, хорошъ ли Петербургъ», писалъ онъ въ это время знакомому,—«но я съ нимъ сжился сердцемъ, въ немъ протекла самая существенная часть моей жизни: много перечувствовано и горя, и радости, и много проработано; тамъ я таскался безъ куска хлѣба. и тамъ же составилъ состояніе; тамъ я напрасно искалъ мѣста уѣзднаго учителя и бесѣдовалъ съ царями; тамъ я былъ невѣдомъ ни одной душѣ, и тамъ пріобрѣлъ себѣ имя,—надѣюсь, честное, и вотъ почему слеза навертывается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербургъ, и что, по всей вѣроятности, мнѣ уже болѣе не видѣть его».

Предчувствія его, къ сожалѣнію, сбылись. Онъ отправился въ Крымъ съ двумя своими сыновьями. Дорогою онъ простудился и, остановившись въ Одессѣ, слегъ въ постель: у него открылось воспаленіе легкихъ. Не разсчитывая уже выздоровѣть, онъ телеграммой выписалъ изъ Кіева остальную свою семью.

27 декабря 1870 года, за четыре часа до смерти онъ почувствовалъ облегченіе, говорилъ, что ему очень хорошо, но нужно «побольше свѣта». Зажгли сначала четыре свѣчи, потомъ шесть, а затѣмъ, по его просьбѣ, всю комнату освѣтили яркимъ свѣтомъ. Ушинскій одѣлся въ чистое бѣлье, легъ въ постель и попросилъ своего родственника читать ему «Ундину» Жуковскаго. Послѣ чтенія онъ позвалъ къ себѣ всѣхъ дѣтей и, какъ всегда дѣлалъ на ночь, усердно помолился вмѣстѣ съ ними, благословилъ ихъ всѣхъ на сонъ грядущій, всѣхъ перекрестилъ, простился съ ними и уснулъ... уснулъ на вѣки. на 47 году своей жизни, далеко не выполнивши всѣхъ своихъ благихъ за-

мысловъ, направленныхъ къ просвѣщенію отечества. Выработавши упорнымъ умственнымъ трудомъ зрѣлыя педагогическія воззрѣнія и убѣжденія, онъ желалъ еще прибавить много хорошаго, новаго къ тому, что уже сдѣлалъ на пользу русской школы, русскихъ учителей, русскихъ женщинъ и дѣтей. Въ Одессѣ, гдѣ умеръ Ушинскій, у него не было знакомыхъ, но по его педагогическимъ трудамъ зналъ его весь одесскій педагогическій міръ и вся мыслящая Одесса. И едва по городу распространилась вѣсть о смерти Ушинскаго, какъ около гроба его собралась обширная педагогическая семья. Вдову и дѣтей покойнаго окружили самыми нѣжными заботами, освободивъ ихъ отъ всякихъ хлопотъ по отпѣванію и перевозкѣ тѣла его въ Кіевъ, для погребенія въ подгородномъ Выдубицкомъ монастырѣ. На крестѣ его памятника написано: «Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ, Ей, глаголетъ духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ, дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ за ними». Тѣло Ушинскаго отъ Одесскаго собора, гдѣ происходило отпѣваніе, до вокзала желѣзной дороги сопровождала огромная толпа начальниковъ учебныхъ заведеній, учащихъ и учащихся. Произнесено было нѣсколько прочувствованныхъ рѣчей какъ въ соборѣ, такъ и на вокзалѣ передъ отходомъ поѣзда. Въ Кіевѣ гробъ Ушинскаго тоже встрѣченъ былъ кіевскимъ педагогическимъ міромъ. Да и не въ одной только Одессѣ, не въ одномъ Кіевѣ или въ столицѣ, но и въ самыхъ глухихъ провинціальныхъ закоулкахъ, куда только судьба забросила развитаго священника, образованнаго сельскаго учителя или образованную русскую женщину, смерть Ушинскаго глубоко почувствовалась. Это показываетъ, что въ то время уже Ушинскій сдѣлался извѣстенъ и дорогъ всѣмъ, кто интересовался дѣломъ обученія и воспитанія подростающаго поколѣнія.

И до настоящаго времени, не смотря на то, что прошло уже болѣе тридцати лѣтъ со времени смерти Ушинскаго, сочиненія его не утратили своего значенія. По его «Родному Слову» еще до сихъ поръ масса дѣтей обучается родному языку и, вѣроятно, еще долго будутъ обучаться по нему. Его «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія» и до сихъ поръ составляетъ настольную книгу каждаго мыслящаго учителя.

Разсмотримъ педагогическія сочиненія Ушинскаго.

Въ наслѣдство русской школѣ и русской семьѣ остались слѣдующіе педагогическіе труды Ушинскаго: 1) рядъ педагогическихъ статей, напечатанныхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и въ другихъ педагогическихъ журналахъ; 2) «Родное Слово», г. 1, 2 и 3-ій; 3) двѣ книги для учащихъ—приложеніе къ «Родному Слову»; 4) двѣ части «Дѣтскаго міра» и 5) два тома педагогической антропологіи—«Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія». Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ трудовъ.

1) Изъ множества педагогическихъ статей Ушинскаго избраны статьи, имѣющія общее значеніе, и изданы отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Собраніе педагогическихъ статей Константина Дмитріевича Ушинскаго». Въ этой книгѣ читатель находитъ цѣнныя мысли о педагогической подготовкѣ учителей, о пользѣ педагогической литературы, о народности въ общественномъ

воспитаніи, о воспитательно-образовательномъ значеніи родного языка, о нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи и т. п. Изложимъ хотя нѣкоторыя изъ идей Ушинскаго, высказанныя имъ въ педагогическихъ статьяхъ.

«Есть только одинъ идеалъ совершенства, предъ которымъ», говоритъ Ушинскій, «преклоняются всѣ народности: это идеалъ, представляемый намъ христіанствомъ. Все, чѣмъ человѣкъ, какъ человѣкъ, можетъ и долженъ быть, выражено вполнѣ въ Божественномъ ученіи и воспитанію остается только, прежде всего и въ основу всего, вкоренить вѣчныя истины христіанства. Оно даетъ жизнь и указываетъ вѣчную цѣль ко всякому воспитанію; оно же и должно служить для воспитанія каждаго христіанскаго народа источникомъ свѣта и всякой истины. Это несгораемый свѣточъ, идущій вѣчно, какъ огненный столбъ пустыни, впереди человѣка и народовъ»... Воспитаніе русскихъ должно быть, по требованію Ушинскаго, непремѣнно православнымъ.

Кромѣ религіознаго элемента, воспитаніе молодого поколѣнія должно носить и элементъ народности. «Народъ безъ народности», говоритъ Ушинскій,— «тѣло безъ души, и воспитаніе, если оно не хочетъ быть безсильнымъ, должно быть *народнымъ*. Всякая живая историческая народность есть самое высокое и самое прекрасное созданіе Божіе на землѣ, и воспитанію остается только черпать изъ этого богатаго и чистаго источника»...

Русскую народную школу Ушинскій желалъ бы оставить въ рукахъ самого народа, какъ его семейное дѣло; онъ желалъ бы навсегда устранить ложную мысль, что простой мужикъ очень грубъ и недалекъ, чтобы слѣдить за воспитаніемъ своего дитяти. «Народъ», говоритъ онъ,— «понимаетъ назначеніе школы не меньше, чѣмъ большинство нашего общества; онъ даже чище смотритъ на ея задачу. Когда высшіе слои, поднимающіеся надъ народомъ, отдаютъ своихъ дѣтей въ ученіе только изъ-за того, чтобы приготовить ихъ къ карьерѣ и выгодной службѣ, народъ меньше всего думаетъ о службѣ, меньше всего поощряетъ жажду иныхъ честолюбивыхъ крестьянъ какъ-нибудь выбиться изъ-подъ сохи и бросить землю». Ушинскій выражаетъ свое убѣжденіе, что самъ народъ является лучшимъ хранителемъ добраго направленія школы. «Если крестьянинъ замѣтитъ», говоритъ онъ,—«что его дитя, посѣщающее школу, начинаетъ показывать неуваженіе къ религіи, къ родителямъ, или болтаетъ разныя глупости, то повѣрьте, что прежде всего самъ же онъ, крестьянинъ, вооружится противъ такой школы и такого учителя. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.... Надеженъ только тотъ хранитель, который имѣетъ свой собственный интересъ въ охраненіи».

Кромѣ самого народа, Ушинскій желалъ бы ввѣрять охрану народныхъ школъ духовенству, которое самымъ положеніемъ своимъ поставлено охранителемъ религіозныхъ принциповъ народа, и земству, все благоденствіе котораго основано на охраненіи спокойствія и порядка. Онъ желалъ бы, чтобы администрація и высшіе слои общества лишь содѣйствовали дѣлу народнаго образованія убѣжденіемъ, разъясненіемъ, примѣромъ и интеллектуальною и матеріальною помощью.

Дѣло воспитанія подростающаго поколѣнія, по мысли Ушинскаго, должно быть близко всему обществу. Каждый членъ общества, каждая семья должны быть заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. «Пусть же», говоритъ Ушинскій,—«вос-

питаніе дѣтей войдетъ въ моду въ нашемъ обществѣ; пусть великосвѣтская барыня, отодвинувъ немного въ сторону модныя бездѣлушки, положитъ хоть рядомъ съ ними какой-нибудь дѣтскій учебникъ или новую педагогическую книжку; пусть важный господинъ, говоря серьезно о новой танцовщицѣ, о рысакахъ, выигравшихъ призъ, не постыдится сказать нѣсколько серьезныхъ же словъ и объ азбукѣ, по которой учатся его дѣти, и быть внимательнымъ къ учителю хотъ покрайней мѣрѣ настолько, насколько онъ внимателенъ теперь къ модному портному».... «Пусть порядочный человѣкъ не совѣстится выбрать себѣ учительскую карьеру».

Дѣятельности учителя и воспитателя Ушинскій придавалъ очень важное значеніе. Роль его очень высока и, понятно, что онъ своими душевными качествами долженъ соотвѣтствовать этой роли. «Необходимо, чтобы люди, принимающіеся за воспитаніе и обученіе юношества, были не только хорошіе педагоги, но и истинные христіане по своимъ стремленіямъ и убѣжденіямъ». Кромѣ того, такъ какъ учебно-воспитательная дѣятельность должна быть сознательной, разумной дѣятельностью, то къ ней и необходимо серьезно подготовляться изученіемъ антропологическихъ и педагогическихъ наукъ. Такимъ образомъ, каждому учителю и воспитателю, кромѣ общаго, необходимо еще и спеціально-педагогическое образованіе. Безъ научныхъ педагогическихъ основъ учитель или воспитатель неминуемо идетъ ощупью, на-авось, рискуя погубить много неповинныхъ дѣтскихъ душъ. «Кто», говоритъ Ушинскій,—«полагаетъ, что, не изучивъ обширнаго круга медицинскихъ наукъ, можно съ успѣхомъ лѣчить по «Домашнему лѣчебнику» или «Другу здоровья», тотъ вправѣ думать, что и обучать и воспитывать успѣшно можно по какому-нибудь учебнику, безъ предварительнаго изученія антропологическихъ наукъ». Между тѣмъ, по замѣчанію Ушинскаго, «дѣло воспитанія многимъ кажется дѣломъ знакомымъ и понятнымъ, а инымъ даже и легкимъ, и тѣмъ оно кажется понятнѣе и легче, чѣмъ менѣе человѣкъ съ нимъ знакомъ, теоретически или практически». «Даже многіе учителя и воспитатели-практики», по заявленію того же Ушинскаго,—«съ презрѣніемъ отзываются о педагогической теоріи и питаютъ къ ней какую-то странную вражду, хотя самыя имена главнѣйшихъ педагогическихъ дѣятелей имъ или совсѣмъ не извѣстны, или извѣстны лишь по слуху».

Для подготовки учителей въ среднія учебныя заведенія Ушинскій признавалъ необходимымъ учрежденіе особыхъ педагогическихъ факультетовъ, гдѣ бы будущіе педагоги изучали антропологическія и педагогическія науки. «Если въ университетахъ», писалъ Ушинскій, «существуютъ факультеты медицинскіе и камеральные, но нѣтъ педагогическихъ, то это показываетъ только, что человѣкъ до сихъ поръ болѣе дорожитъ здоровьемъ своего тѣла и своего кармана, чѣмъ своимъ нравственнымъ здоровьемъ, и болѣе заботится о богатствѣ будущихъ поколѣній, чѣмъ о хорошемъ ихъ воспитаніи».

Для подготовки учителей въ начальныя школы Ушинскій признавалъ необходимымъ учрежденіе достаточнаго числа правильно организованныхъ учительскихъ семинарій. Онъ даже составилъ подробный проектъ русской учительской семинаріи. Такъ какъ многія положенія «Проекта» Ушинскаго нашли примѣненіе при учрежденіи въ Россіи учительскихъ семинарій, то потому и приведемъ важнѣйшія изъ его положеній:

Учительскія семинаріи, по проекту Ушинскаго, должны быть устраиваемы не въ большихъ городахъ, гдѣ много соблазновъ, но въ то же время и не въ удаленіи отъ центровъ образованія, дабы всякаго рода культурныя орудія и средства были подъ рукою. Онѣ должны быть закрытыми заведеніями, дабы воспитанники находились подъ болѣе близкимъ нравственнымъ и религіознымъ вліяніемъ со стороны наставниковъ. Обстановка семинаристовъ должна быть самая простая, дабы они привыкли довольствоваться тѣми условіями жизни, какія предоставитъ имъ жизнь въ селѣ или деревнѣ. Въ семинарію поступаютъ ученики по строгому выбору. Обученіе въ семинаріяхъ должно быть не обширное, но энциклопедическое и приноровленное къ дѣятельности начальнаго учителя. При семинаріи должна быть практическая школа, такъ какъ главная дѣятельность семинаристовъ должна состоять въ практическихъ занятіяхъ. Желательно, чтобы народные учителя были народными не только потому, что учатъ въ народныхъ школахъ, но и потому, что они вышли дѣйствительно изъ среды народа, вынесли съ собою его лучшія характеристическія свойства и его чистѣйшія обязанности и привязанности, просвѣтленныя истинно-христіанскимъ образованіемъ.

Для дальнѣйшаго педагогическаго образованія учителя, а равно для поддержанія педагогическаго интереса какъ въ немъ самомъ, такъ и во всемъ обществѣ, Ушинскій признавалъ необходимымъ существованіе педагогической литературы. «Педагогическая литература», говоритъ онъ,—«можетъ оживить учебно-воспитательную дѣятельность, придать ей тотъ смыслъ и ту занимательность, безъ которыхъ она скоро дѣлается машинальнымъ препровожденіемъ времени, назначеннаго на урокъ. Она можетъ возбудить въ обществѣ вниманіе къ дѣлу воспитанія и дать въ немъ воспитателямъ то мѣсто, которое они должны занимать по важности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Педагогическая литература устанавливаетъ въ обществѣ, съ одной стороны, правильныя требованія въ отношеніи воспитанія, а съ другой—открываетъ средства для удовлетворенія этихъ требованій»... «При существованіи педагогической литературы, всякій воспитатель имѣетъ возможность не ограничиваться тѣснымъ кругомъ своей дѣятельности. Его опытъ, мысль, которую онъ выработаетъ въ своей практикѣ, новый вопросъ, родившійся въ его головѣ, все это не остается въ предѣлахъ его школы, или, что еще хуже, не умретъ въ немъ самомъ; но, появившись на литературномъ поприщѣ, облетитъ всѣ концы Россіи, заглянетъ во всѣ захолустья, гдѣ только есть школа, и вызоветъ сочувствіе или споръ въ сотнѣ его товарищей, дѣла которыхъ коснется мысль его прямо: она можетъ вызвать горячее сочувствіе, пріобрѣсть защитниковъ и перейти въ дѣйствительность не въ тѣсныхъ предѣлахъ одного класса или одной школы, но въ обширныхъ предѣлахъ общественнаго образованія цѣлаго государства».

Центромъ образованія въ начальной школѣ да и вообще въ каждой общеобразовательной школѣ долженъ служить, по мысли Ушинскаго, родной языкъ. Учитель родного языка не только долженъ учить грамматикѣ и орѳографическому письму, но и пріучать учениковъ къ правильному мышленію и вообще содѣйствовать развитію душевныхъ силъ ихъ. Такая роль обученія отечественному языку вытекаетъ изъ значенія родного языка. Значеніе это прекрасно раскрыто Ушинскимъ въ статьѣ «Родное слово».

....«Въ языкѣ», говоритъ онъ,—«одухотворяется весь народъ и вся его родина, въ немъ претворяется творческою силою народнаго духа въ мысль въ картину и звукъ небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея, климатъ, ея поля, горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы,—весь тотъ глубокій, полный мысли и чувства голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви человѣка къ его иногда суровой родинѣ, который иногда высказывается такъ ясно въ родной пѣснѣ, въ родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народныхъ поэтовъ. Но въ свѣтлыхъ, прозрачныхъ глубинахъ народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся исторія духовной жизни народа. Поколѣнія народа проходятъ одно за другимъ, но результаты жизни каждаго поколѣнія остаются въ языкѣ,—въ наслѣдіе потомкамъ. Въ сокровищницѣ родного слова складываетъ одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитого горя и прожитой радости,—словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое, историческое живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезнетъ народный языкъ—народа нѣтъ болѣе!—И нѣтъ насилія болѣе тяжелаго, какъ то, которое желаетъ отнять у народа наслѣдство, созданное безчисленными поколѣніями его отжившихъ предковъ. Отнимите у народа все—и онъ все можетъ воротить; но отнимите языкъ—и онъ никогда болѣе уже не создастъ его; новую родину даже можетъ создать народъ, но языка—никогда, вымеръ языкъ въ устахъ народа—вымеръ и народъ».

«Являясь, такимъ образомъ, полнѣйшею и вѣрнѣйшею лѣтописью всей духовной, многовѣковой жизни народа, языкъ въ то-же время является величайшимъ народнымъ наставникомъ, учившимъ народъ тогда, когда не было еще ни книгъ, ни школъ, и продолжающимъ его учить до конца народной исторіи. Усваивая родной языкъ, легко и безъ труда, каждое новое поколѣніе усваиваетъ въ то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавшихъ ему поколѣній, давно истлѣвшихъ въ родной землѣ. Все—что видали, все—что испытали, все—что перечувствовали и передумали эти безчисленныя поколѣнія предковъ, передается легко и безъ труда ребенку, только что открывающему глаза на міръ Божій, и дитя, выучившись родному языку, вступаетъ уже въ жизнь съ необъятными силами. Не условнымъ звукамъ только учится ребенокъ, изучая родной языкъ, но пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова. Оно объясняетъ ему природу, какъ не могъ бы объяснить ее ни одинъ естествоиспытатель; оно знакомитъ его съ характеромъ окружающихъ его людей, съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ, съ его исторіей и его стремленіями; оно вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію; оно, наконецъ, даетъ такія логическія понятія и философскія воззрѣнія, которыхъ, конечно, не могъ бы сообщить ребенку ни одинъ философъ».

«Ребенокъ, развитіе котораго не было извращено насильственно, въ пять или шесть лѣтъ, по большей части, говоритъ уже очень бойко и правильно на своемъ родномъ языкѣ. Но подумайте, сколько нужно знаній, чувствъ, мыслей, логики и даже философіи, чтобы говорить такъ на какомъ-нибудь

языкѣ, какъ говоритъ неглупое дитя лѣтъ шести или семи на своемъ родномъ. Тѣ очень ошибаются, кто думаетъ, что въ этомъ усвоеніи ребенкомъ родного языка дѣйствуетъ только память: никакой памяти не достало бы для того, чтобы затвердить не только всѣ слова какого-нибудь языка, но даже всѣ возможныя сочетанія этихъ словъ и всѣ ихъ видоизмѣненія;—нѣтъ, если бы изучали языкъ одною памятью, то никогда бы вполнѣ не изучили ни одного языка. Языкъ, созданный народомъ, развиваетъ въ духѣ ребенка способность, которая создаетъ въ человѣкѣ слово и которая отличаетъ человѣка отъ животнаго—развиваетъ его духъ. Вы замѣчаете, что ребенокъ, желая выразить свою мысль, въ одномъ случаѣ употребляетъ одно выраженіе, въ другомъ—другое, и невольно удивляетесь чутью, съ которымъ онъ подмѣтилъ необычайно тонкое различіе между двумя словами, повидимому очень сходными. Могло ли бы это быть, если бы ребенокъ, усвоивая родной языкъ, не усваивалъ частицы той творческой силы, которая давала возможность народу создать языкъ?»

«Но этотъ удивительный педагогъ—родной языкъ, не только учитъ многому, но и учитъ удивительно легко, по какому-то недосягаемо-облегчающему методу. Мы успокаиваемъ себя обыкновенно фразою, что ребенокъ говоритъ на родномъ языкѣ, такъ себѣ, безсознательно; но эта фраза ровно ничего не объясняетъ. Усваивая родной языкъ, ребенокъ усваиваетъ не одни только слова, ихъ сложенія и видоизмѣненія, но безконечное множество понятій, воззрѣній на предметы, множество мыслей, чувствъ, художественныхъ образовъ, логику и философію языка,—и усваиваетъ легко и скоро, въ два-три года столько, что и половины того мы не можемъ усвоить въ двадцать лѣтъ прилежнаго и методическаго ученія. Таковъ этотъ великій народный педагогъ—родное слово».

Изъ изложеннаго значенія отечественнаго языка Ушинскій не только дѣлаетъ тотъ выводъ, что онъ долженъ быть поставленъ въ центрѣ обученія, но также и другіе весьма цѣнные педагогическіе выводы. Такъ, онъ совершенно вѣрно говоритъ, что не слѣдуетъ начинать изученіе иностраннаго языка, прежде чѣмъ достаточно глубоко не изученъ родной языкъ. Дитя, учащееся говорить прежде не на отечественномъ, а на иностранномъ языкѣ, усвояетъ начала чужой народности и вредитъ правильности и прочности всего своего душевнаго развитія. Иностранные языки Ушинскій совѣтуетъ изучать въ послѣдовательномъ порядкѣ, а не одновременно, во избѣжаніе путаницы, и по каждому иностранному языку давать какъ можно болѣе упражненій, особенно на первыхъ порахъ.

Будучи человѣкомъ упорнаго и неустаннаго труда, Ушинскій въ своей прекрасной статьѣ «Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи» раскрываетъ значеніе труда для духовнаго и матеріальнаго благосостоянія человѣка. Трудъ составляетъ потребность человѣка. Тѣло, сердце и умъ человѣка требуютъ труда, и это требованіе такъ настоятельно, что если у человѣка не окажется своего личнаго труда въ жизни, то предъ нимъ открывается путь или неутолимаго недовольства жизнью, мрачной апатіи, или добровольнаго самоуничтоженія. Трудъ составляетъ необходимое условіе поддержанія человѣческаго достоинства и достиженія возможнаго на землѣ счастія. Безъ лич-

наго труда человѣкъ не можетъ итти впередъ, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, а долженъ итти назадъ.

Изъ такого значенія труда Ушинскій дѣлаетъ выводъ, что основной задачей воспитанія должно считаться приготовленіе юношей къ разумному труду. Воспитаніе должно развить въ человѣкѣ привычку и любовь къ труду, должно дать ему возможность и средства отыскать для себя трудъ въ жизни. Потому и школа, развивая своихъ учениковъ духовно, должна вмѣстѣ съ тѣмъ зажечь въ нихъ жажду серьезнаго и разумнаго труда, безъ котораго жизнь ихъ не можетъ быть ни достойною, ни счастливой. Сообразно съ этой задачей, ученіе въ школѣ должно быть не игрой и забавой, а серьезнымъ трудомъ. Конечно, при этомъ должна быть соблюдаема послѣдовательность и посильность, при чемъ на долю учащагося достается столько труда, сколько могутъ одолѣть его молодыя силы.

2) Изложенныя выше идеи о значеніи родного языка Ушинскій прекрасно осуществилъ въ составленныхъ имъ руководствахъ для обученія отечественному языку, названныхъ имъ «Родное Слово».

Появленіе книгъ «Родного Слова» произвело значительный переворотъ въ начальномъ обученіи. Обучаясь по «Родному Слову», дѣти не только учатся читать и писать, но и развиваютъ свои душевныя силы, обогащаютъ свою рѣчь и выясняютъ себѣ окружающую дѣйствительность. И все это совершается само собою, легко, скоро, сопровождаясь радостнымъ чувствомъ дѣтей.

Обладая въ высшей степени пониманіемъ душевной жизни дѣтей, Ушинскій приноровилъ свое руководство къ потребностямъ ихъ и послѣдовательному развитію ихъ мышленія и рѣчи. Языкъ въ книгахъ «Р. Сл.» вездѣ простой, образный, вездѣ вы видите простыя предложенія, что̀ соотвѣтствуетъ устной дѣтской рѣчи.

Милліоны дѣтей, учившихся и учащихся по «Родному Слову», сохраняютъ на всю жизнь пріятное воспоминаніе о разсказахъ, пѣсенкахъ, пословицахъ, загадкахъ, стишкахъ, находящихся въ немъ.

Книги «Родного Слова» нашли себѣ мѣсто и въ царскихъ палатахъ, и въ бѣдной заброшенной школѣ, и въ скромной русской семьѣ. Слѣдуетъ только поближе познакомиться съ ними, чтобы выяснилась причина такого распространенія ихъ.

«Родное Слово», какъ сказано, распадается на три книги, по годамъ ученія.

Первый годъ «Родного Слова» состоитъ изъ азбуки и первой послѣ азбуки книги для чтенія. Съ гласными звуками и буквами дѣти ознакамливаются синтетически; затѣмъ съ согласными звуками они ознакамливаются аналитическимъ путемъ, т.-е. посредствомъ выдѣленія ихъ изъ удачно подобранныхъ словъ. Познакомившись съ нѣсколькими письменными буквами, дѣти переходятъ къ совмѣстному ознакомленію и съ письменными, и печатными буквами. Чтенію и письму они обучаются одновременно. Письму буквъ предшествуютъ упражненія въ рисованіи по клѣточкамъ и писаніи элементовъ буквъ.

Ознакомившись при изученіи азбуки съ процессомъ чтенія и письма, дѣти переходятъ къ чтенію коротенькихъ разсказцевъ, сказочекъ, пословицъ, загадокъ и скороговорокъ. Рядомъ съ статейками для чтенія и пересказа помѣщены стишки для заучиванія наизусть и задачи для умственныхъ упраж-

ненiй или вопросы для устныхъ отвѣтовъ. И весь матерiалъ, помѣщенный подъ общимъ заголовкомъ, имѣетъ внутреннюю связь: одно служитъ поясненiемъ другого или выводомъ изъ него.

Учитель или учительница, обучая по «Родному Слову», невольно чувствуетъ, что каждую главу этой книги нужно не только прочитать съ дѣтьми, но и проработать ее съ ними. И такая проработка въ высшей степени плодотворна для душевнаго развитiя ихъ.

Въ книгѣ помѣщено значительное количество умѣло составленныхъ картинокъ, служащихъ для развитiя наблюдательности, мышленiя и рѣчи дѣтей.

Дѣти охотно учатся по «Родному Слову», такъ какъ каждая статейка, каждая пословица, поговорка, каждая задача вызываетъ въ нихъ опредѣленный образъ, опредѣленную мысль. Они чувствуютъ, что учиться по этой книгѣ легко и прiятно: они не остаются пассивными, а сами, подъ руководствомъ учителя, въ доступной для нихъ мѣрѣ участвуютъ въ усвоенiи знанiй. А такой путь прiобрѣтенiя знанiй, сопровождаясь дѣятельностью душевныхъ силъ, вызываетъ интересъ учащихся. И они любятъ «Родное Слово», какъ раньше любили самую лучшую свою игрушку.

«Родное Слово» годъ 2-ой настолько же по своему содержанiю занимательно для дѣтей, какъ и 1-ый годъ. Статьи, стихотворенiя, загадки, пословицы, а равно и вопросы во 2-мъ году «Родного Слова» хотя и болѣе серьезны, чѣмъ въ первомъ году, однако совершенно посильны дѣтямъ, прошедшимъ 1-ый годъ. Вся книга распадается на три отдѣла: 1) «Вокругъ да около». 2) «Времена года» и 3) «Задачи» для устныхъ и письменныхъ упражненiй, направленныя къ развитiю мышленiя дѣтей и подготовляющiя ихъ къ сознательному усвоенiю формъ языка.

Первые два года «Родного Слова» предназначены были авторомъ преимущественно для обученiя въ семьѣ и городской школѣ. Для сельской же школы онъ намѣренъ былъ составить новую книгу, и только преждевременная смерть не дала ему возможности осуществить это желанiе. Но достоинства книжекъ «Родного Слова» такъ велики, что книги эти сдѣлались любимыми не только въ семьѣ и городской школѣ, но и въ сельскихъ школахъ.

По книгѣ «Родное Слово» годъ третiй русскiе учителя впервые познакомились, какъ слѣдуетъ обучать дѣтей грамматикѣ отечественнаго языка. Грамматика представляетъ собою изложенiе формъ и законовъ языка. Ребенокъ, говорящiй на отечественномъ языкѣ, правильно примѣняетъ формы и законы его, хотя и не сознаетъ этого. Для того, чтобы онъ созналъ употребляемыя имъ формы и законы, нужно, чтобы онъ обратилъ вниманiе на собственную рѣчь и такимъ образомъ подмѣтилъ эти формы и законы. Но самъ онъ не въ состоянiи этого сдѣлать, онъ и не подозрѣваетъ даже, что существуютъ формы и законы языка, хотя и употребляетъ ихъ. Тутъ-то является помощь учителя, который обращаетъ вниманiе ученика на собственную его рѣчь и такимъ образомъ подводитъ его къ выводу грамматическаго правила или закона.

Само собою разумѣется, что ученикъ сначала различаетъ болѣе простыя, легко поддающiяся наблюденiю, явленiя языка, а затѣмъ онъ уже различаетъ и болѣе сложныя формы и законы; сообразно съ этимъ располагается и грамматическiй матерiалъ.

Съ этимологическими, синтактическими и ороографическими правилами и законами ученики ознакамливаются одновременно, попутно.

Остановившись на сказкѣ Пушкина «О рыбакѣ и рыбкѣ», изложенной совершенно простымъ языкомъ, Ушинскій въ своемъ руководствѣ обращаетъ вниманіе учениковъ на строй предложеній и на нужныя грамматическія формы и такимъ образомъ ознакамливаетъ ихъ съ ними.

Кромѣ предложеній, взятыхъ изъ названной сказки, онъ беретъ примѣры изъ обыденной живой рѣчи, а также изъ басенъ Крылова и изъ другихъ произведеній, доступныхъ ученикамъ.

Подмѣтивши въ понятной рѣчи тѣ или другіе грамматическіе законы, тѣ или другія грамматическія формы, ученики никогда не забудутъ ихъ, и знаніе ими отечественной грамматики, такимъ образомъ усвоенное, становится прочною и неотъемлемою собственностью ихъ. Кромѣ того, при указанномъ способѣ обученія грамматикѣ, ученики пріучаются къ самонаблюденію и самосознанію, что очень важно въ образовательномъ и воспитательномъ отношеніи. «Многія науки», говоритъ Ушинскій,—«обогащаютъ только сознаніе дитяти; грамматика, разумно преподаваемая, начинаетъ развивать самосознаніе человѣка, т.-е. именно ту способность, вслѣдствіе которой человѣкъ является человѣкомъ между животными».

3) Къ «Родному Слову» для дѣтей Ушинскій приложилъ «Руководство для учащихъ». Въ этомъ руководствѣ онъ изложилъ цѣнныя методическія и дидактическія указанія, проникнутыя гуманными идеями и горячею любовью къ русскимъ дѣтямъ. Главная цѣль этой книги—помочь начинающимъ учителямъ и въ особенности матерямъ вести съ пріятностью и производительно для дѣтей трудъ первоначальнаго обученія ихъ. Вотъ, между прочимъ, какія дидактическія указанія даетъ Ушинскій:

«Начинайте ученіе тогда», говоритъ онъ,—«когда замѣтите въ ребенкѣ охоту къ рисованію, способность его сосредоточивать вниманіе на одномъ предметѣ, слушать то, что ему говорятъ, и выражаться не отрывочными словами, а полными предложеніями. Поэтому, по свойству дѣтскаго организма и способностей, можно начинать методическое обученіе въ 7, 8 и даже 9 лѣтъ».

«Не утомляйте ребенка слишкомъ продолжительнымъ ученіемъ. Въ первый годъ довольно будетъ часа поутру и полчаса послѣ обѣда. На слѣдующій годъ можно будетъ прибавить по получасу—полтора часа утромъ и часъ послѣ обѣда; далѣе два часа утромъ и по-крайней мѣрѣ до 9 лѣтъ не назначайте выше трехъ часовъ ежедневныхъ занятій. Сначала черезъ каждые полчаса, а потомъ черезъ часъ, давайте полный отдыхъ ребенку—пусть онъ немного побѣгаетъ, порѣзвится и привыкаетъ принуждать себя переходить отъ игры къ дѣлу. Задавать дѣтямъ внѣклассные уроки въ этомъ возрастѣ положительно вредно, и только въ 10 лѣтъ, и то послѣ хорошихъ предварительныхъ классныхъ занятій въ прежніе годы, можно допустить небольшіе уроки внѣ класса».

«Сдѣлать серьезное занятіе для ребенка занимательнымъ—вотъ задача первоначальнаго обученія. Съ первыхъ же уроковъ пріучайте дитя полюбить свои обязанности и находить удовольствіе въ ихъ исполненіи».

«Чѣмъ болѣе разнообразія въ учебныхъ занятіяхъ и чѣмъ менѣе разнообразія въ учащихъ, тѣмъ лучше для первоначальнаго обученія».

«Дитя мыслитъ формами, красками, звуками, ощущеніями вообще; отсюда—необходимость для дѣтей нагляднаго обученія, которое и строится не на отвлеченныхъ понятіяхъ и словахъ, а на конкретныхъ образахъ, непосредственно воспринимаемыхъ ребенкомъ».

«Школа должна быть», по словамъ Ушинскаго,—«мастерскою гуманности», гдѣ дѣти не только учатся грамотѣ, но, главное, становятся добрѣе, привѣтливѣе, сдержаннѣе. «Школа для малолѣтнихъ должна быть проникнута семейнымъ характеромъ».

Для благотворнаго вліянія на учениковъ, учитель долженъ изучать индивидуальныя особенности ихъ, сообразоваться въ своей дѣятельности съ этими особенностями и заботливо относиться къ нуждамъ дѣтской души

Чѣмъ меньше возрастъ учениковъ, надъ образованіемъ которыхъ трудится учитель, тѣмъ больше требуется отъ него педагогическихъ знаній.

Въ хорошей школѣ ученики путемъ самодѣятельности пріобрѣтаютъ знанія, а учитель лишь руководитъ ихъ самодѣятельностью. Все школьное ученіе и вся школьная жизнь должны быть проникнуты разумнымъ, религіознымъ и нравственнымъ элементомъ. «Въ школѣ должна царствовать серьезность, допускающая шутку, но не превращающая всего дѣла въ шутку, ласковость, справедливость, доброта, порядокъ и, главное, постоянная разумная дѣятельность».

«Въ школьной скукѣ скрывается источникъ множества дѣтскихъ проступковъ: шалостей, лѣни, капризовъ, отвращенія отъ ученья, хитрости, лицемѣрія, обмановъ и т. п. школьныхъ пороковъ. Уничтожьте школьную скуку— и вся эта смрадная туча, приводящая въ отчаяніе учителя, отравляющая свѣтлый потокъ дѣтской жизни, исчезнетъ сама собою».

«Въ старой школѣ дисциплина была основана на самомъ противоестественномъ началѣ—на страхѣ къ учителю, раздающему награды и наказанія. Въ разумно устроенной новой школѣ наказаній за лѣность быть не можетъ, потому что уроки выучиваются въ классѣ; наказаній за шалости— также, потому что дѣти заняты и шалить имъ некогда».

Вотъ, между прочимъ, какія гуманныя идеи Ушинскій прекрасно развилъ и обосновалъ въ своемъ руководствѣ для учащихъ. Идеи эти положены въ основаніе новой педагогики.

4) Для занятій учениковъ, прошедшихъ уже «Родное Слово» г. 1-ый и 2-ой, предназначены Ушинскимъ двѣ части «Дѣтскаго міра». При составленіи этого руководства Константинъ Димитріевичъ исходилъ изъ той мысли, что классная книга для первоначальнаго чтенія должна преслѣдовать общеобразовательныя цѣли, что она должна стать средоточіемъ всего элементарнаго курса и подготовлять дѣтей къ усвоенію научныхъ знаній.

Каждая часть «Дѣтскаго міра» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Второй отдѣлъ представляетъ собою хрестоматію, составленную изъ произведеній лучшихъ русскихъ писателей. Большая часть статей перваго отдѣла составлена самимъ Ушинскимъ.

Кромѣ образовательнаго значенія, «Дѣтскій міръ» имѣетъ важное воспитательное значеніе. Знакомясь по «Дѣтскому міру» преимущественно съ родиной, ученики невольно проникаются чувствомъ любви къ отечеству; знакомясь же по нему съ окружающимъ міромъ, они пріучаются смотрѣть на

послѣдній, какъ на чудное твореніе Творца, что способствуетъ воспитанію въ нихъ религіознаго чувства.

При разнообразіи содержанія, въ книгахъ «Дѣтскаго міра» выдержана система, дающая возможность ученикамъ объединять содержаніе однородныхъ статей.

Благодаря своимъ достоинствамъ, «Дѣтскій міръ» нашелъ себѣ мѣсто не только въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, для которыхъ онъ предназначенъ авторомъ, но и въ народныхъ школахъ,—и въ послѣднихъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что въ немъ («Дѣтскомъ мірѣ») помѣщены статьи историческія, географическія и естественно-историческія, дающія возможность ученикамъ этихъ школъ пріобрѣтать нужныя имъ знанія изъ этихъ предметовъ. И такое пріобрѣтеніе дается имъ безъ особеннаго труда, такъ какъ каждая статья написана просто, интересно и совершенно правильнымъ и понятнымъ для учениковъ языкомъ.

5) Если бы Ушинскій не составилъ ничего болѣе, кромѣ «Родного Слова», «Приложенія» къ нему и «Дѣтскаго міра», то и этого было бы достаточно, чтобы имя его сдѣлалось извѣстнымъ въ каждой школѣ и каждому учителю. Но онъ поднялъ небывалый еще у насъ трудъ составленія педагогической антропологіи, предназначенной служить учителямъ и воспитателямъ для изученія «Человѣка, какъ предмета воспитанія».

Выходя изъ той несомнѣнно вѣрной мысли, что для изученія педагогики необходимо быть знакомымъ съ душевною и органическою жизнью человѣка, Ушинскій, прежде чѣмъ приступить къ составленію руководства по педагогикѣ, рѣшилъ составить педагогическую антропологію. Живя за-границей, онъ внимательно изучилъ выдающихся древнихъ и новыхъ мыслителей, философовъ, психологовъ, физіологовъ и собственно педагоговъ и въ своемъ сочиненіи «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія» сводитъ мнѣнія различныхъ авторитетныхъ лицъ о томъ или другомъ вопросѣ психологіи или физіологіи. Изъ такого свода и вытекаетъ рѣшеніе соотвѣтственнаго психологическаго или физіологическаго вопроса. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ предоставляетъ самому читателю сдѣлать нужные выводы изъ сопоставленія приведенныхъ въ книгѣ мнѣній. Во всей книгѣ авторъ на ряду съ приводимыми мнѣніями и мыслями ученыхъ и мыслителей приводитъ примѣры, вынесенные изъ тонкихъ личныхъ наблюденій надъ собственною духовною дѣятельностью и надъ жизнью и дѣятельностью другихъ людей, что придаетъ сочиненію огромный интересъ и живость. На ряду съ изложеніемъ психическихъ явленій идутъ мѣткія указанія на практическіе выводы относительно воспитанія и обученія дѣтей. Авторъ нигдѣ не упускаетъ изъ виду главной цѣли своего труда— разсмотрѣнія человѣка, какъ предмета воспитанія, и это дѣлаетъ книгу Ушинскаго особенно цѣнной для учителей и воспитателей,—тѣмъ болѣе, что она изложена живо и во многихъ мѣстахъ всецѣло захватываетъ вниманіе читателя.

Весь трудъ задуманъ былъ авторомъ въ трехъ томахъ. Въ первомъ томѣ разсматриваются физіологія человѣка и явленія умственной дѣятельности. Во второмъ томѣ разсматриваются чувствованія и воля. Въ третьемъ томѣ авторъ намѣренъ былъ изложить психическія явленія высшаго порядка

и привести въ систему тѣ педагогическіе выводы, которые вытекаютъ изъ разсмотрѣнныхъ явленій физическаго организма и души человѣка. Матеріалъ для этого тома былъ заготовленъ, но, какъ сказано, ему не суждено было явиться въ печати: смерть постигла автора ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ издать его.

Въ вышедшихъ двухъ томахъ антропологіи русскій педагогическій міръ имѣетъ если не полное изображеніе душевныхъ явленій человѣка, то обстоятельное указаніе пути для изученія этихъ явленій.

Разсмотрѣвши педагогическіе труды Ушинскаго, нельзя не повторить словъ педагога Д. Д. Семенова: «Если весь славянскій міръ гордится Я. А. Коменскимъ, Швейцарія—Песталоцци, Германія—Дистервегомъ, то мы, русскіе, не забудемъ, что среди насъ жилъ и училъ К. Д. Ушинскій!»

II.

Николай Ивановичъ Пироговъ.

Имя Николая Ивановича Пирогова надолго останется почетнымъ какъ въ лѣтописяхъ медицинской науки, особенно хирургіи, для которой онъ сдѣлалъ очень много, такъ и въ лѣтописяхъ русской педагогіи, для которой онъ сдѣлалъ тоже не мало.

Излагая жизнь и дѣятельность Пирогова, мы будемъ имѣть въ виду преимущественно его педагогическую дѣятельность, проявившуюся, съ одной стороны, въ его распоряженіяхъ по управленію двумя учебными округами, а съ другой—въ его педагогическихъ сочиненіяхъ.

Практическая педагогическая дѣятельность Пирогова и его сочиненія проникнуты однимъ и тѣмъ же началомъ, ибо являются выраженіемъ одного и того же глубокаго духа.

Николай Ивановичъ Пироговъ родился въ 1810 г. въ Москвѣ. Отецъ его, казначей Московскаго провіантскаго депо, былъ отличный семьянинъ. Онъ и жена его прилагали большое стараніе къ воспитанію своихъ дѣтей. Средства ихъ въ періодъ дѣтства Николая Ивановича, были достаточны; у нихъ былъ въ Москвѣ свой домъ съ садомъ. Дѣтство Николая Ивановича прошло безъ лишеній. Шести лѣтъ Николай Ивановичъ научился читать по азбукѣ въ картинкахъ. Первоначальнымъ обученіемъ его занимались его мать и старшая сестра. Мальчикъ охотно читалъ дѣтскія книги и охотно разучивалъ стихотворенія и басни.

Когда Николаю Ивановичу минуло 9 лѣтъ, къ нему для занятій приглашенъ былъ студентъ университета, подъ руководствомъ котораго онъ и занимался до 12 лѣтъ.

Любимою игрою мальчика была игра въ лѣкаря. Въ ней онъ подражалъ пріемамъ знаменитаго въ то время доктора и профессора Мухина, приглашеннаго къ заболѣвшему старшему брату Николая Ивановича. Ожиданіе знаменитости въ домѣ Пироговыхъ, пріѣздъ его, быстрое выздоровленіе брата послѣ визита Мухина, произвели сильное впечатлѣніе на мальчика, и онъ, прося то того, то другого изъ своихъ домашнихъ притвориться больнымъ, принимался лѣчить его, при чемъ щупалъ пульсъ, смотрѣлъ на языкъ, прописывалъ лѣкарство и съ важностью выходилъ изъ комнаты. «Счастливый успѣхъ лѣченія моего брата, сопровождаемый эффектною обстановкой», говоритъ Пироговъ, «возбудилъ во мнѣ, ребенкѣ, глубокое уваженіе къ искусству, и съ этимъ уваженіемъ именно къ искусству я началъ впослѣдствіи уважать науку».

Въ первую четверть прошлаго столѣтія однимъ изъ лучшихъ пансіоновъ въ Москвѣ былъ пансіонъ Кряжева. Содержатель его, В. С. Кряжевъ, былъ лучшимъ въ то время педагогомъ и обладалъ солиднымъ образованіемъ. Онъ старался подобрать себѣ и сотрудниковъ, которые могли бы успѣшно вести дѣло обученія и воспитанія дѣтей. Въ этотъ пансіонъ и былъ помѣщенъ Н. И. Пироговъ полупансіонеромъ. Только два года пробылъ онъ въ этомъ

пансіонѣ и въ своихъ «воспоминаніяхъ», написанныхъ уже въ старости, съ похвалой отзывается какъ о самомъ пансіонѣ, такъ и о директорѣ его, Кряжевѣ, обучавшемъ новымъ языкамъ. Съ неменьшей похвалой отзывается онъ и объ учителѣ Войцеховичѣ, обучавшемъ русскому языку. Причиной того, что Пирогова взяли изъ пансіона, былъ упадокъ матеріальныхъ средствъ его отца. Одному изъ чиновниковъ провіантскаго депо поручено было доставить на Кавказъ значительную сумму. Чиновникъ этотъ куда-то скрылся вмѣстѣ съ деньгами. Казначей вмѣстѣ съ другими чиновниками депо долженъ былъ покрыть похищенную сумму. Это значительно подорвало его матеріальное благосостояніе, и онъ, будучи не въ состояніи платить за обученіе сына въ пансіонѣ Кряжева, взялъ его оттуда. По совѣту профессора Мухина мальчика стали приготовлять къ экзамену для поступленія на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Для этого приглашенъ былъ студентъ-медикъ, который и занимался съ нимъ преимущественно латинскимъ языкомъ.

Николай Ивановичъ съ полнымъ увлеченіемъ подготовлялся къ поступленію на медицинскій факультетъ. Онъ интересовался всѣмъ тѣмъ, что имѣло отношеніе къ его будущимъ учебнымъ занятіямъ въ университетѣ; такъ, его интересовали и медицинскія руководства его учителя, и программы, и конспекты лекцій на медицинскомъ факультетѣ, и микроскопъ, который ему показывалъ одинъ изъ частыхъ посѣтителей дома Пироговыхъ, и т. п.

Изъ домашнихъ особенное вліяніе на Николая Ивановича оказывала старушка няня, выняньчившая какъ его самого, такъ и его братьевъ и сестеръ. Она умѣла ласково, безъ брани, остановить шалости или капризы того или другого мальчика. Мораль ея была самая простая и всегда трогательная, потому что выходила изъ любящей души: «Богъ не велитъ такъ дѣлать, не дѣлай этого, грѣшно». Черезъ шестьдесятъ лѣтъ Пироговъ вспоминаетъ, какъ однажды, стоя съ нимъ у открытаго окна во время грозы и смотря внизъ на разгулъ праздничной ярмарочной толпы у Андроньевскаго монастыря, она говорила ему, ребенку: «Вотъ, смотри! Народъ буянитъ, шумитъ, и не слышитъ, какъ Богъ грозитъ; тутъ шумъ да разгулъ людской, а тамъ, вверху, у Бога—свое». И подобныя рѣчи много говорили дѣтскому сердцу.

Въ 1824 г. Пироговъ, четырнадцати лѣтъ, сдалъ вступительный экзаменъ и поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Медицинскій факультетъ Московскаго университета въ то время не блисталъ знаменитостями. Профессора въ большинствѣ читали по старымъ запискамъ или руководствамъ, не иллюстрируя своихъ чтеній препарированіемъ труповъ или наблюденіемъ надъ больными. Впрочемъ въ своихъ «воспоминаніяхъ» Пироговъ съ похвалой отзывается о профессорѣ анатоміи Лодерѣ, который своимъ нагляднымъ преподаваніемъ возбуждалъ въ студентахъ интересъ къ преподаваемому имъ предмету. Съ похвалой онъ вспоминаетъ также о профессорахъ—Мудровѣ и Мухинѣ. Не малое вліяніе оказали на Пирогова его старшіе товарищи. Студентъ Ѳеоктистовъ, подготовлявшій Пирогова къ экзамену въ университетъ, жилъ совмѣстно съ пятью другими студентами въ 10 номерѣ студенческаго общежитія. Въ этотъ номеръ почти ежедневно въ обѣденное время приходилъ Пироговъ, и впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этихъ посѣщеній, были чрезвычайно разнообразны. «Чего я не насмотрѣлся и не наслушался въ 10 номерѣ», говоритъ Пироговъ. «Споры объ отвлеченныхъ

предметахъ, о политикѣ, чтеніе запрещенныхъ стихотвореній, кутежи въ дни получки денегъ—вотъ жизнь десятаго номера». Въ такую компанію попалъ 14-ти лѣтній Пироговъ прямо изъ патріархальной, строго нравственной семьи. Вліяніе 10 номера было громадно, оно опредѣляло въ значительной мѣрѣ воззрѣнія юнаго Пирогова и расширяло его умственный кругозоръ. Слѣдующій эпизодъ, разсказанный самимъ Пироговымъ въ его «воспоминаніяхъ», показываетъ, насколько его воззрѣнія, подъ вліяніемъ товарищей и университетской науки, стали въ это время расходиться съ воззрѣніями его домашнихъ.

Пироговъ пріобрѣлъ отъ товарищей человѣческій скелетъ. «Когда я привезъ», говоритъ Пироговъ, «кулекъ съ костями домой, то мои домашніе не безъ душевной тревоги смотрѣли, какъ я опоражнивалъ кулекъ и раскладывалъ драгоцѣнный подарокъ 10 номера по ящикамъ пустого комода, а моя нянюшка, случайно пришедшая къ намъ въ гости, увидѣвъ у меня человѣческія кости, прослезилась почему-то; когда же я сталъ ей демонстрировать, очень развязно поворачивая въ рукахъ. лобную кость, бугры, вѣнечный шовъ и надбровныя дуги, то она только качала головой и приговаривала: «Господи Боже мой! какой ты вышелъ у меня безстрашникъ».

Въ періодъ студенчества Ѳиколая Ивановича матеріальное положеніе семьи пришло въ окончательный упадокъ. Отецъ, вышедши въ отставку, не могъ пріобрѣтать достаточно матеріальныхъ средствъ. Къ тому же онъ вскорѣ умеръ. Мать и сестры Пирогова поддерживали свое существованіе то тѣмъ, что, нанявъ квартиру, отдавали въ ней комнаты жильцамъ, то мелкой ручной работой. «Какъ я или лучше мы», говоритъ Пироговъ, «пропищенствовали въ Москвѣ, во время моего студенчества, это для меня осталось загадкой».

Для замѣщенія профессорскихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ, положено было отправить нѣсколько лицъ, окончившихъ университетъ, сначала въ дерптскій (нынѣ юрьевскій) университетъ, а затѣмъ за-границу для усовершенствованія въ избранной наукѣ.

Выборъ кандидатовъ дѣлалъ Совѣтъ университета. Кандидаты сначала отправлялись въ Петербургъ для предварительнаго испытанія въ Академіи наукъ, а затѣмъ, по выдержаніи испытанія, отправлялись въ Дерптъ (нынѣ Юрьевъ).

Въ 1828 г. Московскій университетъ выбралъ для отправленія въ Дерптъ, между другими кандидатами, Пирогова, который избралъ предметомъ для спеціальнаго изученія хирургію.

Сдавши (въ 1828 г.) экзаменъ на степень лѣкаря, Пироговъ вмѣстѣ съ другими кандидатами отправился въ Петербургъ, гдѣ и выдержалъ при академіи установленное испытаніе.

Въ томъ же году онъ отправился въ Дерптъ для поступленія въ профессорскій институтъ. Въ Дерптѣ участливо къ нему отнеслись профессоръ хирургіи Мойеръ и особенно его теща, сестра поэта Жуковскаго, урожденная Бунина. Въ домѣ Мойера Пироговъ нашелъ чисто родственный пріемъ. Пироговъ всецѣло отдался изученію медицинскихъ наукъ и особенно анатоміи и хирургіи. За сочиненіе о перевязкѣ артерій, написанное на латинскомъ языкѣ, онъ былъ удостоенъ медицинскимъ факультетомъ золотой медали. Въ 1831 г. онъ выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины и отправился въ Москву навѣстить свою мать-старушку и сестеръ. Возвратившись въ Дерптъ,

онъ принялся за составленіе докторской диссертаціи, взявши темой для своей работы перевязку брюшной аорты.

Въ концѣ 1832 г., послѣ защиты диссертаціи, онъ былъ удостоенъ ученой степени доктора медицины.

Въ маѣ 1833 г. послѣдовало рѣшеніе министерства объ отправкѣ будущихъ профессоровъ за-границу. Въ теченіе пятилѣтняго пребыванія въ профессорскомъ институтѣ Пироговъ до такой степени глубоко и основательно изучилъ и теоретически и практически предметы своей спеціальности, что могъ сравняться въ этомъ отношеніи съ выдающимися представителями медицинской науки на Западѣ. Пироговъ отправился въ Берлинъ, а затѣмъ въ Геттингенъ, гдѣ слушалъ лекціи и работалъ въ клиникахъ знаменитыхъ профессоровъ.

Черезъ два года (1835 г.) послѣдовалъ запросъ министра Уварова, въ какомъ университетѣ каждый изъ профессоровъ желалъ бы занять каѳедру. Пироговъ выразилъ желаніе занять каѳедру въ Московскомъ университетѣ. Возвращаясь изъ за-границы въ отечество, Пироговъ опасно заболѣлъ и въ Ригѣ слегъ въ госпиталь. Въ больномъ принялъ участіе генералъ-губернаторъ. Черезъ два мѣсяца Пироговъ поправился и продолжалъ путь въ Петербургъ. На пути заѣхалъ въ Дерптъ навѣстить Мойера и его семью. Здѣсь онъ узналъ, что каѳедра въ Московскомъ университетѣ, которую онъ разсчитывалъ занять, уже занята другимъ лицомъ. Это извѣстіе было для него очень непріятно, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ говоритъ въ своихъ «воспоминаніяхъ», давно уже мечталъ, «поселившись въ Москвѣ, жить съ матерью и сестрами, и тѣмъ отблагодарить ихъ за всѣ ихъ попеченія о немъ въ тяжкое время сиротства и нищенства. И вдругъ всѣ надежды, всѣ счастливыя мечты, все пошло прахомъ—!

Дерптскій медицинскій факультетъ, по предложенію ректора Мойера, пригласилъ Пирогова занять каѳедру хирургіи въ Дерптѣ. Пироговъ согласился. Онъ отправился въ Петербургъ представиться Министру Народнаго Просвѣщенія. Въ бытность свою въ Петербургѣ онъ посѣщалъ больницы и госпитали, дѣлалъ хирургическія операціи и читалъ врачамъ лекціи по хирургической анатоміи. Въ началѣ 1836 г. Пироговъ возвратился въ Дерптъ и занялъ здѣсь профессорскую каѳедру. Зная въ совершенствѣ свой предметъ, съ любовью занимаясь имъ и обладая значительнымъ педагогическимъ тактомъ, Пироговъ производилъ на своихъ слушателей-студентовъ обаятельное вліяніе. Студенты полюбили своего талантливаго профессора; они особенно высоко цѣнили въ немъ то, что онъ относился къ себѣ строго и выше всего ставилъ научную истину. Слава его росла.

Вскорѣ слава о молодомъ искусномъ хирургѣ разнеслась по всему Прибалтійскому краю. Больные, требующіе хирургической операціи, стали пріѣзжать не только изъ ближайшихъ, но и изъ дальнѣйшихъ городовъ. Дерптская небольшая клиника не могла вмѣстить всѣхъ больныхъ. Это побудило Пирогова во время каникулъ путешествовать по Прибалтійскому краю, для поданія помощи больнымъ. Въ Дерптскомъ университетѣ Пироговъ прослужилъ пять лѣтъ (съ 1836—1841 г.). Въ этотъ періодъ имъ составлены и изданы капитальные медицинскіе труды (2 тома «клиническихъ анналовъ», хирургическая анатомія фасцій и артерій», удостоенная академической преміи, и монографія «о перерѣзкѣ ахиллесова сухожилія»).

При отъѣздѣ Пирогова изъ Дерпта, студенты университета выразили единодушное желаніе поставить портретъ его въ операціонномъ залѣ, что и было исполнено.

Въ 1841 г. Пироговъ приглашенъ былъ занять каѳедру хирургіи и анатоміи въ Петербургской медико-хирургической академіи и завѣдывать хирургическимъ отдѣленіемъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя, съ званіемъ главнаго врача хирургическаго отдѣленія. Много стоило Пирогову труда и настойчивости для приведенія ввѣреннаго ему отдѣленія военно-сухопутнаго госпиталя въ образцовый видъ. А хирургическая каѳедра академіи, говоритъ Флоринскій, «поставлена была имъ на такую высоту, до которой она не подымалась ни до, ни послѣ него».

Занимая профессорскую каѳедру и завѣдывая отдѣленіемъ госпиталя, Пироговъ вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ былъ членомъ медицинскаго совѣта, а позднѣе—членомъ комитета для предварительнаго соображенія мѣръ къ преобразованію медицинской учебной части въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. И своими познаніями, и своею опытностью онъ оказалъ значительныя услуги въ дѣлѣ организаціи медицинскихъ факультетовъ въ университетахъ.

Во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ за-границу Пироговъ внимательно изучалъ все, что было тамъ открыто въ медицинской области. И съ этими открытіями онъ знакомилъ русскихъ врачей. Въ 1847 г. Пироговъ командированъ былъ на Кавказъ для ознакомленія военныхъ врачей съ примѣненіемъ хлороформа при хирургическихъ операціяхъ и съ другими усовершенствованіями въ хирургіи. Послѣ возвращенія въ Петербургъ, знаменитый хирургъ получилъ приглашеніе къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которую интересовала цѣль его научной командировки на Кавказъ.

Съ появленіемъ (въ 1848 г.) въ Петербургѣ азіатской холеры, Пироговъ, устроивши въ своемъ госпиталѣ отдѣленіе холерныхъ, сталъ изучать измѣненія, которыя производитъ эта болѣзнь въ организмѣ. Результаты своихъ изслѣдованій онъ изложилъ въ своей «Патологической анатоміи азіатской холеры». Трудъ этотъ былъ удостоенъ академической преміи.

Профессорская дѣятельность въ Медицинской академіи обнимаетъ собою 14 лѣтъ (съ 1841 по 1854 г.). Въ этотъ періодъ Пироговъ сдѣлалъ для академіи и медицинской науки столько, сколько никто до него не могъ сдѣлать.

Началась Восточная война. Все вниманіе и всѣ силы Россіи обращены были на Севастополь, осаждаемый тремя сильными державами. Пироговъ выразилъ желаніе послужить своимъ знаніемъ и искусствомъ раненымъ, нуждающимся въ помощи. Назначеніе его на мѣсто военныхъ дѣйствій замедлилось. Въ это время Великая Княгиня Елена Павловна рѣшила организовать отрядъ сестеръ милосердія для оказанія помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Завѣдываніе отрядомъ поручено было Пирогову. Такое же порученіе нѣсколько позже возложено было на него и Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной. Неоцѣнимую услугу оказалъ Пироговъ, равно какъ и подчиненныя ему сестры милосердія, во время Крымской войны. Пироговъ днемъ и ночью трудился для оказанія помощи раненымъ. Почти всѣ, за незначительнымъ исключеніемъ, операціи производились имъ самимъ или подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Кромѣ труда, много и нравственныхъ страданій

пришлось пережить Пирогову въ періодъ Крымской войны. Результаты наблюденій, вынесенныхъ Пироговымъ во время Крымской войны, изложены имъ впослѣдствіи въ капитальномъ сочиненіи «Начала общей военно-полевой хирургіи».

По окончаніи Крымской войны, Пироговъ возвратился въ Петербургъ. Глубоко вникая въ явленія общественной жизни, онъ не могъ не видѣть недостатковъ тогдашняго русскаго воспитанія и свои идеи, вынесенныя изъ широкаго опыта и глубокаго размышленія, онъ изложилъ въ статьѣ «Вопросы жизни», помѣщенной въ № 9 «Морского Сборника» за 1856 г.

Статья эта была пропущена цензурой только потому, что она печаталась съ разрѣшенія Великаго Князя Константина Николаевича. «Вопросы жизни» произвели сильное впечатлѣніе на современное общество. Статья была перепечатана во многихъ журналахъ и газетахъ. На нее обратилъ вниманіе министръ народнаго просвѣщенія и предложилъ Пирогову занять мѣсто попечителя Одесскаго учебнаго Округа. Пироговъ принялъ сдѣланное ему предложеніе и оставилъ Медико-хирургическую академію (въ 1856 г.).

Попечителемъ Одесскаго учебнаго Округа Пироговъ пробылъ до 1858 г. Но и въ это короткое время онъ оказалъ самое благотворное вліяніе на жизнь учебныхъ заведеній округа. Онъ организовалъ литературныя бесѣды въ гимназіяхъ. Затѣмъ онъ хлопоталъ о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ университетъ и даже составилъ проектъ такого преобразованія. Проектъ этотъ былъ принятъ, но учрежденіе университета, по финансовымъ соображеніямъ, отложено было на нѣкоторое время. Университетъ былъ открытъ въ 1865 г. Въ ожиданіи открытія университета, Пироговъ обратилъ особенное вниманіе на подъемъ учебныхъ занятій студентовъ лицея. Онъ значительно обогатилъ научные кабинеты (минералогическій, физическій, зоологическій) и библіотеку лицея. Студенты, сознавая заботу о нихъ попечителя, дорожили этой заботой.

Далѣе Пироговъ обратилъ вниманіе на установленіе болѣе правильныхъ отношеній начальниковъ учебныхъ заведеній къ учащимся и на ограниченіе примѣняемыхъ ими тѣлесныхъ наказаній.

Отношеніе Пирогова къ учащимся было простое и сердечное. Нерѣдко больные ученики, не имѣя возможности обратиться къ городскому врачу, обращались за медицинскою помощью къ попечителю, и онъ оказывалъ имъ нужную помощь.

Въ іюлѣ 1858 г. Пироговъ переведенъ былъ на должность попечит Кіевскаго учебнаго округа.

Въ Кіевѣ, какъ и въ Одессѣ, онъ старался вліять на учащихся и служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ не столько авторитетомъ власти, сколько нравственнымъ вліяніемъ. И вліяніе его было благотворно. Онъ, подобно тому, какъ и въ Одессѣ, старался поднять значеніе педагогическихъ совѣтовъ въ гимназіяхъ и установить болѣе правильныя отношенія начальствующихъ къ учащимся. Онъ заботился о расширеніи гимназическихъ библіотекъ и кабинетовъ. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа, благодаря вліянію Пирогова, стали устраиваться литературные бесѣды, подобныя одесскимъ. Своею заботой о правильной жизни и дѣятельности кіевскаго университета, Пироговъ оказывалъ благотворное вліяніе и на это учебное заведеніе.

Слѣдуетъ сказать также, что при Пироговѣ открыта была въ Кіевѣ первая воскресная школа. Студенты университета просили попечителя о разрѣшеніи открыть воскресную школу. Разрѣшеніе было дано и самъ Пироговъ часто посѣщалъ открытую ими воскресную школу.

Занятія въ школѣ шли успѣшно; желающихъ обучаться въ ней была масса. Вслѣдъ за Кіевской школой были открыты воскресныя школы и въ другихъ городахъ округа—Нѣжинѣ, Полтавѣ, Черниговѣ.

Въ 1861 г. Пироговъ оставилъ постъ попечителя и, уѣхавши въ свое имѣніе (село Вишню, Подольской губерніи), принялъ выборъ въ мировые посредники. Черезъ годъ министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ предложилъ ему отправиться за-границу и руководить тамъ занятіями лицъ, готовящихся въ профессора русскихъ университетовъ. Выполняя за-границей возложенную на него обязанность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ трудился надъ составленіемъ и изданіемъ своего новаго медицинскаго труда («Военно-полевой хирургіи).» Возвратившись въ Россію (въ 1866 г.), онъ получилъ предложеніе отъ того же министра (Головнина) посѣтить русскіе университеты и о результатѣ осмотра представить свѣдѣнія въ Министерство. Съ назначеніемъ новаго министра (гр. Толстаго) Пироговъ былъ уволенъ отъ этой обязанности и поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ основалъ частную лѣчебницу. Во время франко-прусской войны (1870 г.) Главное Управленіе Общества Краснаго Креста поручило Пирогову отправиться на мѣсто военныхъ дѣйствій для обзора военныхъ госпиталей. Во время восточной войны (1877 г.) то же Управленіе поручило ему осмотрѣть санитарныя учрежденія на театрѣ войны и въ тылу дѣйствующей арміи. Результатомъ этихъ командировокъ явились обстоятельные отчеты, имѣющіе важное значеніе въ медицинской наукѣ.

Въ концѣ 1879 г. Пироговъ началъ писать свои «воспоминанія» подъ заглавіемъ: «Дневникъ стараго врача, писанный исключительно для самого себя, но не безъ задней мысли, что, можетъ быть, когда-нибудь прочтетъ и кто другой». Воспоминанія эти Пироговъ успѣлъ довести до поступленія въ Петербургскую Медико-хирургическую академію,

Послѣ его смерти они были помѣщены въ «Русской Старинѣ», а потомъ вошли въ первый томъ его сочиненій. 26 мая 1881 г. въ Москвѣ праздновался пятидесятилѣтній юбилей служенія Пирогова наукѣ и отечеству. Изъ Московскаго университета послана была депутація просить юбиляра прибыть въ Москву къ своему юбилею. Не безъ труда удалось склонить знаменитаго ученаго на эту поѣздку. Юбилейное торжество происходило въ актовой залѣ университета. Государь Императоръ, ученыя общества Европы и Россіи, университеты какъ русскіе, такъ и многіе заграничные и многія лица изъ различныхъ классовъ почтили юбиляра поздравительными телеграммами или присылкой депутатовъ.

Еще до юбилея у Пирогова на нёбѣ образовалась раковая язва. Она привела его къ смерти. 23 ноября 1881 г. Николай Ивановичъ скончался.

Въ память Пирогова русскіе врачи основали «Русское хирургическое Общество».

Взглянемъ теперь на литературно-педагогическіе труды Пирогова. Его педагогическія сочиненія вошли во 2-ой томъ «Собранія» его сочиненій (Изд. 1887 г.). Они представляютъ рядъ разсужденій по отдѣльнымъ педагогическимъ вопросамъ, на которые наталкивала его дѣйствительность. Вотъ глав-

нѣйшія изъ его педагогическихъ статей: «Вопросы жизни», «Новоселье Ришельевскаго лицея», «Одесская Талмудъ-Тора», «Быть и казаться», «Нужно ли сѣчь дѣтей и въ присутствіи другихъ дѣтей?», «О предметахъ сужденій и преній педагогическихъ совѣтовъ гимназій», «Школа и жизнь», «О цѣли литературныхъ бесѣдъ гимназій», «Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ вѣдомства Министерства народнаго просвѣщенія», «Замѣчанія на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній», «Отчеты о слѣдствіяхъ введенія правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій», «Объ уставѣ новой гимназіи, предполагаемой проектомъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній», «Взглядъ на общій уставъ нашихъ университетовъ» и др.

Не имѣя внѣшней связи и не представляя собою цѣльной педагогической системы, всѣ педагогическія статьи Пирогова имѣютъ однако внутреннюю связь въ томъ смыслѣ, что въ нихъ отразилось цѣльное воззрѣніе глубокаго и проницательнаго ума.

Въ основу воспитанія Пироговъ кладетъ христіанское воззрѣніе на жизнь. «Мы—христіане, и слѣдовательно главною основою нашего воспитанія служитъ Откровеніе. Всѣ мы, съ нашего дѣтства, ознакомились съ мыслью о будущей жизни и должны считать настоящее приготовленіемъ къ будущему. Вникая же въ существующее направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруженіяхъ практической и даже отчасти умственной жизни общества мы находимъ одно чисто матеріальное стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастьѣ и наслажденіи въ жизни здѣшней» («Вопросы жизни»).

Пироговъ призывалъ русскихъ людей къ жизни духовной, сознательной, осмысленной. «Пусть», восклицаетъ онъ, «каждый изъ насъ рѣшитъ столбовой (основной) вопросъ жизни: жить, совершенствуясь, возвышая духъ до управленія матеріей, а матерію облагораживая до свойства быть управляемою духомъ». Къ такому возвышенію духа должно быть направлено и воспитаніе питомцевъ. Оно (воспитаніе), по мысли Пирогова, должно быть направлено къ развитію въ воспитанникѣ «внутренняго человѣка», къ развитію въ немъ воли, лучшихъ убѣжденій, которыя руководили бы всею жизнью его. Нужно путемъ воспитанія довести питомца до того, чтобы въ «немъ внутренній человѣкъ», высшія убѣжденія, сознаніе нравственнаго долга побѣждали низшія влеченія.

Пироговъ требуетъ для всѣхъ прежде всего общечеловѣческаго развитія, считая, что на почвѣ такого развитія легко можетъ быть построено спеціальное образованіе. «Къ чему вы готовите вашего сына?» нѣкто спросилъ меня, говоритъ Пироговъ въ статьѣ «Вопросы жизни».—«Быть человѣкомъ», отвѣчалъ я.—«Развѣ вы не знаете», сказалъ спросившій, «что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ: это одно отвлеченіе, вовсе не нужное для нашего общества. Намъ необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди». Въ противоположность такимъ воззрѣніямъ, господствовавшимъ во время Пирогова, послѣдній требуетъ: «Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку, дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное, у васъ будутъ люди и граждане». Въ одной изъ своихъ статей («Новоселье лицея») Пироговъ выражаетъ идеалъ общечеловѣческаго образованія въ слѣдующихъ словахъ: «Пусть родитель, отдавая сына или дочь въ учебное заведеніе, скажетъ предъ судомъ собственной совѣсти: «Я всѣмъ жертвую для

воспитанія моего дитяти, и ничего другого не требую отъ воспитателей, какъ того, чтобы они наставили мое дитя быть человѣкомъ». Пусть каждый изъ питомцевъ начнетъ свое образованіе, слѣдуя словамъ отца: «не ищи ничего другого, какъ быть человѣкомъ въ настоящемъ значеніи этого слова». Пусть каждый наставникъ, проникнутый высокою цѣлью своего земного назначенія, скажетъ съ самоотверженіемъ: «Я не ищу ничего другого, какъ сдѣлать людьми ввѣренныхъ мнѣ питомцевъ». Словами: «ищи и будь человѣкомъ», говоритъ Пироговъ,—«выражается одна главная мысль воспитанія: научите, съ раннихъ лѣтъ, подчинять матеріальную сторону жизни нравственной и духовной».

Поставивши идеаломъ воспитанія и образованія: «ищи и будь человѣкомъ», Пироговъ требуетъ, чтобы оно (воспитаніе и образованіе) было вмѣстѣ съ тѣмъ и *національнымъ*. Онъ говоритъ, что «всѣ мы, къ какой бы націи ни принадлежали, можемъ сдѣлаться чрезъ воспитаніе настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по національному идеалу человѣка».

Отрѣшиться отъ своей національности человѣку такъ же нельзя, какъ нельзя отрѣшиться отъ своей индивидуальности. Да національность и есть, строго говоря, та-же индивидуальность, только индивидуальность народная. Если каждая нація имѣетъ свои типическія черты въ лицѣ, то такія же типичныя черты она имѣетъ и въ своемъ духѣ.

Общечеловѣческое развитіе тѣмъ и драгоцѣнно, что оно не посягаетъ на національность. Заботясь о развитіи свойствъ души, которыми каждаго изъ насъ надѣлилъ Богъ въ извѣстной мѣрѣ, человѣкъ растетъ духовно не какъ общечеловѣкъ, а какъ человѣкъ опредѣленной національности; ибо каждое духовное свойство человѣка окрашено, такъ сказать, національной краской, которая по мѣрѣ духовнаго роста человѣка не только не теряетъ своего цвѣта, а напротивъ, становится ярче и опредѣленнѣе». «Стремясь «быть человѣкомъ», человѣкъ,—говоритъ Пироговъ,—не только не перестаетъ быть гражданиномъ отечества, а еще рельефнѣе выражаетъ прекрасныя стороны своей національности».

Выходя изъ воззрѣнія о необходимости сначала дать питомцу общечеловѣческое образованіе, а затѣмъ уже на этомъ образованіи строить профессіональное, Пироговъ, естественно, возстаетъ противъ предназначенія дѣтей, чуть не съ пеленокъ, къ такой или иной профессіи. «Уже давно оставленъ», говоритъ онъ,—«варварскій обычай выдавать дочерей замужъ поневолѣ, а невольный и преждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привиллегированъ». «Всѣ должны сначала научиться быть людьми. Всѣ до извѣстнаго періода жизни, въ которомъ ясно обозначаются ихъ склонности и ихъ таланты, должны пользоваться плодами одного и того-же нравственно-научнаго просвѣщенія».

Организовать общечеловѣческое образованіе, по мысли Пирогова, можно въ двухъ видахъ: одинъ видъ для большинства, т. е. для тѣхъ слоевъ общества, которые, по скудости средствъ, не могутъ долго пользоваться благами общечеловѣческаго просвѣщенія и ищутъ, какъ можно скорѣе, матеріальной помощи; другой—для всѣхъ стремящихся получить высшее образованіе, все равно, останется ли оно для нихъ на цѣлую жизнь чисто гуманнымъ, или перейдетъ современемъ въ спеціально-реальное.

Пироговъ настоятельно требовалъ, чтобы воспитаніе и обученіе сообразовались не только съ общечеловѣческими и національными свойствами дѣтей и

отроковъ, но и съ индивидуальными особенностями каждаго питомца. Для этого родители и воспитатели должны изучать дѣтей, наблюдать за проявленіемъ ихъ индивидуальныхъ особенностей. «Скажите», говоритъ Пироговъ въ статьѣ «Быть и казаться», — «что можетъ быть поучительнѣе, что выше, что святѣе духовнаго сближенія съ этимъ Божіимъ, чуднымъ дѣтскимъ міромъ? Кому не занимательно слѣдить за всѣми его обнаруженіями, за всѣми проявленіями во времени и пространствѣ? Кому не весело самому помолодѣть душою?... О, еслибы родители и педагоги по призванію вошли въ этотъ таинственно-священный храмъ еще дѣвственной души человѣка! Сколько новаго и неразгаданнаго еще узнали бы они! Какъ обновились бы, какъ поумнѣли бы сами! Одинъ взглядъ, брошенный въ него бѣднымъ швейцарцемъ, сердечно любившимъ дѣтей (Песталоцци), произвелъ на свѣтъ цѣлую систему ученія, котораго плодами мы теперь только-что начинаемъ пользоваться»... Съ особенной настойчивостью Пироговъ совѣтуетъ матерямъ изучать своихъ дѣтей. «Къ вамъ, матери семействъ», говоритъ онъ, — «относится преимущественно мой совѣтъ! Ступайте къ дѣтямъ, наблюдайте за ихъ первымъ лепетомъ и первыми движеніями души».

Требуя, чтобы воспитаніе вырабатывало въ питомцѣ «внутренняго человѣка», вкореняло въ немъ высшія убѣжденія, Пироговъ возстаетъ противъ всего того, что пріучаетъ лишь «казаться», а не «быть». Онъ энергично ополчается противъ всякихъ явленій въ воспитаніи, которыя способны ускорять вызываемое жизнью раздвоеніе человѣческой личности, которыя нарочно заставляютъ дитя казаться не тѣмъ, что оно есть. Таковы дѣтскіе театры, дѣтскіе балы и всевозможныя зрѣлища, въ которыхъ дѣти являются дѣйствующими лицами. Пироговъ возстаетъ также противъ навязыванія воспитанникамъ такихъ воззрѣній, которыя не соотвѣтствуютъ ихъ возрасту. «Мы, мы — взрослые — нарушаемъ безпрестанно гармонію дѣтскаго міра. Мы, насильственно врываясь въ него, переносимъ ребенка на каждомъ шагу къ себѣ, въ нашъ свѣтъ. Мы спѣшимъ ему внушить наши взгляды, наши понятія, пріобрѣтенныя вѣковыми усиліями уже зрѣлаго человѣка. Мы отъ души восхищаемся нашими успѣхами, полагая, что ребенокъ насъ понимаетъ, а сами не хотимъ понять, что онъ понимаетъ насъ *по-своему*... Кто же теперь виноватъ, если мы такъ рано замѣчаемъ у нашихъ дѣтей несомнѣнные признаки двойственности души? Не мы ли сами немилосердно двоимъ ее? Дѣйствительно, наши усилія увѣнчиваются успѣхомъ. Но какимъ? Исторгая безпрестанно ребенка изъ его собственнаго духовнаго бытія, перенося его все чаще въ нашу сферу, заставляя его и смотрѣть, и понимать по-нашему, мы наконецъ достигаемъ одного: онъ начинаетъ *казаться* не тѣмъ, что онъ *есть*».

Пироговъ придавалъ большое воспитательно-образовательное значеніе наукѣ; она можетъ поднять и укрѣпить духъ учащихся. «Какъ можно», спрашиваетъ онъ, «развить душевныя способности ребенка, не употребивъ орудіемъ развитія положительныя научныя свѣдѣнія?» «Живое слово науки», пишетъ онъ, «говоритъ не одному только уму. Оно проникаетъ глубже и облагораживаетъ сильнѣе натуру юнаго человѣка, чѣмъ всѣ оффиціальные и дисциплинарные надзоры». Наставники, представители науки, по убѣжденію Пирогова, должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитателями. «Я требую отъ нихъ», пишетъ онъ, «чтобы они, пользуясь образовательною силою науки, позаботи-

лись развить здравый смыслъ и любовь къ истинѣ въ своихъ ученикахъ, а чрезъ это улучшили бы и нравы будущаго поколѣнія. Въ этомъ способѣ я нахожу несравненно болѣе условій для успѣха, нежели въ раздѣленіи научной части училища отъ воспитательной»... «Въ моихъ глазахъ, и здравый смыслъ, и характеръ, и воля воспитанника разовьются гораздо болѣе отъ часового ученія у одного или двухъ дѣльныхъ наставниковъ, нежели отъ безпрестаннаго надзора десяти надзирателей, гувернеровъ, воспитателей, или какъ бы они ни назывались,—имя не перемѣняетъ дѣла». Каждая наука или по крайней мѣрѣ каждая группа наукъ, по мысли Пирогова, имѣетъ свою образовательную силу, которая не останется безъ дѣйствія на духъ и характеръ ученика, какъ скоро истинное научное знаніе имъ будетъ дѣйствительно усвоено. Слѣдовательно, тотъ наставникъ, который излагаетъ науку такъ, что она сознательно усвоятся ученикомъ, уже тѣмъ самымъ и дѣйствуетъ на развитіе его душевныхъ способностей. «Въ рукахъ дѣльнаго педагога и древніе, и новые языки, и всѣ предметы общечеловѣческаго образованія не останутся безъ пользы для развитія умственныхъ способностей учащихся», говоритъ Пироговъ.

Какая бы система (классическая или реальная) ни была положена въ основу общечеловѣческаго образованія, слѣдуетъ, по убѣжденію Пирогова, остерегаться одного—энциклопедичности. Умъ, слишкомъ развлекаемый, скользитъ, такъ сказать, мыслью по поверхности.

Одною изъ главныхъ задачъ образованія и воспитанія Пироговъ считалъ развитіе самодѣятельности учениковъ. Особенно въ старшихъ классахъ гимназій должно быть обращено вниманіе на развитіе ея. «Учителямъ», говоритъ Пироговъ, «должно быть вмѣнено въ непремѣнную обязанность занимать учениковъ двухъ высшихъ классовъ исключительно самостоятельными трудами».

Съ цѣлью пріученія учениковъ старшихъ классовъ къ самостоятельному труду, а равно и для развитія мышленія и рѣчи, Пироговъ, будучи попечителемъ учебныхъ округовъ, ввелъ, какъ было уже сказано, въ гимназіяхъ внѣклассныя литературныя бесѣды. Опредѣляя цѣль этихъ бесѣдъ, онъ писалъ между прочимъ: «Всякое проявленіе самостоятельнаго труда учащихся въ литературной бесѣдѣ должно быть дорого и знаменательно для наставниковъ-руководителей въ этихъ бесѣдахъ. Оно возбуждаетъ надежду, что университетъ получитъ изъ ихъ рукъ ученика, уже хорошо ознакомленнаго съ тѣмъ родомъ научныхъ работъ, который ему предстоитъ во время бытности его въ университетѣ, хорошо подготовленнаго къ умственнымъ занятіямъ и уяснившаго себѣ цѣль и значеніе умнаго ученія». Самъ Пироговъ, будучи попечителемъ округа, принималъ живое участіе въ гимназическихъ литературныхъ бесѣдахъ, при чемъ заботился о томъ, чтобы вопросы или темы для бесѣдъ были посильны ученикамъ и при томъ такіе, чтобы разработка ихъ дѣйствительно пріучала учащихся къ самостоятельному труду. «Вся будущая участь нашихъ бесѣдъ», писалъ Пироговъ, «все осуществленіе ихъ цѣли зависитъ именно отъ искусства выбрать такой предметъ, который не осилилъ бы избравшаго, а, напротивъ, котораго бы осилилъ избравшій».

На ряду съ развитіемъ самодѣятельности учащихся Пироговъ требуетъ развитія въ нихъ внимательности. «Быть внимательнымъ», говоритъ онъ, «есть искусство, которому должна научить школа». Безъ внимательности не мыслима и самодѣятельность ни въ сферѣ научной, ни въ сферѣ практиче-

ской дѣятельности. Весьма часто плохіе успѣхи ученика, приписываемые учителями или лѣности или неспособности его, зависятъ единственно отъ недостатка внимательности. Наши учебныя заведенія, продолжаетъ Пироговъ, мало заботятся о развитіи вниманія учениковъ. Входя въ классъ гимназіи, видимъ учениковъ, сидящихъ предъ раскрытыми учебниками: одинъ изъ учениковъ обыкновенно стоитъ и отвѣчаетъ; другіе сидятъ и читаютъ про себя въ книгѣ или тетрадкѣ; никто не слѣдитъ за отвѣтами товарища; немногіе слушаютъ учителя. Я не разъ пробовалъ останавливать отвѣчающаго на недоконченномъ отвѣтѣ, заставляя продолжать другого, сидящаго чрезъ одну или двѣ скамейки, и нерѣдко убѣждался, что онъ совсѣмъ и не слышалъ, о чемъ шло дѣло». Для развитія вниманія учениковъ, поддержанія его во время уроковъ, а равно и для успѣшности обученія, Пироговъ совѣтуетъ пользоваться надлежащимъ методомъ и надлежащей формой обученія. Методъ наведенія (эвристическій) онъ признаетъ цѣлесообразнымъ; но дабы съ успѣхомъ пользоваться имъ, нужно умѣніе, искусство.

Въ дѣлѣ обученія и воспитанія юношества Пироговъ, какъ уже было сказано, придавалъ большое значеніе личности учителя. Главное условіе успѣха школъ и воспитанія онъ видѣлъ не въ уставахъ и программахъ, а въ хорошихъ дѣятеляхъ, надлежащимъ образомъ подготовленныхъ учителяхъ. «Какую бы систему ни избрали при учрежденіи училищъ», пишетъ онъ, «и какъ бы искусно ни былъ составленъ уставъ, какъ бы хороши ни были инструкціи и программы, всетаки весь успѣхъ дѣла будетъ зависѣть отъ личностей, которымъ ввѣряется приложеніе правилъ къ дѣлу и по учебной, и по административной части».

Придавая такое большое значеніе личности учителя, Пироговъ требовалъ, чтобы лица, желающія посвятить себя педагогической дѣятельности, основательно, и теоретически и практически,-подготовлялись къ этой дѣятельности. Для этого должны быть учреждаемы педагогическіе курсы, въ которые поступали бы будущіе учителя послѣ окончанія ими курса учебнаго заведенія.

Для того, чтобы учителя, соотвѣтствующіе своему назначенію, могли проявлять свою образовательно воспитательную миссію, Пироговъ требовалъ, чтобы имъ предоставленъ былъ голосъ при рѣшеніи учебно-воспитательныхъ вопросовъ и чтобы педагогическіе совѣты при учебныхъ заведеніяхъ были правильно организованы, при чемъ каждый учитель могъ бы высказывать свое мнѣніе, не стѣсняясь воззрѣніями и желаніями начальника заведенія.

Пироговъ стремился къ установленію правильныхъ отношеній между учащими и учащимися. Отношенія эти должны быть основаны на взаимномъ довѣріи и уваженіи, при чемъ учителя не смотрѣли бы на учениковъ, какъ на лицъ, которыхъ нужно только сокращать и обуздывать, а ученики на учителей, какъ на враговъ, которыхъ слѣдуетъ обманывать, отъ которыхъ нужно скрываться, для избѣжанія наказаній. «Тамъ, гдѣ нѣтъ нравственной связи и довѣрія между учащими и учащимися, не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо нравственномъ вліяніи первыхъ на послѣднихъ».

Пироговъ настойчиво требовалъ, чтобы учащіе и воспитывающіе прониклись любовью и уваженіемъ къ обучаемымъ и воспитываемымъ, чтобы смотрѣли на нихъ, какъ на личности, имѣющія право на уваженіе. «Мы всѣ знаемъ», говоритъ онъ, «что нужно почитать стариковъ; но не всѣ знаютъ,

что и молодость должно уважать»... «Кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различать и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству». Пироговъ особенно стремился объ ограниченіи произвола непосредственныхъ начальниковъ учебныхъ заведеній и о развитіи въ ученикахъ чувства законности. Съ этою цѣлью онъ, будучи попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, созвалъ комитетъ для составленія «правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ» означеннаго округа. Выработанныя этимъ комитетомъ «правила» были разосланы въ учебныя заведенія округа для руководства. Правила эти не могли рѣзко отличаться отъ требованій времени, чѣмъ объясняется, что въ нихъ вошли такія наказанія, которымъ самъ Пироговъ, будучи по своимъ воззрѣніямъ далеко впереди своего времени, не могъ сочувствовать. Къ такимъ наказаніямъ относится, напр., сѣченіе розгой. Еще до изданія «правилъ» онъ въ статьѣ: «Нужно ли сѣчь дѣтей и сѣчь въ присутствіи другихъ дѣтей», говоритъ, что «розга не достигаетъ цѣли наказанія, представляя слишкомъ грубый и насильственный инструментъ для возбужденія стыда и вселяя страхъ, но не исправительный, не надежный, а прикрывающій только внутреннюю порчу»... Особенно безнравственнымъ является въ глазахъ Пирогова образъ дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя считаютъ нужнымъ «сѣчь дѣтей въ присутствіи другихъ дѣтей».

Утвердивши «правила о проступкахъ и наказаніяхъ», Пироговъ счелъ нужнымъ разъяснить своимъ сослуживцамъ, что онъ отнюдь не смотритъ на наказанія, какъ на надежное средство къ нравственному исправленію. «Какъ бы строго и безпристрастно мы ни наказывали виновныхъ за каждый проступокъ», пишетъ онъ, «мы не должны забывать, что этимъ не уничтожается самая *причина* зла. Корень зла, и послѣ наказанія за вину, еще остается въ душѣ виновнаго, и этотъ корень нужно вырвать мѣрами чисто воспитательными». Мѣры, принятыя Пироговымъ къ усиленію воспитательнаго вліянія наставниковъ учебныхъ заведеній на учащихся и къ урегулированію наказаній, привели къ самымъ благотворнымъ результатамъ: въ первый же годъ значительно уменьшилось число проступковъ и наказаній за нихъ, особенно тѣлесныхъ наказаній.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что Пироговъ требовалъ улучшенія воспитанія не только мужчинъ, но и женщинъ. Онъ ратовалъ не за расширеніе общественныхъ правъ женщинъ и измѣненіе ихъ общественнаго положенія, а именно за улучшеніе воспитанія ихъ. «Женщина», говоритъ онъ, «эманципирована и такъ уже, да еще, можетъ быть, болѣе, нежели мужчина. Хотя ей и нельзя, по нашимъ законамъ, сдѣлаться солдатомъ, чиновникомъ, министромъ; но развѣ можно сдѣлаться мужчинѣ кормилицею и матерью-воспитательницею дѣтей до 8-лѣтняго возраста?»... «Не положеніе женщины въ обществѣ, но воспитаніе ея, въ которомъ заключается воспитаніе всего человѣчества, вотъ что требуетъ перемѣны». «Пусть женщины поймутъ свое высокое назначеніе въ вертоградѣ человѣческой жизни Пусть поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его лепетать и первыя слова, и первую молитву, дѣлаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется ихъ руками».

III.

Николай Александровичъ Корфъ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ занимаетъ видное мѣсто въ числѣ дѣятелей по народному образованію въ 60-хъ и 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ какъ одинъ изъ первыхъ насадителей и распространителей въ Россіи начальной школы.

Н. А. Корфъ родился въ 1834 г., въ Харьковѣ. Отецъ его, обрусѣвшій остзейскій дворянинъ, получилъ образованіе въ Лицейскомъ пансіонѣ, хорошо зналъ русскій, нѣмецкій и французскій языки и считался однимъ изъ образованныхъ людей того времени. Мать Николая Александровича, малороссіянка родомъ, умерла, когда ему было не болѣе года, такъ что онъ совершенно не помнилъ ея, но дворовая прислуга много разсказывала ему о ея добротѣ и ласковости. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти жены, отецъ маленькаго Коли вступилъ во второй бракъ. Мачеха не взлюбила Колю и была причиной, что отецъ вынужденъ былъ держать его внѣ дома.

Наибольшее вліяніе на маленькаго Колю имѣла его няня, принявшая его отъ матери груднымъ младенцемъ и воспитывавшая его до шестилѣтняго возраста. Она знакомила его, путемъ разсказовъ о жизни и ученіи Спасителя, съ начатками христіанской религіи и пѣла ему русскія пѣсни.

Когда Колѣ исполнилось 6 лѣтъ, отецъ отправилъ его въ Воронежскую губернію къ родной теткѣ, у которой было двое своихъ дѣтей, немного старше Коли. Тетка эта вмѣстѣ съ тремя дѣтьми переѣхала, для воспитанія и обученія ихъ, въ имѣніе помѣщика Д. Д. Градовскаго, отца извѣстнаго профессора. Въ этомъ имѣніи организована была семейная школа, состоящая подъ ближайшимъ руководствомъ самого Д. Д. Градовскаго. Въ школу приглашены были особые учителя, которые вели занятія по указаніямъ Градовскаго. Дѣти въ школѣ занимались лѣтомъ 4 часа, а зимою 6 часовъ; остальное время они гуляли по лѣсамъ и лугамъ, занимались уженьемъ рыбы, плавали, ухаживали за своими грядками, вскармливали молодыхъ животныхъ и птицъ и т. п.

Въ домѣ Градовскаго строго соблюдались русскіе бытовые и религіозные обряды, оказывавшіе вліяніе на дѣтей. Пребываніе въ имѣніи Градовскаго Корфъ считалъ самымъ лучшимъ временемъ въ своемъ дѣтствѣ, тѣмъ болѣе, что его тетка относилась къ нему съ материнской лаской. И несомнѣнно, что здѣсь заложена была въ немъ любовь къ русской деревнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе принести ей пользу просвѣщеніемъ народа.

Маленькій Корфъ пробылъ въ школѣ Градовскаго только два года. Пріѣхалъ отецъ и увезъ его въ Новгородъ, гдѣ самъ занималъ въ это время должность Управляющаго Палатою Государственныхъ Имуществъ. Со слезами оставилъ мальчикъ школу Градовскаго и все, что тутъ было ему мило. Въ Новгородѣ помѣстили его въ отдѣльномъ флигелѣ вмѣстѣ съ гувернеромъ-нѣмцемъ. Послѣдній подвинулъ его въ знаніи нѣмецкаго языка и во время прогулокъ знакомилъ его съ историческими памятниками Новгорода.

Въ Новгородѣ Коля прожилъ менѣе года. Отецъ, видя, что его сыну, благодаря нелюбви къ нему мачехи, нельзя оставаться въ родномъ домѣ, отправилъ его въ городъ Верро, Лифляндской губерніи, въ учебное заведеніе Крюммера.

Прощаясь съ отцомъ, мальчикъ не подозрѣвалъ, что уже больше не увидится съ нимъ. А между тѣмъ это такъ случилось. Отецъ его умеръ въ 1847 г., оставивши въ семьѣ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ высоконравственномъ и гуманномъ. Относясь къ крестьянамъ сердечно, участливо и справедливо, онъ и сына научилъ такому же отношенію къ нимъ.

Учебное заведеніе Крюммера, куда былъ помѣщенъ десятилѣтній Корфъ, было въ то время однимъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній. Въ немъ обращено было вниманіе не только на обученіе, но и на воспитаніе учениковъ. Живя дружною семьей, всѣ ученики проникались уваженіемъ къ личности человѣка и къ исполненію своихъ обязанностей по отношенію къ обществу. Какъ содержатель заведенія, такъ и всѣ преподаватели относились къ учащимся участливо, и Н. А. Корфъ чувствовалъ себя въ школѣ, какъ въ семьѣ. Всѣ предметы преподавались въ школѣ на нѣмецкомъ языкѣ, но это не затрудняло Ник. Алекс., такъ какъ еще до поступленія въ школу онъ зналъ этотъ языкъ настолько, что свободно понималъ нѣмецкую устную рѣчь. Два года пробылъ Ник. Алекс. въ школѣ Крюммера и затѣмъ взятъ былъ изъ нея и отданъ въ пансіонъ А. Я. Филиппова въ Петербургѣ, для подготовленія въ лицей. Пансіонъ Филиппова пользовался заслуженной славой. Это было въ полномъ смыслѣ образовательно-воспитательное учебное заведеніе, очень серьезно поставленное. Воспитанники его обыкновенно не только поступали въ числѣ первыхъ въ тѣ учебныя заведенія, въ которыя они подготовлялись, но и шли въ нихъ въ числѣ первыхъ же, такъ такъ въ пансіонѣ получали серьезную общеобразовательную подготовку. Душою пансіона былъ самъ А. Я. Филипповъ. Онъ все свое время проводилъ съ своими воспитанниками и оказывалъ на нихъ самое благотворное вліяніе. Сознавая, что не возможно вести успѣшно многолюдный пансіонъ, онъ ни за что не соглашался принять хотя бы однимъ ученикомъ болѣе положеннаго комплекта (30 человѣкъ); не соглашался онъ также получать и бо̀льшую плату за воспитанниковъ, хотя многіе родители, желавшіе помѣстить своихъ дѣтей въ пансіонъ, упрашивали его объ этомъ. Какъ учебную, такъ и воспитательную части въ пансіонѣ направлялъ самъ Филипповъ; онъ же, наравнѣ съ другими учителями, занимался и обученіемъ учениковъ. Баронъ Корфъ называетъ Филиппова «педагогомъ любителемъ и артистомъ своего дѣла, неусыпно работавшимъ по призванію». Несомнѣнно, что живой примѣръ такого беззавѣтно преданнаго своему дѣлу педагога, какимъ былъ Филипповъ, повліялъ на молодого Корфа и возбудилъ въ немъ желаніе всецѣло отдаться педагогическому дѣлу. Вотъ что самъ Корфъ говоритъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ («изъ пережитаго»):

«Въ пансіонѣ Филиппова, подъ вліяніемъ уваженія и привязанности къ директору, и того увлеченія и умѣнья, съ которыми онъ преподавалъ и воспитывалъ, я впервые полюбилъ школьное и учительское дѣло и сталъ считать педагогическую профессію самою благородною и важною изъ всѣхъ существующихъ. Еще въ бытность въ этомъ пансіонѣ, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, я искалъ случая удовлетворить зародившемуся во мнѣ, благодаря

таланту и увлеченію Филиппова, вкусу къ преподаванію. Бывало и хлѣбомъ меня не корми, а дозволь только товарищъ объяснить ему что-нибудь изъ преподаннаго за урокомъ; тутъ сейчасъ разыграется бывало самодѣятельность, и станешь своими способами выяснять товарищу то, что толковалъ учитель, а затѣмъ предлагать ему вопросы о пройденномъ и мечтаешь: «Эхъ, вотъ когда бы мнѣ цѣлый классъ достался!!!» Мои первые опыты преподаванія вѣроятно удавались, такъ какъ вскорѣ стала собираться вокругъ меня цѣлая кучка учениковъ для того, чтобы подъ моимъ руководствомъ, доставлявшимъ мнѣ же огромное наслажденіе, готовить уроки; дожилъ я даже до такого блаженства, что директоръ, который и самъ, быть можетъ, не подозрѣвалъ того, кто заронилъ въ меня своею талантливою и самоотверженною дѣятельностью первую педагогическую искру, съ этихъ поръ уже никогда не угасавшую и разгорѣвшуюся въ пламя при первой благопріятной обстановкѣ,—самъ поручалъ мнѣ слабѣйшихъ».

Весь строй жизни въ пансіонѣ Филиппова строго подчиненъ былъ высокимъ христіанскимъ требованіямъ. Отношеніе учениковъ къ самому Филиппову напоминало отношеніе дѣтей къ отцу. Отношеніе же равныхъ между собою, а также и отношеніе старшихъ къ младшимъ, основано было на христіанской любви, участіи и довѣріи. Отъ каждаго члена пансіона требовалось самое точное исполненіе своихъ обязанностей. Такой строй, несомнѣнно, оказывалъ благотворное вліяніе на воспитанниковъ вообще и на Н. А. Корфа въ частности, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ заложено уже было школами Градовскаго и Крюммера гуманное отношеніе къ людямъ.

Въ 1848 году баронъ Корфъ по экзамену поступилъ въ Александровскій лицей. Въ этомъ заведеніи онъ пробылъ шесть лѣтъ. Въ своихъ запискахъ («Изъ пережитаго») онъ говоритъ, что онъ чувствуетъ себя «обязаннымъ лицею своего времени» и признаетъ его «весьма существеннымъ факторомъ въ числѣ силъ, воспитавшихъ его». Лицей имѣлъ довольно сложную программу учебныхъ предметовъ, но преобладающими предметами были всетаки предметы юридическаго факультета. Изъ профессоровъ, имѣвшихъ значительное вліяніе на студентовъ, Корфъ съ особеннымъ уваженіемъ вспоминаетъ о Я. К. Гротѣ, читавшемъ исторію русской литературы, П. Д. Калмыковѣ, читавшемъ исторію русскаго права, и Сахаровѣ, возбудившемъ въ студентахъ любовь къ народнымъ произведеніямъ.

Будучи въ лицеѣ, юноша-Корфъ очень много читалъ, при чемъ старался обдумывать прочитанное. Онъ не только пользовался книгами изъ лицейской библіотеки, но и покупалъ ихъ на свои средства. Чтеніе художественныхъ произведеній на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ онъ старался пріурочивать къ тому времени, когда объ этихъ произведеніяхъ говорилось на лекціяхъ по русской, нѣмецкой и французской словесности.

Въ лицеѣ пробудилась у барона Корфа страсть къ писательству: онъ охотно переводилъ съ французскаго на русскій или нѣмецкій языки и даже самостоятельно сочинялъ повѣсти, которыя, впрочемъ, остались не напечатанными.

На пробужденіе и развитіе въ лицеистѣ Корфѣ вкуса къ литературнымъ занятіямъ, кромѣ лицея, имѣлъ вліяніе и его даровитый дядя, баронъ Фед. Фед. Корфъ. Послѣдній самъ помѣщалъ свои научныя и беллетристиче-

скія статьи въ современныхъ газетахъ и журналахъ и поддерживалъ въ племянникѣ охоту къ писательству.

Въ теченіе всего своего пребыванія въ лицеѣ Н. А. Корфъ шелъ однимъ изъ первыхъ и, по его собственнымъ словамъ, по всѣмъ предметамъ получалъ обыкновенно полные баллы.

Будучи въ лицеѣ, баронъ Корфъ находилъ возможность проявлять свою педагогическую наклонность, какъ раньше проявлялъ онъ ее въ пансіонѣ Филиппова. Въ лицей поступилъ сынъ графа Кассини, итальянецъ, не знавшій ни слова по-русски. Директоръ лицея обратился къ студентамъ съ вопросомъ, не возьмется ли кто изъ нихъ обучать новичка русскому языку. Взялся Н. А. Корфъ и въ годичный срокъ научилъ итальянца говорить, читать и писать по-русски, такъ что тотъ безъ затрудненія могъ слѣдить за преподаваніемъ въ лицеѣ.

Передъ репетиціями по учебнымъ предметамъ, особенно по теоріи уголовнаго права, Н. А. Корфъ съ наслажденіемъ разъяснялъ товарищамъ то, что предлагаемо было къ репетиціи, и товарищи охотно слушали его разъясненія.

Для обученія грамотѣ дѣтей лицейской прислуги организована была школа грамоты, помѣщавшаяся въ лицейскомъ предбанникѣ. Обучалъ въ ней дьячекъ. Н. А. Корфъ находилъ случаи проникать въ эту школу, дабы побыть среди учащихся дѣтей. Кромѣ того Н. А. Корфъ, начиная съ 15-лѣтняго возраста, не проводилъ ни однѣхъ каникулъ, не обучая какого-либо крестьянскаго мальчика.

Вообще можно сказать, что въ лицеѣ окончательно опредѣлилась наклонность Н. А. къ педагогической дѣятельности.

Въ 1854 году баронъ Н. А. Корфъ окончилъ курсъ наукъ въ лицеѣ. По успѣхамъ въ наукахъ онъ достоинъ былъ золотой медали, но за неумѣніе смолчать, когда замѣчалъ какую-нибудь несправедливость, и за то, что нѣсколько разъ попадался въ куреніи, былъ лишенъ золотой медали и награжденъ только серебряной.

По окончаніи курса въ лицеѣ, Н. А. Корфъ, по совѣту родныхъ, поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи. Благодаря полученному образованію и вліятельнымъ родственникамъ, онъ имѣлъ возможность составить себѣ блестящую служебную карьеру, но онъ не прельщался ею. Николая Александровича тянуло въ деревню, гдѣ онъ желалъ потрудиться для блага крестьянъ. Прослуживши полтора года въ департаментѣ, онъ оставилъ службу и переѣхалъ въ свое имѣніе Нескучное, въ Екатеринославской губерніи. Здѣсь онъ вскорѣ женился на дочери сосѣдняго помѣщика. Живя въ своей усадьбѣ, Николай Александровичъ придерживался разъ установленнаго образа жизни. Часть своего времени онъ посвящалъ своему хозяйству, часть— заботамъ о крестьянахъ и значительную часть - дальнѣйшему самообразованію. Онъ выписывалъ всѣ выдающіяся юридическія, педагогическія и философскія сочиненія на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, выписывалъ болѣе содержательные журналы и газеты. Вскорѣ у него образовалась такая библіотека, какая едва ли тогда была у кого-нибудь изъ помѣщиковъ. Съ появленіемъ дѣтей, Николай Александровичъ обратилъ особенное свое вниманіе на воспитаніе ихъ. Обѣ его дочери обязаны преимущественно ему своимъ

образованіемъ. Знакомясь дома съ теоріей воспитанія и обученія, онъ ѣздилъ за-границу, чтобы ознакомиться съ постановкой тамъ школьнаго дѣла.

Съ средины шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія баронъ Корфъ выступаетъ на общественную дѣятельность въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, гдѣ было его имѣніе. Учрежденіе земскихъ собраній и управъ, введеніе новаго судопроизводства и учрежденіе училищныхъ совѣтовъ дало ему возможность энергично и плодотворно потрудиться на общественной нивѣ, въ особенности же на нивѣ народнаго образованія. Н. А. Корфа избираютъ то гласнымъ уѣзднаго и губернскаго земскихъ собраній, то членомъ ревизіонной комиссіи, то почетнымъ мировымъ судьей, то предсѣдателемъ мирового съѣзда. И во всякой дѣятельности баронъ Корфъ былъ на высотѣ своего призванія. Съ особенной же пользой и славой онъ трудился для народнаго образованія.

Будучи избранъ (въ 1867 г.) въ члены Александровскаго училищнаго совѣта, Корфъ всецѣло отдался дѣлу насажденія образованія въ родномъ уѣздѣ. Благодаря его энергичной дѣятельности, сразу открыто было въ уѣздѣ значительное число начальныхъ школъ и этимъ школамъ дана была правильная организація. Для подготовки лицъ, желающихъ занять учительскія мѣста, а равно и для педагогическаго усовершенствованія учителей, занимающихъ уже такія мѣста, баронъ Корфъ собиралъ ихъ въ своей квартирѣ, велъ съ ними педагогическія бесѣды, раскрывая имъ основныя педагогическія требованія правильнаго обученія. Кромѣ того, при своихъ разъѣздахъ по школамъ, онъ старался устранять всѣ замѣчаемые имъ недостатки въ обученіи и воспитаніи дѣтей. Онъ нерѣдко самъ давалъ уроки, чтобы показать учителю, какъ слѣдуетъ обучать. Своимъ примѣромъ и горячимъ, убѣдительнымъ словомъ на земскихъ собраніяхъ и сельскихъ сходахъ, баронъ Корфъ привлекъ къ участію въ школьномъ дѣлѣ и земскихъ дѣятелей, и помѣщиковъ, и мировыхъ посредниковъ, и сельскія общества. Баронъ Корфъ составлялъ подробные и полные живого интереса отчеты Училищнаго Совѣта; въ нихъ излагалъ и объ организаціи начальной школы, и о способахъ веденія обученія въ ней, и объ обязанностяхъ членовъ училищныхъ совѣтовъ и т. п. Отчеты эти печатались и служили къ ознакомленію всей Россіи съ болѣе правильной организаціей народной школы. Мало того, рядомъ статей въ общихъ и педагогическихъ журналахъ Корфъ знакомилъ русское общество съ рѣшеніемъ различныхъ педагогическихъ вопросовъ, вызываемыхъ дѣятельностью. Затѣмъ, онъ велъ громадную переписку съ лицами, интересовавшимися педагогическимъ дѣломъ и обращавшимися къ нему съ различными вопросами, касающимися организаціи школъ и веденія обученія въ нихъ. Онъ находилъ также время и для посѣщенія лучшихъ въ то время школъ въ Россіи и составленія статей о нихъ. Одновременно съ этимъ онъ составлялъ учебныя руководства для начальныхъ школъ и руководства по организаціи этихъ школъ. Такъ, имъ составлены и изданы слѣдующія книги: 1) «Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу»; 2) «Русская начальная школа»; 3) «Нашъ другъ»; 4) «Малютка, первая книга послѣ азбуки»; 5) «Задачникъ письменныхъ упражненій».

«Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу» первоначально составлено было Корфомъ для обученія грамотѣ его старшей дочери. Затѣмъ

оно приноровлено было къ обученію грамотѣ въ школѣ ребятъ и взрослыхъ. «Руководство» Корфа явилось однимъ изъ первыхъ, по которымъ русское общество знакомилось съ звуковымъ способомъ обученія грамотѣ. Корфъ придерживался въ своемъ «Руководствѣ» синтетическаго способа ознакомленія учащихся со звуками и буквами, при чемъ знакомилъ учениковъ сначала только съ печатными буквами, которыя они писали (срисовывали). Ушинскій далъ такую оцѣнку книгѣ Корфа: «Руководство къ обученію грамотѣ», писалъ онъ,—«имѣетъ чисто практическую цѣль и потому изъ самой практики можно убѣдиться, что оно составлено очень хорошо».

«Русская начальная школа» представляетъ собою руководство по организаціи и веденію начальной школы. Въ ней каждый начальный учитель и каждый дѣятель по народному образованію находитъ нужныя себѣ указанія по вопросамъ, являющимся въ учебно-воспитательной практикѣ начальныхъ школъ. Она и составлена въ отвѣтъ на тѣ многоразличные вопросы по школьному дѣлу, которые автору приходилось получать то отъ членовъ училищныхъ совѣтовъ, то отъ начальныхъ учителей и учительницъ, то отъ другихъ дѣятелей по народному образованію. Сначала изложены въ ней условія существованія правильной сельской школы и успѣшности обученія въ этой школѣ; затѣмъ говорится о пользѣ, которой можно ожидать отъ сельской школы; о школьной дисциплинѣ и о порядкѣ при классныхъ занятіяхъ. Далѣе излагается, какъ слѣдуетъ вести обученіе тому или другому предмету, входящему въ курсъ начальной школы; говорится объ обученіи инородцевъ и взрослыхъ и, наконецъ, излагается о наблюденіи за школами.

Изложена книга общедоступно и довольно живо.

«Нашъ другъ. Книга для класснаго чтенія въ народной школѣ» имѣетъ слѣдующія особенности. Зная, что книга для чтенія въ школѣ служитъ основнымъ источникомъ для развитія учащихся и обогащенія ихъ нужными знаніями, Корфъ старался придать своей книгѣ такой характеръ, который въ наибольшей мѣрѣ соотвѣтствовалъ бы означенной цѣли. «Нашъ другъ» представляетъ матеріалъ, усвоеніе котораго полезно каждому сельскому земледѣльцу и члену крестьянскаго общества. Книга Корфа преслѣдуетъ чисто практическую цѣль. Она можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ для умственнаго и нравственнаго развитія учениковъ. Она несомнѣнно, въ свое время, до появленія болѣе подходящихъ книгъ для школы, оказала свое доброе вліяніе на начальную школу. Къ «Нашему другу» составлено Корфомъ приложеніе,—«Книга для учащихъ», содержащая методическія и дидактическія наставленія, какъ пользоваться «Нашимъ другомъ» на урокахъ въ начальной школѣ.

«Малютка, первая книга послѣ азбуки»,—составлена Корфомъ для упражненія въ чтеніи дѣтей, изучившихъ уже азбуку. Сообразно цѣли, подобранъ въ «Малюткѣ» подходящій матеріалъ: дѣти на коротенькихъ фразахъ и разсказахъ упражняются въ чтеніи. Прошедши «Малютку», ученики въ состояніи перейти къ чтенію по «Нашему другу». Впослѣдствіи Корфъ присоединилъ весь матеріалъ «Малютки» къ «Нашему другу».

«Задачникъ для письменныхъ упражненій представляетъ собою задачи для послѣдовательнаго пріученія учениковъ къ письменному изложенію своихъ мыслей. Пособіе это составлено практично и можетъ быть съ пользой употребляемо при начальномъ обученіи.

Въ періодъ съ 1867 по 1873 годъ баронъ Корфъ отдавался самой кипучей и неустанной педагогической дѣятельности. Благотворные результаты этой дѣятельности были всѣмъ очевидны. О школахъ Александровскаго уѣзда говорили въ печати; многіе педагоги нарочно пріѣзжали къ Корфу, чтобы познакомиться съ его просвѣтительною дѣятельностью. Нѣкоторыя правительственныя лица и учрежденія командировали учителей для ознакомленія съ Александровскими школами. О Корфѣ узнала вся Россія.

Но съ ростомъ извѣстности Корфа увеличилось и число его завистниковъ и недоброжелателей. Въ 1872 г. онъ былъ забаллотированъ крупными землевладѣльцами въ гласные. Не желая питать злобныя чувства недоброжелателей и завистниковъ, а равно сознавая, что при сложившихся обстоятельствахъ онъ не имѣетъ возможности съ прежнею самостоятельностью и производительностью руководить дѣломъ народнаго образованія въ своемъ уѣздѣ, баронъ Корфъ со всею семьей уѣхалъ за-границу, въ Женеву, гдѣ прожилъ до 1880 г. Въ Женевѣ онъ устроилъ русскую семейную школу и серьезно занялся воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дочерей. Ознакомляясь на мѣстѣ съ состояніемъ народнаго образованія на западѣ, баронъ Корфъ присылалъ въ русскіе журналы статьи по народному образованію въ Европѣ. Статьи эти были изданы въ 1879 г. отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ».

Сознавая значеніе такъ называемыхъ предметныхъ уроковъ, Корфъ, живя за-границей, перевелъ «Руководство къ наглядному обученію Ф. Гардера», предназначая свою книгу для учителей и матерей. Въ этой книгѣ начальный учитель находитъ обильный матеріалъ, помогающій ему вести уроки по предметному обученію, а мать находитъ обильный матеріалъ для разрѣшенія многихъ вопросовъ, предлагаемыхъ дѣтьми. Далѣе онъ составилъ «Исторію Востока, Греціи и Рима—для обученія и самообразованія». Въ этой книгѣ методически проведена связь и зависимость историческихъ событіи, чѣмъ она имѣетъ не маловажное значеніе. Въ предисловіи къ «Исторіи» Корфъ говоритъ, что она явилась плодомъ десятилѣтняго преподаванія исторіи не дѣтямъ, а взрослымъ. Подъ этимъ онъ разумѣлъ преподаваніе исторіи своимъ двумъ дочерямъ и другимъ лицамъ, которыя обучались въ его женевской школѣ.

Живя въ Женевѣ, Корфъ пользовался такою извѣстностью въ ученомъ швейцарскомъ обществѣ, что Женевская академія избрала его своимъ почетнымъ членомъ.

Въ періодъ отъ 1872-го до 1880 года Корфъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Россію. Такъ, въ 1873 году онъ пріѣхалъ, по приглашенію маріупольскаго земства, руководить съѣздомъ учителей Маріупольскаго уѣзда. Воспользовавшись пребываніемъ Корфа въ Россіи, бердянская земская управа пригласила его обозрѣть ея школы и дать о нихъ свое заключеніе. Корфъ не только обозрѣвалъ школы, но и во многихъ обозрѣваемыхъ школахъ давалъ образцовые уроки, при чемъ, по распоряженію управы, присутствовали и учителя сосѣднихъ школъ. Какъ руководительство съѣздомъ учителей Маріупольскаго уѣзда, такъ и обозрѣніе школъ Бердянскаго уѣзда благотворно отразилось на народномъ образованіи въ означенныхъ уѣздахъ.

Въ 1880 году Корфъ съ семьей переѣхалъ изъ за-границы въ Россію. Лѣтомъ того же года онъ предпринялъ изслѣдованіе, насколько сохраняются

знанія у крестьянъ, прошедшихъ начальную школу. Посредствомъ экзамена, произведеннаго крестьянамъ Маріупольскаго и Александровскаго уѣздовъ, окончившимъ курсъ 14 лѣтъ тому назадъ, онъ фактически доказалъ, что умѣніе читать, писать и считать, пріобрѣтенное въ начальной школѣ, не забывается, если только обученіе въ школѣ велось правильно. Тѣмъ не менѣе онъ пришелъ къ заключенію, что необходимо дать взрослымъ крестьянамъ возможность расширять и углублять свои познанія. И онъ путемъ періодической печати ратовалъ за необходимость повсемѣстнаго учрежденія у насъ, въ Россіи, воскресныхъ повторительныхъ школъ. Мало того, онъ у себя на родинѣ устроилъ двѣ воскресныя повторительныя школы для взрослыхъ. Для показанія, какъ слѣдуетъ организовать воскресныя школы и какъ вести въ нихъ занятія, Корфъ издалъ книгу: «Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ». Въ ней приведены программы, конспекты, методическія указанія и домашнія работы для всѣхъ уроковъ въ теченіе учебнаго года и по всѣмъ предметамъ.

Мало того, Корфъ горячо ратовалъ за обязательность обученія грамотѣ всего подрастающаго поколѣнія, при помощи домашнихъ крестьянскихъ школъ грамоты.

Статьи о воскресныхъ и повторительныхъ школахъ, объ образовательномъ уровнѣ взрослыхъ крестьянъ, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ статей, появившихся во время пребыванія Корфа за-границей, а равно и нѣсколькихъ позднѣйшихъ статей,—составили книгу «Наши педагогическіе вопросы», изданную въ 1882 году. Ранѣе же этого времени имъ издана книга «Наше школьное дѣло. Сборникъ статей по училищевѣдѣнію». Въ эту книгу вошло описаніе осмотрѣнныхъ Корфомъ различныхъ школъ, а равно и такія статьи, какъ «Бытъ крестьянъ, какимъ онъ отражается въ письменныхъ упражненіяхъ учениковъ сельскихъ школъ», «Объ инспекціи народныхъ училищъ», «Программа народной школы», «Учительскія семинаріи» и др.

Въ 1881 году разрѣшенъ былъ съѣздъ учителей земскихъ народныхъ школъ Херсонской губерніи. Съѣздъ этотъ состоялся подъ руководствомъ Корфа и имѣлъ выдающійся успѣхъ. На съѣздъ прибыли учителя и учительницы не только Херсонской губерніи, но и другихъ южныхъ губерній. Ихъ привлекло имя руководителя.

Въ 1882 г., послѣ смерти извѣстнаго педагога Басистова, состоявшаго при Московской городской управѣ завѣдывающимъ мѣстными народными училищами, предложено было барону Корфу баллотироваться для занятія открывшейся вакансіи. Городской голова и гласные думы имѣли ввиду избрать барона Корфа. Но тутъ явились недоброжелатели и завистники, которые, желая подорвать авторитетъ Корфа, писали въ газетахъ корреспонденціи и статьи, въ которыхъ наводили на него неблаговидную тѣнь. На него клеветали, обвиняя его въ томъ, въ чемъ онъ совершенно не былъ виновенъ. У читавшихъ эти статьи и корреспонденціи являлось сомнѣніе въ дѣйствительныхъ достоинствахъ Корфа, какъ педагога и общественнаго дѣятеля. Не желая быть предметомъ разногласія въ Московской думѣ, Корфъ увѣдомилъ Московскую городскую управу, что онъ не желаетъ баллотироваться для занятія мѣста завѣдывающаго московскими народными училищами.

Баронъ Корфъ повидимому не обращалъ вниманія на несправедливыя нареканія и брань завистниковъ и недоброжелателей; но, несомнѣнно, онъ страдалъ отъ несправедливаго поношенія его. Онъ попрежнему то продолжалъ разработывать различные педагогическіе вопросы, вызываемые дѣйствительностью, то принималъ живое участіе въ организаціи и веденіи школъ. Въ іюлѣ 1883 года онъ руководилъ учительскимъ съѣздомъ въ Бердянскомъ уѣздѣ съ тѣмъ же увлеченіемъ и вниманіемъ къ учителямъ, какъ и въ Херсонѣ. Въ августѣ и сентябрѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи и открытіи «Гнѣдинскаго ремесленнаго училища», почетнымъ членомъ котораго онъ былъ избранъ. При открытіи этого училища онъ произнесъ блестящую рѣчь, полную надеждъ на лучшее будущее. Трудно было подумать, что дни его сочтены. 13-го ноября того же года Корфъ скончался въ Харьковѣ, «отъ окончательнаго истощенія жизненныхъ силъ», какъ опредѣлили врачи причину его смерти. 15-го ноября состоялись похороны Корфа при значительномъ стеченіи учащихъ и учащихся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. При похоронахъ произнесено было учителями и учительницами нѣсколько рѣчей, характеризующихъ педагогическую и общественную дѣятельность Корфа.

Послѣ смерти Корфа во многихъ журналахъ и газетахъ явились глубоко сочувственные отзывы о дѣятельности покойнаго. И даже тѣ газеты, въ которыхъ годъ тому назадъ помѣщались инсинуаціи и клеветы на Корфа, помѣстили теперь статьи о плодотворной педагогической дѣятельности его.

IV.

Іосифъ Ивановичъ Паульсонъ.

Іосифъ Ивановичъ Паульсонъ своею извѣстностью въ педагогическомъ мірѣ обязанъ личному труду и своимъ педагогическимъ способностямъ.

Родился онъ въ Петербургѣ въ 1825 году. Отецъ его, будучи портнымъ, желалъ и сына приготовить къ тому-же ремеслу; но природныя способности и наклонности направили Іосифа Ивановича на иной путь дѣятельности.

Первоначальное образованіе Іосифъ Ивановичъ получилъ въ начальной церковной школѣ. Видя хорошіе успѣхи и способности сына, отецъ замѣстилъ его, по окончаніи имъ начальной школы, въ Петропавловское училище, гдѣ онъ пробылъ шесть лѣтъ и до окончанія курса вышелъ изъ заведенія, чтобы самостоятельно зарабатывать средства къ жизни.

Выдержавъ экзаменъ на званіе домашняго учителя, Іосифъ Ивановичъ отдался педагогической дѣятельности. Сначала онъ обучалъ русскому языку въ частныхъ пансіонахъ и домахъ Петербурга.

Будучи педагогомъ по призванію, Паульсонъ внимательно слѣдилъ за разработкой дидактическихъ и методическихъ вопросовъ въ западно-европейской педагогической литературѣ, чему способствовало знаніе имъ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго и шведскаго языковъ, которые онъ изучилъ самостоятельно.

Педагогическая дѣятельность Паульсона шла очень успѣшно, и вскорѣ онъ пріобрѣлъ такую извѣстность, что былъ приглашенъ въ качествѣ преподавателя элементарнаго курса учебныхъ предметовъ къ Великой княжнѣ Маріи Александровнѣ (впослѣдствіи герцогиня Эдинбургская). Съ нею онъ занимался въ теченіе пяти лѣтъ; въ то-же время онъ преподавалъ русскій языкъ Великимъ князьямъ Александру Александровичу (впослѣдствіи Императоръ Александръ III) и Владиміру Александровичу. За педагогическую дѣятельность при Дворѣ Іосифъ Ивановичъ получилъ пожизненную пенсію.

Съ конца пятидесятыхъ годовъ, послѣ неудачъ восточной войны, въ русскомъ обществѣ, какъ извѣстно, явилось нѣкоторое оживленіе въ сферѣ общественнаго и частнаго воспитанія и обученія, чему между другими дѣятелями способствовалъ и Паульсонъ.

Отъ конца пятидесятыхъ до начала восьмидесятыхъ годовъ Іосифъ Ивановичъ съ особенной энергіей отдавался практической и теоретической педагогической дѣятельности. Первые свои педагогическіе труды Паульсонъ помѣщалъ въ журналѣ «Воспитаніе» Чумикова. Но журналъ этотъ мало удѣлялъ мѣста разработкѣ вопросовъ, касающихся начальной школы. А въ разработкѣ такихъ вопросовъ сознавалась надобность, въ виду предстоящаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вслѣдствіе этого Паульсонъ вмѣстѣ съ Н. Х. Весселемъ и извѣстнымъ педагогомъ профессоромъ П. Г. Рѣдкинымъ рѣшили основать свой педагогическій журналъ. Такимъ образомъ явился журналъ «Учитель», подъ редакторствомъ Паульсона и Весселя.

Основаніе этого журнала совпало съ основаніемъ Петербургскаго педагогическаго Общества, основателями котораго были тѣ-же лица, съ присоеди-

неніемъ еще нѣсколькихъ другихъ лицъ. Задачей этого Общества было изученіе и изслѣдованіе вопросовъ, касающихся воспитанія и обученія, сближеніе отечественныхъ педагоговъ между собою и распространеніе въ публикѣ здравыхъ педагогическихъ понятій и свѣдѣній. Къ этому Обществу вскорѣ примкнули такіе педагоги, какъ К. Д. Ушинскій, В. И. Водовозовъ, М. И. Семевскій, К. К. Сенъ-Илеръ, И. Ѳ. Рашевскій и друг.

Уставъ педагогическаго Общества былъ утвержденъ и собранія этого Общества происходили во 2-ой Петербургской гимназіи. Первымъ предсѣдателемъ его избранъ былъ П. Г. Рѣдкинъ, а секретарями І. И. Паульсонъ и Н. Х. Вессель.

Будучи секретаремъ Педагогическаго Общества, Паульсонъ много трудился не только по исполненію секретарскихъ обязанностей, но также и по составленію педагогическихъ рефератовъ. Изъ такихъ рефератовъ особенно интереснымъ и поучительнымъ оказался рефератъ на тему: «Наука въ школѣ и метода школьнаго обученія».

Нужно замѣтить, что Педагогическое Общество какъ для Паульсона, такъ и для другихъ педагоговъ, сдѣлавшихся членами его, служило хорошей школой для педагогическаго самоусовершенствованія. Оно пробуждало въ нихъ интересъ къ изученію учебно-воспитательнаго дѣла. Здѣсь всѣ члены дѣлились своими педагогическими мыслями и почерпали нравственную поддержку для своей практической педагогической дѣятельности и для своихъ педагогическихъ трудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые и до сего времени не потеряли своего значенія; таковы, напр., труды Ушинскаго, Паульсона, Водовозова, Модзалевскаго и друг.

Выразителемъ дѣятельности Педагогическаго Общества и явился между прочимъ журналъ «Учитель», который, какъ сказано, сначала издавался и редактировался Паульсономъ и Весселемъ, а потомъ однимъ только Паульсономъ.

Журналъ «Учитель» оказалъ громадную услугу учителямъ и учительницамъ, служа имъ единственнымъ тогда пособіемъ къ педагогическому самоусовершенствованію.

«Учитель» разрабатывалъ преимущественно вопросы, касающіеся русской начальной школы. Онъ знакомилъ читателей также съ педагогическими воззрѣніями и трудами величайшихъ педагоговъ Западной Европы, каковы: Амосъ Коменскій, Базедовъ, Монтань, Ж. Ж. Руссо, Песталоцци, Локкъ, Дистервегъ, Фребель и друг. Значительное мѣсто удѣлено было въ немъ и организаціи школы и методической разработкѣ учебныхъ предметовъ элементарнаго курса. Кромѣ того, въ видѣ приложенія къ журналу помѣщались руководства по различнымъ предметамъ начальнаго обученія, что тоже дѣлало журналъ цѣннымъ для учителей и учительницъ. Не менѣе того онъ являлся цѣннымъ для нихъ и своимъ критическимъ отдѣломъ, въ которомъ разсматривались учебныя руководства по всѣмъ предметамъ элементарнаго курса. Такому разсматриванію обыкновенно предшествовала статья общаго характера, въ которой редакція высказывала свои требованія отъ такого или другого рода учебниковъ.

Кромѣ всѣхъ означенныхъ трудовъ, Паульсонъ работалъ надъ составленіемъ или переводомъ педагогическихъ сочиненій.

Разнообразная, широкая и кипучая дѣятельность Паульсона не могла не утомлять силъ его и не отзываться вредно на его здоровьѣ. Онъ почув-

ствовалъ потребность отдохнуть и, сдавши редакцію журнала «Учитель» Розенеру, въ 1868 году отправился за-границу, гдѣ предполагалъ работать безъ той лихорадочной поспѣшности, съ какою работалъ въ Россіи. Но заграницей онъ прожилъ не долго—полтора года: его тянуло на родину, въ ту среду, гдѣ онъ привыкъ трудиться. Въ 1870 году онъ возвратился въ Петербургъ. Здѣсь онъ совмѣстно съ П. Г. Рѣдкинымъ основалъ Фребелевское Общество, имѣющее цѣлью содѣйствовать дошкольному семейному воспитанію въ Россіи. Предсѣдателемъ этого Общества былъ избранъ Рѣдкинъ, а дѣлопроизводителемъ — Паульсонъ. Въ этомъ Обществѣ Іосифъ Ивановичъ принялъ на себя трудъ изложенія слушательницамъ Фребелевскихъ курсовъ методики элементарнаго обученія.

Снявши съ себя обязанности редактора журнала «Учитель», Паульсонъ съ большею энергіей отдался практической дѣятельности и составленію своихъ педагогическихъ трудовъ.

Педагогическая дѣятельность Паульсона сдѣлалась настолько извѣстной, что Покровительница Императорскаго Патріотическаго Общества, Великая Княгиня Екатерина Михайловна пригласила его въ члены Совѣта этого Общества, а въ 1874 году онъ, въ качествѣ инспектора, дѣлается руководителемъ женскихъ учительскихъ курсовъ, имѣвшихъ задачею приготовлять учительницъ для школъ Патріотическаго Общества. Паульсонъ принялся за это дѣло съ присущей ему энергіей и осторожностью и велъ его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при чемъ подготовилъ для школъ Патріотическаго Общества нѣсколько десятковъ хорошихъ, усердныхъ и знающихъ учительницъ.

Руководя педагогическими курсами, Паульсонъ вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывалъ и начальной школой, служившей для практическихъ занятій курсистокъ, будущихъ учительницъ.

Въ 1877 году начальныя Петербургскія школы перешли въ вѣдѣніе городской думы. Число ихъ начало увеличиваться. Для наблюденія за дѣятельностью учащихъ въ начальныхъ школахъ установлены были должности такъ называемыхъ экспертовъ по учебной части. На эти должности выбирались городской думой лица, извѣстныя своею педагогическою опытностью и педагогическими трудами. Однимъ изъ первыхъ экспертовъ является Паульсонъ. Онъ пробылъ въ этой должности 6 лѣтъ и оставилъ по себѣ самое доброе воспоминаніе. Онъ, въ качествѣ эксперта, читалъ въ Соляномъ городкѣ для начальныхъ учителей и учительницъ лекціи по методикѣ обученія предметамъ элементарнаго курса. Онъ строго относился къ выбору на мѣста учащихъ въ начальныхъ училищахъ и внимательно слѣдилъ за учебно-воспитательною дѣятельностью учителей и учительницъ школъ. Онъ хлопоталъ объ увеличеніи числа училищъ и о правильной организаціи ихъ и составлялъ по педагогическимъ вопросамъ доклады, для представленія ихъ въ училищный совѣтъ.

Кромѣ означенной своей дѣятельности, Паульсонъ первый ввелъ у насъ обученіе стенографіи, для обученія которой онъ примѣнилъ способъ Штольце. Въ семидесятыхъ годахъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ зимъ читалъ въ Петербургѣ, по порученію Министерства Народнаго Просвѣщенія, лекціи по стенографіи, такъ что первые наши стенографы были учениками Паульсона, или учениками его непосредственныхъ учениковъ.

Въ 1886 году Паульсонъ, будучи шестидесятилѣтнимъ старикомъ и чувствуя упадокъ силъ, сложилъ съ себя обязанности эксперта по учебной части и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилъ свою общественно-педагогическую дѣятельность. Онъ сталъ вести совершенно уединенную кабинетную жизнь, работая надъ своимъ послѣднимъ сочиненіемъ: «Методика грамоты, по историческимъ и теоретическимъ даннымъ».

Въ 1898 году Паульсонъ скончался въ южной Франціи, близъ Ниццы, и тѣло его было перевезено въ Петербургъ, гдѣ и похоронено на Смоленскомъ кладбищѣ.

Литературно-педагогическіе труды Паульсона могутъ быть раздѣлены на три группы: *А) Учебники:* 1, «Первая учебная книжка»; 2, «Дружка первой учебной книжкѣ»; 3, «Вторая учебная книжка»; 4, «Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ»; 5, «Задачникъ письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ»; 6, «Ариѳметическій задачникъ для письменныхъ упражненій въ классѣ» и 7, «Элементарная физика по Крюгеру, руководство для низшихъ учебныхъ заведеній». *Б) Руководства для учащихъ:* 1, «Обученіе грамотѣ и родному языку по «Первой учебной книжкѣ»; 2, «Учебный матеріалъ для практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ по «Второй учебной книжкѣ»; 3, «Объ употребленіи задачника письменныхъ упражненій»; 4, «Ариѳметика по способу Грубе»; 5, «О преподаваніи элементарной физики»; 6, «Практическое руководство къ изученію стенографіи» и 7, «Методика грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ». *В) Переводы*: 1, Доктора Бока—«Человѣческое тѣло, его строеніе и холя»; 2, его-же—«О здоровомъ и больномъ человѣкѣ»; 3, Дитеса—«Очеркъ практической педагогики»; 4, Фальке—«Новый способъ обученія начальной геометріи»; 5, Блекки—«О самовоспитаніи умственномъ, физическимъ и нравственномъ».

Всѣ литературно-педагогическіе труды Паульсона въ свое время имѣли, а нѣкоторые и до сихъ поръ имѣютъ значительную цѣну. Но изъ нихъ наиболѣе цѣннымъ вкладомъ въ педагогическую литературу является названное выше предсмертное сочиненіе «Методика грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ». Для составленія этого труда авторъ употребилъ десять послѣднихъ лѣтъ своей жизни.

Трудъ этотъ состоитъ изъ 2-хъ частей.

Первая часть—«Историческая»—заключаетъ въ себѣ послѣдовательное изложеніе способовъ обученія грамотѣ, начиная съ Сократа, Платона и Аристотеля и кончая изложеніемъ тѣхъ способовъ, по которымъ въ наше время обучаются дѣти въ культурныхъ европейскихъ странахъ. Часть эта распадается на четыре отдѣла. Первый отдѣлъ посвященъ историко-теоретическому развитію различныхъ методовъ обученія грамотѣ, которые составитель дѣлитъ на 3 группы: а) *синтетическіе* способы, по которымъ обученіе идетъ отъ части къ цѣлому, отъ простого къ сложному (отъ буквъ или звуковъ къ слогамъ и словамъ); б) *аналитическіе* способы, по которымъ, наоборотъ, обученіе идетъ отъ цѣлаго къ частямъ, отъ сложнаго къ простому (отъ словъ къ слогамъ и звукамъ) и в) *аналитико-синтетическіе* способы, въ которыхъ анализъ и синтезъ соединены и чередуются между собой. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ изложенія метода обученія нѣмецкихъ педагоговъ, находимъ также изложеніе способа обученія славянскаго педагога Амоса Коменскаго,

Локка, Песталоцци и системы Белля и Ланкастера. Второй отдѣлъ книги, озаглавленный: «Взглядъ на обученіе грамотѣ во Франціи, Англіи, Бельгіи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ»,—знакомитъ читателя со способами обученія грамотѣ, какъ прежде употреблявшимися, такъ и нынѣ примѣняемыми въ означенныхъ странахъ. Третій отдѣлъ посвященъ «Краткому очерку распространенія новѣйшихъ способовъ обученія грамотѣ въ Россіи». Здѣсь Паульсонъ, между прочимъ, съ особенною подробностью останавливается на Толстовской методѣ обученія и излагаетъ не только теорію обученія грамотѣ графа Толстого, но и его полемику по поводу способовъ обученія грамотѣ.

Во второй части Паульсонъ, сдѣлавъ краткій обзоръ развитія методики обученія грамотѣ у различныхъ народовъ, показываетъ читателю, какъ послѣ продолжительной борьбы двухъ одностороннихъ способовъ—синтетическаго и аналитическаго—выработался способъ, въ основаніе котораго положено какъ правильное чередованіе анализа и синтеза, такъ и тѣсная связь между чтеніемъ и письмомъ. Способъ этотъ, извѣстный подъ именемъ способа нормальныхъ словъ, заключаетъ въ себѣ, по словамъ Паульсона, слѣдующіе характеристическіе моменты: 1, изображеніе на рисункѣ знакомаго ребенку конкретнаго предмета; 2, явственное произношеніе слова, т. е. названія изображеннаго предмета; 3, разложеніе произнесеннаго слова на составныя части, т. е. на слоги и звуки; 4, изображеніе того-же слова на письмѣ и разложеніе его на буквы; 5, образованіе изъ звуковъ и буквъ различныхъ сочетаній; 6, составленіе изъ добытаго матеріала новыхъ словъ: чтеніе и письмо такихъ словъ. Во второй главѣ: «Выводы изъ предыдущаго», авторъ рѣшаетъ слѣдующіе вопросы: 1, Который изъ двухъ главныхъ способовъ обученія чтенію—синтетическій или аналитическій—болѣе естественъ? 2, Слѣдуетъ ли обучать письму съ самаго начала отдѣльно или же вмѣстѣ съ чтеніемъ? 3, Въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ сообщать буквы при обученіи письму? 4, Слѣдуетъ ли обучать чтенію посредствомъ письма, или основою для письма должно служить чтеніе? 5, Какимъ путемъ легче всего ввести дѣтей въ отвлеченную область грамоты?—Первый вопросъ Паульсонъ рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что болѣе естественный способъ—аналитическій, такъ какъ по этому способу ученики переходятъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному имъ. На второй вопросъ онъ отвѣчаетъ, что слѣдуетъ обучать чтенію и письму совмѣстно. Что касается третьяго вопроса: въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ изучать буквы при письмѣ?—то большинство обучающихъ рѣшаютъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что буквы при письмѣ слѣдуетъ изучать въ генетическомъ порядкѣ, т. е. въ томъ, въ какомъ одна рукописная буква можетъ быть произведена изъ другой. Но такъ какъ строгаго генетическаго порядка буквъ не существуетъ, то согласно съ мнѣніемъ педагога Ферстера, при обученіи письму нужно заботиться только о томъ, чтобы сложная форма не сообщалась ранѣе простой. Изслѣдуя четвертый вопросъ, Паульсонъ приходитъ къ выводу, что чтеніе должно служить основою для письма, а не наоборотъ. При совмѣстномъ веденіи обученія чтенію и письму, онъ совѣтуетъ пользоваться средствами, облегчающими дѣтямъ усвоеніе грамоты. Прибѣгать къ графической сѣткѣ съ самаго начала обученія грамотѣ, по мысли Паульсона, не слѣдуетъ. Аспидныя доски и грифеля, по его-же мнѣнію, должны быть удалены изъ школы и замѣнены бумагой, карандашомъ и перомъ. От-

вѣчая на послѣдній вопросъ, Паульсонъ, придерживаясь принципа: «переходи отъ простого къ сложному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному», требуетъ, чтобы, во 1-хъ, для анализа словъ выбирались слова простѣйшаго состава, какъ напр.: осы, соты, уши, шуба и т. п., чтобы анализъ словъ начинался съ разложенія словъ на слоги и притомъ на слоги различнаго вида и объема (о—сы, ос—ы; со—ты, сот—ы) и чтобы согласные звуки выдѣлялись изъ обратныхъ и конца замкнутыхъ слоговъ (ос, сот, уш, шуб); во-2-хъ, чтобы при разложеніи письменнаго слова въ сознаніи дѣтей запечатлѣвались не только отдѣльныя буквы, но и буквенныя сочетанія, которыми обозначаются слоги, что достигается лучше всего упражненіемъ въ письмѣ этихъ слоговъ. Относительно упражненія собственно въ чтеніи, Паульсонъ рекомендуетъ слѣдующія правила: 1, для чтенія дѣтямъ сначала даются слова, состоящія исключительно изъ знакомыхъ имъ слоговъ, а затѣмъ уже и слова съ новыми слогами. Первыя читаются безъ всякой предварительной подготовки, чтенію же послѣднихъ предпосылается устный анализъ ихъ; 2, первоначальныя упражненія въ чтеніи производятся а) надъ отдѣльными словами и б) надъ несложными сочетаніями словъ; чтеніе первыхъ ведетъ къ выработкѣ механизма чтенія, а чтеніе вторыхъ, т. е. краткихъ предложеній, ведетъ къ связному и сознательному чтенію предложеній. Въ третьей главѣ помѣщено описаніе строенія и отправленій органовъ голоса и рѣчи, при чемъ дается обстоятельное объясненіе, съ помощью рисунковъ, зарожденія и произношенія каждаго гласнаго и согласнаго звука. Въ четвертую главу внесены правила произношенія гласныхъ и согласныхъ звуковъ, названія предметовъ для выбора словъ для чтенія, а также замѣчанія о формѣ русскихъ буквъ, о количествѣ времени, нужнаго для прохожденія всѣхъ буквъ, объ устройствѣ школьнаго стола и т. п. Въ послѣдней главѣ Паульсонъ даетъ отзывъ о 132 учебныхъ пособіяхъ, раздѣленныхъ на а) руководства для учителей, б) буквари—русскіе и церковно-славянскіе, в) стѣнныя таблицы, г) подвижныя азбуки.

Изъ приведеннаго краткаго указанія главъ «Методики грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ» уже видно, что этотъ трудъ можетъ не только удовлетворить любознательность каждаго, желающаго поближе познакомиться съ сущностью, особенностями и ходомъ обученія дѣтей грамотѣ, но и можетъ служить настольною справочною книгою для каждаго учителя, получившаго педагогическое и соотвѣтственное научное образованіе.

Велико значеніе педагогическихъ трудовъ Паульсона въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ принадлежитъ къ числу первыхъ работниковъ, посвятившихъ свои труды, свои знанія и время дѣлу образованія народа, освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости. Заслуга Паульсона тѣмъ болѣе велика, что всѣмъ, что онъ сдѣлалъ для русскаго просвѣщенія, онъ, какъ уже сказано, обязанъ своему труду, своей настойчивости и желанію принести пользу дѣлу русскаго просвѣщенія.

Бывшіе ученики и ученицы Паульсона, а равно его бывшіе сотрудники свидѣтельствуютъ, что онъ всегда отличался высокой честностью, твердыми нравственными убѣжденіями и независимыми педагогическими взглядами. Онъ участливо относился не только къ своимъ ученикамъ или ученицамъ, но и ко всякому человѣку, и всегда готовъ былъ оказать всякому возможное содѣйствіе.

V.

Василій Ивановичъ Водовозовъ.

Въ періодъ возбужденія въ Россіи интереса къ педагогическимъ вопросамъ и къ начальной школѣ, Василій Ивановичъ Водовозовъ, наравнѣ съ другими современными ему педагогами, поработалъ не мало надъ этими вопросами и съ пользой потрудился для начальной школы.

В. И. Водовозовъ родился въ 1825 году. Отецъ его, занимаясь торговлей, разорился, и Василію Ивановичу пришлось провести дѣтство среди довольно бѣдной обстановки. Когда мальчику исполнилось десять лѣтъ, его отдали въ Петербургское коммерческое училище. Окончивъ здѣсь курсъ (въ 1842 г.), онъ въ теченіе года подготовился къ поступленію въ Петербургскій университетъ, куда и поступилъ для изученія филологическихъ наукъ. По окончаніи курса въ университетѣ, онъ получилъ назначеніе на должность учителя Варшавской гимназіи. Время, свободное отъ учительскихъ обязанностей, онъ посвящалъ занятію переводами съ греческаго, итальянскаго и англійскаго языковъ, которые зналъ основательно. Въ 1851 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ преподавалъ русскій языкъ и словесность въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ (въ 1-ой гимназіи, въ Елизаветинскомъ и Смольномъ институтахъ, въ Константиновскомъ военномъ и Аудиторскомъ училищахъ). Въ Смольномъ институтѣ онъ служилъ вмѣстѣ съ Ушинскимъ, который, будучи инспекторомъ института, предоставилъ ему въ немъ уроки по словесности. И въ Петербургѣ, какъ ранѣе въ Варшавѣ, въ часы, свободные отъ уроковъ, Водовозовъ занимался переводами съ иностранныхъ языковъ, преимущественно съ греческаго. На каникулахъ онъ обыкновенно путешествовалъ.

Въ 1856 году редакторъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», А. В. Никитенко, предложилъ Водовозову сотрудничать въ означенномъ журналѣ, и Водовозовъ началъ печатать свои переводы и статьи въ этомъ журналѣ. Кромѣ того, онъ помѣщалъ свои статьи и переводы въ журналахъ: «Современникѣ», «Библіотекѣ для чтенія», «Отечественныхъ запискахъ», «Учителѣ», «Народной школѣ» и друг.

Съ 1857 года Водовозовъ нѣсколько разъ ѣздилъ за-границу, гдѣ внимательно изучалъ школьное дѣло. Съ открытіемъ Петербургскаго Педагогическаго Общества онъ сталъ однимъ изъ дѣятельныхъ его членовъ.

Въ 1866 году Водовозовъ оставилъ службу и всецѣло отдался литературной дѣятельности, удѣляя значительную долю этой дѣятельности разработкѣ вопросовъ по начальному обученію. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ руководилъ лѣтними педагогическими курсами для начальныхъ учителей въ Костромѣ и Оренбургѣ.

Въ 1886 году Водовозовъ скончался въ Петербургѣ. «Своею шестидесятилѣтней жизнью онъ явилъ намъ», говоритъ Д. Д. Семеновъ: «высокій образецъ того, какъ нужно, несмотря ни на какія невзгоды, оставаться твердымъ до конца, какъ, не покладая рукъ, работать энергически, съ вѣрой въ

благотворное значеніе честнаго труда, и какъ въ преклонныхъ лѣтахъ продолжать любить свою родину, чутко отзываясь сердцемъ на все, что проситъ у него отвѣта».

За свои литературно-педагогическіе труды, Водовозовъ награжденъ былъ золотою медалью Комитетомъ грамотности и такою же медалью Комиссіей по присужденію наградъ имени Ушинскаго.

Сочиненія В. И. Водовозова, по ихъ содержанію, можно раздѣлить на три группы: а) сочиненія по словесности, б) по исторіи и в) сочиненія по начальному обученію.

а) Изъ сочиненій по словесности, кромѣ переводовъ классическихъ произведеній (напр., «Антигоны»—Софокла) и такихъ книгъ, какъ «Дѣтскіе разсказы и стихотворенія» и «Русскія сказки въ стихахъ», заслуживаютъ вниманія — «Новая русская литература», обнимающая періодъ отъ Жуковскаго до Гоголя включительно, и «Словесность въ образцахъ», гдѣ авторъ путемъ подробнаго анализа подобранныхъ словесныхъ произведеній знакомитъ читателя съ основными положеніями по теоріи словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какъ можно наводить учащихся на выводъ ими этихъ положеній.

б) Къ трудамъ по исторіи относятся—«Разсказы изъ русской исторіи» и «Очерки русской исторіи XVII вѣка».

в) Къ трудамъ по начальному обученію относятся, кромѣ отдѣльныхъ педагогическихъ статей, слѣдующія книги: 1) «Предметы обученія въ народной школѣ», 2) «Русская азбука для дѣтей» съ «Наставленіемъ для учителя» и 3) «Книга для первоначальнаго чтенія», ч. 1 и 2-ая, съ приложеніемъ къ ней «Книги для учащихъ».

Остановимся нѣсколько на этихъ послѣднихъ сочиненіяхъ, т.-е. на сочиненіяхъ по начальному обученію. 1) Въ книгѣ: «Предметы обученія въ народной школѣ», авторъ излагаетъ существенныя условія правильнаго воспитанія и успѣшнаго обученія дѣтей въ школѣ. Педагогическія правила онъ вездѣ выводитъ изъ излагаемыхъ имъ физіологическихъ и психологическихъ основаній. Онъ особенно настаиваетъ на соблюденіи послѣдовательности и наглядности при обученіи.

Для соблюденія послѣдовательности Водовозовъ требуетъ, чтобы учитель распредѣлялъ содержаніе учебнаго предмета по извѣстнымъ ступенямъ, сообразно ступенямъ послѣдовательнаго развитія учениковъ.

Для наглядности при обученіи, Водовозовъ требуетъ, чтобы ученики при изученіи предметовъ пользовались не только зрѣніемъ, но и другими внѣшними чувствами. «Мы знаемъ», говоритъ онъ: «что ребенокъ пріобрѣтаетъ представленія и понятія лишь послѣ того, какъ предметъ разносторонне дѣйствовалъ на его чувства. Слѣдовательно, при всякомъ объясненіи предмета нужно обращаться къ чувствамъ ребенка: преподаваніе должно быть наглядное въ обширномъ значеніи этого слова, т.-е. слѣдуетъ не только показывать ребенку предметъ, но и давать, гдѣ нужно, осязать его, дѣйствовать и на слухъ, и на обоняніе, и на вкусъ учащихся. Ребенокъ имѣетъ понятіе лишь о томъ, что онъ видѣлъ и наблюдалъ, и только постепенно, чрезъ скопленіе новыхъ наблюденій, переходитъ къ новымъ понятіямъ. Слѣдовательно, въ преподаваніи прежде всего нужно имѣть въ виду то и начинать съ того, что ребенокъ знаетъ, что онъ твердо усвоилъ путемъ впечатлѣній, какія да-

вала ему окружающая жизнь. Иначе говоря, надо начинать съ ближайшаго, извѣстнаго, вполнѣ доступнаго ребенку».

Требуя, чтобы обученіе всѣмъ предметамъ велось наглядно, Водовозовъ совѣтуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вести на низшей ступени обученія такъ называемые «предметные, или наглядные уроки», при чемъ ученики, подъ руководствомъ учителя, разсматриваютъ взятый предметъ и выражаютъ рѣчью замѣчаемые ими въ немъ признаки.

Такъ какъ при обученіи приходится пользоваться рѣчью, то относительно послѣдней Водовозовъ требуетъ, чтобы учащіеся слышали только ясную, отчетливую рѣчь,—слышали такъ, какъ надо, и понимали то, что слышатъ. Объясненія должны быть даваемы просто и выражены словами, извѣстными дѣтямъ.

Выяснивши общія требованія обученія, Водовозовъ приступаетъ къ изложенію методическихъ указаній относительно обученія грамотѣ, чтенію, письму, ариѳметикѣ, пѣнію и другимъ предметамъ, преподаваемымъ въ начальной школѣ.

Грамота, по опредѣленію Водовозова, «есть умѣнье обозначать извѣстными письменными знаками отдѣльные звуки, изъ которыхъ состоятъ слова, а также читать слова по знакамъ этихъ звуковъ». Обученіе грамотѣ слѣдуетъ начинать съ звукового разбора словъ и выдѣленія звуковъ: если ребенокъ усвоитъ звукъ, то ему не трудно будетъ присоединить къ слуховому впечатлѣнію—зрительное, т.-е. букву, и это будетъ сознательная работа, а не пустое зазубриваніе буквъ.

Водовозовъ совѣтуеть ознакамливать учениковъ сначала съ гласными звуками, какъ болѣе легкими, а затѣмъ переходить къ ознакомленію ихъ съ согласными. Онъ требуетъ, чтобы ученики сами подмѣтили въ словѣ требуемый звукъ и выдѣлили его. Для выдѣленія согласныхъ звуковъ берутся такія слова, въ которыхъ всѣ звуки знакомы ученикамъ, кромѣ того, съ которымъ предстоитъ имъ познакомиться.

Одновременно съ выдѣленіемъ звуковъ и сочетаніемъ ихъ въ слова ведутся подготовительныя упражненія къ письму: черченіе линій и писаніе элементовъ буквъ.

Обученіе чтенію должно быть направлено къ наученію учениковъ читать 1, правильно, 2, бѣгло, 3, сознательно и 4, выразительно. Водовозовъ довольно подробно излагаетъ средства, ведущія къ достиженію этихъ сторонъ чтенія.

Затѣмъ онъ излагаетъ средства научить учениковъ правильно и толково писать и указываетъ письменныя работы, которыя могутъ быть ведены въ начальной школѣ.

Толковое обученіе ариѳметикѣ, по словамъ Водовозова, не мыслимо безъ самаго широкаго примѣненія требованія наглядности. Если мы, говоритъ онъ, скажемъ дѣтямъ, что $4+2=6$, то они запомнятъ это механически; если же мы покажемъ или, еще лучше, заставимъ ихъ самихъ высчитать на наглядномъ пособіи, сколько будетъ $4+2$, то теперь формулу $4+2=6$ они усвоятъ уже сознательно. Для нагляднаго счисленія служатъ слѣдующія пособія: кубики, палочки, шарики, камешки, счеты, вѣсы и различныя мѣры.

Придерживаясь метода «изученія чиселъ», разработаннаго въ то время по Грубе сначала Паульсономъ, а затѣмъ Евтушевскимъ, Водовозовъ требуетъ основательнаго изученія каждаго числа.

Обученію пѣнію Водовозовъ придаетъ большое значеніе. У человѣка всегда, говоритъ онъ, существовало стремленіе выражать свои чувства въ пѣснѣ; отчего же не развить этотъ даръ Божій въ ребенкѣ, если онъ благотворно вліяетъ на чувство, подавляетъ грубые инстинкты и смягчаетъ характеръ.

Въ видахъ сохраненія здоровья учениковъ и физическаго ихъ развитія, Водовозовъ требуетъ, чтобы ученики въ срединѣ урока производили для отдыха гимнастическія движенія, а во время перемѣнъ устраивали подвижныя игры.

Говоря о классной дисциплинѣ и средствахъ къ поддержанію ея, Водовозовъ вооружается противъ всякаго рода тѣлесныхъ наказаній. Не менѣе того онъ вооружается и противъ такихъ учителей, которые и безъ тѣлесныхъ наказаній умѣютъ задать ученикамъ такую острастку, что цѣлый классъ дрожитъ при ихъ взглядѣ, и мертвая тишина воцаряется при ихъ приближеніи». Между учителемъ и учениками должны быть отношенія, основанныя не на страхѣ послѣднихъ къ первому, а на взаимномъ ихъ довѣріи, любви и уваженіи. Только при такомъ отношеніи въ классѣ можетъ быть живая дѣятельность и надлежащая дисциплина. Учитель долженъ со всѣми обращаться одинаково ласково, а на новичковъ долженъ обращать особенное вниманіе, дабы они сразу почувствовали себя въ школѣ такъ же хорошо, какъ и дома.

2) «Русская азбука для дѣтей» составлена Водовозовымъ по звуковому—аналитическому способу. Ознакомленію съ буквами предшествуютъ такъ называемыя звуковыя упражненія и подготовительныя упражненія къ письму. Къ ознакомленію съ буквами ученики приступаютъ послѣ того, какъ ознакомились уже со всѣми гласными и по крайней мѣрѣ съ одиннадцатью согласными звуками.

Сначала ученики знакомятся съ однѣми письменными буквами, пользуясь ими не только при письмѣ, но и при чтеніи: они читаютъ по письменному шрифту. Къ знакомству съ печатными буквами они переходятъ послѣ ознакомленія съ значительнымъ количествомъ письменныхъ буквъ.

Въ «Наставленіи для учителя, приложеніи къ Русской азбукѣ», заключается подробное изложеніе хода обученія грамотѣ по звуковому способу. Въ этой книгѣ содержится достаточно матеріала для ознакомленія дѣтей со звуками и подробное изложеніе самаго хода обученія ихъ грамотѣ. Кромѣ того, въ первой части книги приведена проработка значительнаго числа уроковъ по «предметному обученію».

Какъ «Русскою азбукою», такъ и «Наставленіемъ для учителя», явившимися въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, Водовозовъ, наравнѣ съ другими педагогами того времени, способствовалъ распространенію въ обществѣ звукового способа обученія грамотѣ и ознакомленію учащихъ съ особенностями этого способа обученія.

3) «Книга для первоначальнаго чтенія», напечатанная первымъ изданіемъ въ 1871 году, предназначена преимущественно для употребленія въ сельскихъ

школахъ. Въ ней помѣщенъ въ строго обдуманной системѣ матеріалъ, служащій какъ для обученія учениковъ отечественному языку, такъ и для обогащенія ихъ знаніями изъ естествовѣдѣнія, географіи, исторіи и другихъ предметовъ. Весь матеріалъ книги расположенъ въ такой послѣдовательности, при которой, несмотря на возрастающую трудность этого матеріала, онъ является посильнымъ для учениковъ, прочитывающихъ, подъ руководствомъ учителя, статью за статьею.

Сначала въ книгѣ идутъ статьи, вводящія учениковъ въ окружающій ихъ міръ; затѣмъ идутъ разсказы о главнѣйшихъ животныхъ, потомъ сообщаются основныя свѣдѣнія изъ ботаники, минералогіи, физики и міровѣдѣнія. Изъ послѣднихъ учебныхъ предметовъ сообщены свѣдѣнія о теплѣ, холодѣ, объ испареніяхъ воды и атмосферныхъ явленіяхъ (роса, иней, снѣгъ). Послѣ статей объ естественно-историческихъ предметахъ въ книгѣ помѣщены статьи о производствахъ и промыслахъ, наиболѣе распространенныхъ въ Россіи. Затѣмъ слѣдуютъ статьи изъ элементарной географіи и описанія отдѣльныхъ мѣстностей и полосъ Россіи. Въ концѣ идутъ историческія статьи («Какъ жили русскіе до Петра В.», «Наши монастыри», «Ермакъ Тимофеевичъ»).

Между статьями элементарно-научнаго содержанія помѣщено достаточное количество стихотвореній и разсказовъ, развивающихъ доброе нравственное чувство и эстетическій вкусъ учащихся.

Вообще весь матеріалъ, помѣщенный въ книгѣ, отличается разнообразіемъ, содержательностью и служитъ къ показанію связи между явленіями природы и уясненію достоинства человѣческаго труда, различія между силой физической и умственной, между бытомъ необразованнаго и образованнаго человѣка и тѣхъ нравственныхъ требованій, которыя налагаетъ на человѣка истинное образованіе.

Въ «Книгѣ для учителей», приложеніи къ «Книгѣ для чтенія», очень подробно изложены всѣ тѣ упражненія, которыя могутъ быть ведены съ учениками при разучиваніи съ ними той или другой статьи, того или другого стихотворенія. Эта книга является своего рода методическимъ руководствомъ, очень цѣннымъ для начальныхъ учителей.

VI.

Николай Алексѣевичъ Вышнеградскій.

Николай Алексѣевичъ Вышнеградскій извѣстенъ, какъ организаторъ первыхъ открытыхъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

До конца пятидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія въ Россіи, кромѣ нѣсколькихъ институтовъ и частныхъ пансіоновъ, не было учебныхъ заведеній, въ которыхъ русскія дѣвицы получали бы нужное имъ общее среднее образованіе. Потребность же въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ сознавалась. Для удовлетворенія ея и стали съ конца пятидесятыхъ годовъ открываться по проекту, составленному Н. А. Вышнеградскимъ, Маріинскія училища для приходящихъ ученицъ.

Н. А. Вышнеградскій, окончивъ курсъ наукъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ (въ 1844 г.), былъ старшимъ учителемъ словесности Ларинской гимназіи. Въ 1847 году онъ былъ удостоенъ степени магистра русской словесности за диссертацію «О филологическихъ изысканіяхъ церковно-славянскаго языка» и вскорѣ былъ назначенъ профессоромъ педагогики въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ и инспекторомъ Павловскаго женскаго института.

Лекторъ онъ былъ замѣчательный. Чрезвычайно громкій и гибкій голосъ, логичность и плавность изложенія, всегда теплое отношеніе къ предмету изложенія и изящные ораторскіе пріемы дѣлали лекціи его крайне интересными и даже увлекательными. Одною изъ излюбленныхъ идей Вышнеградскаго была идея о необходимости учрежденія въ Россіи открытыхъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Эту идею онъ нерѣдко развивалъ какъ на своихъ лекціяхъ, такъ и въ своихъ печатныхъ статьяхъ и въ нѣкоторыхъ произнесенныхъ имъ рѣчахъ.

Какъ человѣкъ, Вышнеградскій былъ выдающеюся личностью. Лучшіе цѣнители учителей и воспитателей—ихъ ученики и ученицы. И вотъ что пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. А. Вышнеградскомъ бывшая ученица Коломенской гимназіи: «Николай Алексѣевичъ былъ простой человѣкъ. Врагъ всего ходульнаго, манернаго и напыщеннаго, онъ и насъ училъ быть простыми и естественными. Бывало, преважно начнешь отвѣчать на экзаменѣ заученныя витіеватыя фразы, Николай Алексѣевичъ сейчасъ же остановитъ: «Нельзя-ли, душа моя, сказать это какъ-нибудь попроще, своими словами»... Онъ любилъ дѣтей всей душою, умѣлъ говорить съ ними, понималъ ихъ, понималъ ясно тѣ цѣли, къ которымъ должно стремиться образованіе гимназистки и достигалъ ихъ съ неутомимою силой и энергіей, присущими его могучему характеру и недюжиннымъ способностямъ. Онъ зналъ, что большинство изъ насъ, гимназистокъ, не готовится своими блестящими фразами и изящными манерами блистать въ высшемъ аристократическомъ обществѣ, а запасается необходимыми свѣдѣніями и приличными манерами, чтобы быть тихими труженицами на скромномъ педагогическомъ поприщѣ или еще въ болѣе скромномъ семейномъ быту. Благодаря ему, мы любили школу, были привязаны

къ ней всѣмъ сердцемъ, и хотя по окончаніи курса не много знали, но выходили изъ школы съ желаніемъ совершенствоваться и съ привычкой къ труду. Онъ и его сподвижники посѣяли въ сердцахъ нашихъ тѣ добрыя сѣмена религіи и нравственности, безъ которыхъ трудно пройти тяжелый жизненный путь. Мы, ученицы его, будемъ съ любовью до конца дней нашихъ вспоминать дорогое для насъ его имя».

Для выраженія своихъ педагогическихъ идей Н. А. Вышнеградскій издавалъ въ 1857 и 1858 годахъ «Русскій Педагогическій Вѣстникъ». Здѣсь, между прочимъ, онъ помѣщалъ статьи и сообщенія о нуждахъ женскаго образованія.

Въ 1858 году Н. А. Вышнеградскій представилъ Его Высочеству Петру Георгіевичу Ольденбургскому проектъ всесословной средней женской школы. Проектъ этотъ былъ представленъ на усмотрѣніе Государя Императора и Государыни Императрицы. Найдено было, что настоитъ необходимость въ учебныхъ заведеніяхъ, «въ коихъ дѣвицы, не отлучаясь на продолжительное время отъ семействъ, могли бы получать основательное и къ ихъ назначенію приноровленное образованіе». Проектъ новыхъ школъ былъ Высочайше утвержденъ 22 марта 1858 года. 19 апрѣля того же года состоялось открытіе перваго Маріинскаго училища. Попечителемъ училища былъ назначенъ Его Высочество Принцъ Ольденбургскій, а начальникомъ—Н. А. Вышнеградскій. На актѣ открытія присутствовала Императрица. Послѣ молебна Вышнеградскій произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: «Одно солнце на небѣ; никакіе искусственные огни не могутъ замѣнить его свѣта и теплоты; одна только на свѣтѣ у каждаго мать, и никакія искусственныя мѣры не замѣнятъ ея нѣжности и любви... Школа учитъ лучше семьи, а семья воспитываетъ несравнено лучше, чѣмъ школа».

Новооткрытое училище наполнилось ученицами. Огромное количество желающихъ поступить въ Маріинское училище побудило правительство вскорѣ открыть еще три такихъ же училища въ Петербургѣ. Учебный курсъ этихъ училищъ почти совпадалъ съ курсомъ женскихъ институтовъ. Черезъ годъ послѣ открытія перваго Маріинскаго училища были утверждены Его Высочествомъ, выработанныя Н. А. Вышнеградскимъ, «Правила внутренняго порядка Маріинскихъ училищъ». По основнымъ началамъ, «Правила» эти существенно отличались отъ той системы женскаго воспитанія, какая до того была принята въ закрытыхъ женскихъ заведеніяхъ. Въ нихъ сначала говорится о томъ, что для успѣшнаго воспитанія дѣтей необходимо, чтобы не только школа, но также и родители или опекуны прилагали свое стараніе къ насажденію нравственныхъ началъ въ душѣ питомицъ. «Наставники и надзирательницы училища обязаны помогать другъ другу къ достиженію общей цѣли—воспитанію и образованію ученицъ. Наставники приглашаются давать такое направленіе своему преподаванію, чтобы имъ не только обогащался умъ, но и развивалось чувство, утверждалась въ добрѣ воля учащихся». «И въ мужчинахъ», по замѣчанію «Правилъ», «одно только знаніе безъ облагороженнаго и развитого чувства мало имѣетъ цѣны, въ женщинахъ же рѣшительно пагубно: оно дѣлаетъ ихъ сухими, надменными эгоистками, неспособными къ добросовѣстному, искреннему отправленію святыхъ семейныхъ обязанностей». «Правила» придаютъ большое значеніе учебно-воспитательной дѣятельности

надзирательницъ училища. На должности главныхъ надзирательницъ (начальницъ) и классныхъ надзирательницъ, по мысли «Правилъ», должны быть опредѣляемы только такія лица, которыя по своему образованію могутъ быть наставницами дѣтей по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ кругъ женскаго образованія. «Особы, не имѣющія основательнаго и полнаго образованія, никогда не будутъ уважаемы дѣтьми», замѣчаютъ «Правила». «Классъ», по требованію «Правилъ», долженъ сколько возможно больше походить на семью; чѣмъ полнѣе будетъ это сходство, тѣмъ ближе будетъ и классъ къ своей истинной цѣли... Уничтоженіе семейнаго элемента въ общественныхъ училищахъ убиваетъ природную живость дѣтей, омрачаетъ Богомъ дарованную имъ веселость, истребляетъ въ нихъ довѣрчивость и любовь къ наставникамъ и наставницамъ, къ училищу и самому ученію». «Въ свое обхожденіе съ дѣтьми мы старались»,—говоритъ Вышнеградскій въ первомъ своемъ отчетѣ,—«внести стихію любви и ласки и изгнать изъ него стихію страха. Тѣмъ болѣе почитали мы себя нравственно обязанными къ такому образу дѣйствій, что многія дѣти, у насъ обучающіяся, вслѣдствіе разныхъ причинъ, въ домашней своей жизни не всегда видятъ нѣжность и ласку къ себѣ; пусть же они, по-крайней мѣрѣ, въ училищѣ чувствуютъ себя довольными и счастливыми».

Въ «Правилахъ» обращено особенное вниманіе на религіозно-нравственное развитіе ученицъ, при чемъ сказано, что такое развитіе получается отъ вліянія какъ училища, такъ и семьи. На привлеченіи участія семьи въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей «Правила» особенно настаиваютъ. Родители и опекуны ученицъ еженедѣльно оповѣщаются объ успѣхахъ ихъ дѣтей. На физическое воспитаніе ученицъ «Правила» тоже обращаютъ должное вниманіе: въ нихъ, напр., сказано о поддержаніи чистоты воздуха въ классахъ, о температурѣ въ классныхъ помѣщеніяхъ, о мѣрахъ предупрежденія простуды дѣтей и т. п. Классныя надзирательницы, по требованію «Правилъ», должны вникать во всѣ стороны жизни порученныхъ имъ ученицъ.

Вслѣдъ за открытіемъ въ Петербургѣ училищъ для приходящихъ дѣвицъ, такія же училища стали открываться въ губернскихъ городахъ, при чемъ одни изъ нихъ были подчинены вѣдѣнію собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а другія—вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1862 году Маріинскія училища были переименованы въ женскія гимназіи. Число ихъ съ каждымъ годомъ возрастало, и онѣ становились многолюднѣе и многолюднѣе, что свидѣтельствовало о томъ, что онѣ удовлетворяли назрѣвшей въ обществѣ потребности къ образованію женщинъ.

Въ 1853 г. Вышнеградскій представилъ Принцу проектъ организаціи при Маріинской гимназіи педагогическихъ курсовъ для подготовленія дѣвицъ, окончившихъ курсъ гимназіи, къ педагогической дѣятельности. Проектъ былъ утвержденъ и въ томъ же 1863 году были открыты педагогическіе курсы съ двумя классами—теоретическимъ и практическимъ. Занятія въ теоретическомъ классѣ направлены были, главнымъ образомъ, къ расширенію и усовершенствованію знаній, полученныхъ слушательницами въ гимназіяхъ и институтахъ. Въ немъ преподавались исторія русской литературы, всеобщая

исторія, русская исторія, педагогика, математика, физика, физіологія и анатомія.

Первоначально курсы не преслѣдовали чисто педагогическихъ цѣлей: при курсахъ не было практической школы, въ которой бы будущія учительницы давали пробные уроки. Только изрѣдка ученицы курсовъ упражнялись подъ руководствомъ Вышнеградскаго въ обученіи дѣтей въ младшихъ классахъ гимназіи. Практика скоро обнаружила необходимость придать курсамъ предпочтительно педагогическій характеръ. Съ этою цѣлью были исключены физіологія и анатомія, замѣненныя русской грамматикой, географіею и элементарнымъ курсомъ естественной исторіи. Для практическихъ занятій опредѣлено было открыть безплатную начальную школу; кромѣ того, при курсахъ были учреждены младшіе классы гимназіи, въ которыхъ будущія учительницы слушали уроки, давая о нихъ подробный отчетъ въ конференціяхъ. Пробные уроки курсистокъ разбирались тоже въ конференціяхъ.

Женскія гимназіи, распространившіяся не только по губернскимъ, но и по многимъ уѣзднымъ городамъ Россіи, оказали огромную услугу въ дѣлѣ культурнаго развитія русскаго общества. Дѣвицы, окончившія гимназію, вносили въ свои семьи цивилизующее начало. Кромѣ того, изъ женскихъ гимназій вышло множество хорошихъ учительницъ и воспитательницъ, изъ которыхъ многія посвятили себя педагогической дѣятельности въ начальныхъ школахъ. Далѣе, многія дѣвицы, благодаря полученному ими въ гимназіи образованію, получили возможность честнымъ трудомъ зарабатывать себѣ средства къ существованію. Наконецъ, благодаря гимназіямъ, женское образованіе настолько поднялось въ Россіи, что въ обществѣ явилось сознаніе въ своевременности открытія женскихъ учебныхъ заведеній—высшихъ педагогическихъ курсовъ, высшихъ женскихъ курсовъ и медицинскаго института.

Въ настоящее время общество уже оцѣнило по достоинству и полюбило женскія гимназіи.

Но при первоначальномъ открытіи ихъ, многіе съ предубѣжденіемъ относились къ нимъ и нападали на нихъ. Это побудило Вышнеградскаго просить Принца о назначеніи ревизіонной комиссіи для разслѣдованія положенія дѣла въ гимназіяхъ и на педагогическихъ курсахъ. Просьба его была уважена: въ маѣ 1866 г. составлена была ревизіонная комиссія изъ лицъ различныхъ вѣдомствъ.

Комиссіей было найдено много хорошихъ сторонъ въ умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ развитіи дѣвицъ.

Вышнеградскій весною 1867 г., былъ отчисленъ, съ сохраненіемъ прежняго содержанія, къ IV Отдѣленію вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, съ зачисленіемъ въ Ученый комитетъ этого вѣдомства. Тяжело было Вышнеградскому разставаться съ заведеніями, созданными его трудами. Въ запискѣ, поданной имъ Принцу Ольденбургскому, между прочимъ, сказано: «отчисленіе изъ заведеній, которыя, подъ Вашимъ высокимъ покровительствомъ, смѣю сказать, мною созданы, въ которыя вложилъ всю мою душу, всѣ мои силы и которыя, послѣ семьи, люблю больше всего, составляетъ тяжелое для меня мученіе».

Послѣ отчисленія отъ управленія женскими гимназіями Вышнеградскій жилъ не долго. Онъ умеръ 50-ти лѣтъ, 19 апрѣля 1872 года, въ 12 часовъ дня, «какъ разъ»,—говоритъ Д. Семеновъ,—«въ день и часъ основанія перваго Маріинскаго училища». «Можетъ быть, умирая, онъ помнилъ это, ибо въ послѣднія минуты повторялъ слова, произнесенныя имъ при открытіи училища: «одно солнце на небѣ»... Онъ умеръ, но память о немъ, какъ о первомъ иниціаторѣ женскихъ гимназій не умретъ, такъ какъ созданныя имъ гимназіи растутъ, совершенствуются и приносятъ огромную пользу просвѣщенію Россіи.

VII.

Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ.

Говоря о лицахъ, разрабатывавшихъ въ Россіи педагогическіе вопросы, нельзя не сказать о П. Г. Рѣдкинѣ, бывшемъ въ теченіе 15 лѣтъ несмѣннымъ предсѣдателемъ Петербургскаго Педагогическаго общества и напечатавшемъ рядъ глубоко продуманныхъ педагогическихъ статей.

Родина Петра Григорьевича—гор. Ромны, Полтавской губ. Родился онъ въ 1808 году. Отецъ его былъ помѣщикомъ. Первоначальное образованіе П. Г. получилъ дома, а затѣмъ въ уѣздномъ училищѣ, по окончаніи котораго онъ отданъ былъ въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ. Гимназія эта въ то время отличалась обширной программой, и Рѣдкинъ обязанъ ей тѣмъ энциклопедическимъ образованіемъ, которое впослѣдствіи принесло ему большую пользу при преподаваніи энциклопедіи законовѣдѣнія. Не малую пользу принесло ему и то литературное направленіе, которое господствовало среди учащихся въ гимназіи. Рѣдкинъ принималъ дѣятельное участіе въ издававшихся гимназистами рукописныхъ журналахъ и альманахахъ.

По окончаніи курса Нѣжинской гимназіи (1826 г.), Рѣдкинъ поступилъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ. По окончаніи здѣсь курса онъ былъ командированъ сначала въ Дерптскій университетъ, а затѣмъ за-границу, для подготовленія къ профессорской каѳедрѣ. Возвратившись въ Россію (въ 1834 г.), онъ выдержалъ экзаменъ на степень доктора правъ и вскорѣ назначенъ былъ профессоромъ энциклопедіи законовѣдѣнія въ Московскомъ университетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ исполнялъ обязанности инспектора московскихъ частныхъ учебныхъ заведеній и Александринскаго сиротскаго института. Лѣтними каникулами онъ обыкновенно пользовался для поѣздокъ за-границу, гдѣ осматривалъ учебныя заведенія Германіи, Франціи, Англіи, Италіи, интересуясь не только высшимъ образованіемъ, но и обученіемъ дѣтей. Въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ переѣхалъ въ Петербургъ, занялъ здѣсь должность въ Департаментѣ Удѣловъ, а съ начала 60-хъ годовъ былъ назначенъ профессоромъ Петербургскаго университета по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія. Эту послѣднюю должность онъ занималъ до конца семидесятыхъ годовъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта. Скончался онъ въ 1891 году, на 83 году своей жизни.

Преподаваніе въ университетахъ составляло главную дѣятельность Рѣдкина. Обладая широкимъ и глубокимъ юридическимъ образованіемъ, относясь съ живымъ интересомъ къ юридической наукѣ и преподаванію ея, Петръ Григорьевичъ оказывалъ благотворное вліяніе на своихъ слушателей: онъ своимъ живымъ словомъ и ученьемъ насаждалъ въ нихъ лучшія идеи и воззрѣнія и старался развивать въ нихъ любовь къ наукѣ, чувство правды и справедливости. Ученики Петра Григорьевича сохраняли о немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ въ высшей степени справедливомъ, прямомъ, искреннемъ и гуманномъ. Выше мы видѣли, какое благотворное вліяніе оказывалъ Рѣдкинъ на Ушинскаго. Такое же вліяніе онъ оказывалъ и на другихъ студентовъ.

Въ юридическую науку Петръ Григорьевичъ внесъ значительный вкладъ своими трудами («Лекціи по исторіи философіи права», «Юридическія записки» и др.); нѣкоторые изъ нихъ напечатаны въ концѣ его жизни и даже послѣ его смерти.

Какъ ни обширна и ни плодотворна была дѣятельность Рѣдкина, какъ профессора и ученаго, мы не станемъ останавливаться на значеніи этой его дѣятельности, а скажемъ лишь о значеніи чисто педагогической его дѣятельности.

Еще будучи профессоромъ Московскаго университета, Рѣдкинъ совмѣстно съ тремя другими профессорами задумалъ организовать педагогическое общество для рѣшенія педагогическихъ вопросовъ. Но утвержденіе устава этого общества затянулось, а между тѣмъ Петръ Григорьевичъ переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, П. Г. Рѣдкинъ; I. И. Паульсонъ, редакторъ журнала «Воспитаніе» Чумиковъ и нѣсколько другихъ педагоговъ, понимавшихъ всю важность обмѣна мыслей между педагогами, начали собираться другъ у друга для педагогическихъ бесѣдъ. Число лицъ, желавшихъ принять участіе въ этихъ бесѣдахъ, стало увеличиваться. Положено было начало Педагогическихъ собраній, преобразованныхъ впослѣдствіи въ Петербургское педагогическое общество. Выработанный уставъ общества былъ представленъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, которое и утвердило его. Педагогическое Общество избрало Петра Григорьевича своимъ предсѣдателемъ. Обладая глубокимъ философскимъ образованіемъ и отличаясь прямотой и твердостью характера, Петръ Григорьевичъ съ большимъ тактомъ велъ занятія общества. Члены общества, видя, съ какимъ тактомъ, знаніемъ дѣла и съ какою любовью Петръ Григорьевичъ ведетъ занятія собраній общества, изъ года въ годъ единогласно избирали его своимъ предсѣдателемъ. Такимъ образомъ Петръ Григорьевичичъ въ теченіе 15-ти лѣтъ былъ предсѣдателемъ Педагогическаго общества.

Почувствовавъ упадокъ силъ, причемъ онъ не имѣлъ возможности аккуратно посѣщать собранія общества, Петръ Григорьевичъ просилъ членовъ общества освободить его отъ обязанностей предсѣдателя. Собраніе постановило ходатайствовать о дозволеніи считать Петра Григорьевича своимъ почетнымъ предсѣдателемъ.

Съ открытіемъ въ Петербургѣ Фребелевскаго общества, Рѣдкинъ былъ избранъ первымъ предсѣдателемъ и этого общества. Учрежденіе «Дѣтскихъ садовъ», подготовка воспитательницъ для этихъ садовъ и содѣйствіе изданію лучшихъ книжекъ для чтенія дѣтямъ—вотъ главнѣйшая дѣятельность Фребелевскаго общества, руководимаго довольно продолжительное время П. Г. Рѣдкинымъ.

Состоя предсѣдателемъ Педагогическаго и Фребелевскаго обществъ, Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ съ живымъ интересомъ относился къ рѣшенію различныхъ педагогическихъ вопросовъ и напечаталъ въ педагогическихъ журналахъ («Воспитаніе», «Учитель» и др.) рядъ статей, въ которыхъ развивалъ свои взгляды на различные вопросы воспитанія и обученія или же знакомилъ русское общество и педагоговъ съ современной иностранной педагогической литературой и съ положеніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ различныхъ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Всѣ его педагогическія статьи отличаются глубиною и основательностью.

Изъ многихъ педагогическихъ статей, въ которыхъ Петръ Григорьевичъ высказываетъ свои мысли по тѣмъ или другимъ педагогическимъ вопросамъ, остановимся только на тѣхъ его статьяхъ, въ которыхъ выражены его взгляды на задачи воспитанія. Эти взгляды выражены въ статьяхъ: «На чемъ должна основываться наука воспитанія?» и «Что такое воспитаніе?»

«Воспитаніе», говоритъ П. Г. Рѣдкинъ, «должно обнять всего человѣка, какимъ его сотворила природа, а слѣдовательно дѣйствовать на всѣ его природныя силы, способности и наклонности. Всякое воспитаніе начинается съ физическаго. Но на этомъ воспитаніи останавливаться не должно, потому что тѣло есть только орудіе духа, и ограничивающійся физическимъ воспитаніемъ воспитываетъ не всего человѣка, а только одну его сторону. Однако же и при воспитаніи духовной стороны не должно ограничиваться нѣкоторыми только силами, способностями и наклонностями,—духъ представляетъ единое цѣлое, при всемъ различіи его особенныхъ направленій; духовныя силы, способности и наклонности находятся между собою въ тѣсной связи и взаимодѣйствіи, а потому и необходимо развитіе всѣхъ ихъ для достиженія цѣлей образованія». «Всякая односторонность въ духовномъ воспитаніи вредна. Такъ развитіе умственныхъ способностей, не гармонирующее съ прочими способностями, обыкновенно ведетъ къ холодному эгоизму; чрезмѣрное возбужденіе чувствъ—къ сантиментальности и мечтательности, а одностороннее развитіе воли—къ упрямству или же, напротивъ, къ духовному рабству. Впрочемъ, вполнѣ равномѣрное образованіе духовныхъ силъ невозможно, вслѣдствіе различія природныхъ способностей и обстоятельствъ жизни; воспитатель долженъ заботиться только о томъ, чтобы условливаемая такими причинами неравномѣрность не препятствовала достиженію человѣческаго предназначенія».

«Человѣкъ, какъ членъ внѣшней природы, необходимо подчиненъ ея законамъ, но его предназначеніе освободиться отъ рабскихъ оковъ природы и возвыситься къ свободѣ сыновъ Божіихъ. И воспитаніе должно вести человѣка къ тому, чтобы онъ, господствуя надъ природой, проникалъ духовнымъ окомъ въ ея таинства и любовался ея величіемъ».

«Воспитатель долженъ возбуждать, укрѣплять и усиливать сознательную и свободную дѣятельность воспитанника, чтобы онъ былъ въ состояніи пріобрѣсть потребные для самообразованія свѣтлый умъ и твердую волю. Въ этомъ—послѣдній результатъ такъ называемаго формальнаго образованія. Но одного формальнаго образованія не достаточно, такъ какъ оно получаетъ смыслъ и значеніе лишь въ томъ случаѣ, если обнаруживается въ жизни человѣка, основанной на идеяхъ красоты, истины и добра. Воспитанникъ долженъ возбудить въ себѣ теплоту ко всему, въ чемъ выражаются эти идеи.—Воспитывайте же, родители, дѣтей вашихъ въ духѣ красоты, истины и добра. Да освѣщаютъ эти божественныя идеи весь путь ихъ земной жизни. Да согрѣваютъ онѣ ихъ умъ и сердце во всѣхъ превратностяхъ судьбы».

«Высшая задача воспитанія есть нравственная. Хотя нравственность преимущественно обнаруживается въ волѣ, но отсюда она разливается и на всю духовную дѣятельность человѣка, на всѣ его жизненныя отношенія. Нравственность, т. е. согласіе съ идеею добра, можетъ проявляться и въ мышленіи, и въ чувствованіи, а не только въ волѣ. Тотъ человѣкъ нравственный въ истинномъ смыслѣ этого слова, кто во всѣхъ чувствованіяхъ, мысляхъ и

желаніяхъ, во всемъ, что онъ дѣлаетъ и къ чему стремится, во всякомъ званіи и состояніи, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, руководится мыслію, что все это должно ему служить для рѣшенія самой высокой задачи, данной человѣку свыше».

Всякое истинное воспитаніе есть вмѣстѣ и христіанское; истинный воспитатель старается изгнать изъ воспитанника природный эгоизмъ, вложить въ него и возрастить сѣмя любви къ Богу и ближнимъ»...

«Образовать изъ дитяти и юноши человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова; способствовать естественному развитію ихъ нравственной свободы; укрѣпить ихъ волю такъ, чтобы они могли дѣйствовать самостоятельно; изощрить ихъ духовное зрѣніе, чтобы они ясно смотрѣли на жизнь, сознавая задачу ея и стараясь всѣми силами рѣшить ее; посѣять въ душѣ ихъ и возрастить все прекрасное, истинное и доброе; возжечь въ груди ихъ пламенную любовь къ Богу и ближнимъ; ввести ихъ въ самостоятельную жизнь здравыми тѣломъ и духомъ, способными продолжать свое образованіе и дѣйствовать для пользы общей и во славу Всевышняго—вотъ черты истинной идеи воспитанія. Кто не согрѣтъ этою идеею, тотъ не можетъ называться воспитателемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова». («Что такое воспитаніе»).

Такъ какъ воспитаніе должно имѣть въ виду назначеніе человѣка— жить между людьми и съ людьми, а потому оно должно, по воззрѣнію Рѣдкина, образовать не только человѣка, но и *гражданина*.

Рѣдкинъ горячо доказывалъ необходимость спеціальной педагогической подготовки для воспитателей и учителей. Каждый учитель и воспитатель путемъ ознакомленія съ физической и духовной природой человѣка и съ условіями воспитанія и образованія его долженъ подготовиться къ своей учительской или воспитательской дѣятельности. Между добрыми качествами, которыми необходимо обладать каждому учителю и воспитателю, важное мѣсто занимаетъ правдивость, служеніе истинѣ. «Въ дѣлѣ воспитанія правда играетъ важную роль: можно сказать, воспитатели, для которыхъ правда не есть нѣчто святое, не въ состояніи воспитать людей честныхъ, нравственныхъ, съ твердыми убѣжденіями, съ преданностью истинѣ»... «Распространеніе истины, наученіе истинѣ другихъ есть величайшая задача, священнѣйшая обязанность всякаго человѣка, въ особенности воспитателя... Истинѣ жизнь посвящай! Да будетъ это драгоцѣнное изреченіе и нашимъ девизомъ», говоритъ П. Г. и, принадлежа къ числу людей, глубоко вѣрующихъ въ истину и добро и въ ихъ несомнѣнную побѣду надъ зломъ и ложью, онъ обыкновенно такимъ народнымъ изреченіемъ подтверждалъ свое убѣжденіе: «Все минется, одна правда останется»!

Въ личности П. Г. Рѣдкина счастливо сочетались два блестящихъ качества—широкое европейское образованіе и цѣльный характеръ. Если проницательный умъ, получившій образованіе въ лучшихъ современныхъ разсадникахъ цивилизаціи, и необыкновенная всесторонность познаній ученаго всегда вызывали удивленіе у лицъ, хотя бы сколько-нибудь знавшихъ его лично, то, съ другой стороны, высокія нравственныя качества его сердца, постоянство его идеаловъ и какъ бы прирожденная любовь къ труду, къ живой дѣятельности, внушали къ нему глубокое уваженіе.

VIII.

Николай Ивановичъ Ильминскій.

Съ именемъ Н. И. Ильминскаго связана идея о просвѣщеніи нашихъ восточныхъ инородцевъ. Въ дѣлѣ просвѣщенія послѣднихъ *путемъ школы* онъ не имѣетъ соперниковъ.

Н. И. Ильминскій родился въ 1821 году въ г. Пензѣ. Отецъ его былъ священникомъ. Первоначальное образованіе Николай Ивановичъ получилъ въ духовномъ училищѣ, а затѣмъ поступилъ въ духовную семинарію. По окончаніи въ ней курса, Николай Ивановичъ, какъ лучшій ученикъ по способностямъ, прилежанію и нравственнымъ качествамъ, былъ посланъ на казенный счетъ въ Казанскую духовную академію, для полученія высшаго богословскаго образованія.

Въ академіи, какъ ранѣе въ семинаріи, Николай Ивановичъ былъ любимъ товарищами за правдивый, открытый характеръ, веселый нравъ и всегдашнюю готовность услужить каждому. Профессоры относились къ нему съ уваженіемъ, какъ къ способному, прилежному и высоконравственному молодому человѣку.

Кромѣ богословскихъ наукъ, Николай Ивановичъ прилежно изучалъ языки. Еще въ семинаріи онъ изучалъ латинскій и греческій языки, а въ академіи изучалъ французскій, нѣмецкій и еврейскій языки. Кромѣ того, съ 1845 г. онъ сталъ изучать еще арабскій и татарскій языки. Изученіе этихъ послѣднихъ было предпринято Николаемъ Ивановичемъ съ цѣлью обучать этимъ языкамъ тѣхъ изъ студентовъ, которые предполагали свою будущую дѣятельность направить на миссіонерскій путь.

Въ 1846 году Николай Ивановичъ окончилъ курсъ Казанской академіи со степенью магистра и назначенъ былъ преподавателемъ (бакалавромъ) татарскаго и арабскаго языковъ той же академіи.

Сдѣлавшись преподавателемъ, Ник. Ив. рѣшился основательно изучить татарскій и арабскій языки и жизнь татаръ. Съ этою цѣлью онъ съ марта 1847 года переселился изъ академіи, гдѣ имѣлъ даровую казенную квартиру, въ татарскую слободу, находящуюся въ семи верстахъ отъ академіи. Въ слободѣ не оказалось квартиры, и Ник. Ив. упросилъ одного татарскаго муллу дать ему помѣщеніе въ маленькомъ чердакѣ подъ крышей татарской школы. Помѣщеніе было и тѣсно и нездорово. Кромѣ того, Ник. Ив. долженъ былъ ежедневно ходить въ академію на лекціи. Утомленіе и вредныя гигіеническія условія жизни вызвали серьезную болѣзнь. Оправившись отъ болѣзни, Николай Ивановичъ опять поселился въ татарской слободѣ, гдѣ нашелъ себѣ бѣдную и тѣсную комнатку, и прожилъ въ ней почти годъ, испытывая всевозможныя лишенія. Но зато онъ достигъ цѣли: основательно изучилъ татарскій языкъ и жизнь татаръ, что помогло ему въ его трудахъ по просвѣщенію инородцевъ вообще и татаръ въ особенности.

Въ срединѣ сороковыхъ годовъ минувшаго столѣтія стало замѣчаться массовое отпаденіе крещенныхъ татаръ въ магометанство. Причиной такого явленія было то, что православное богослуженіе для татаръ совершалось на

славянскомъ языкѣ, имъ непонятномъ. Государь Императоръ Николай I-ый въ январѣ 1847 года Высочайше повелѣлъ перевести богослужебныя книги на татарскій языкъ и совершать для татаръ богослуженіе на ихъ языкѣ. Учрежденъ былъ Переводческій Комитетъ, въ которомъ Николай Ивановичъ, благодаря своему отличному знанію татарскаго языка и желанію трудиться на пользу ближнихъ, сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ, серьезныхъ членовъ. Вскорѣ начали появляться на татарскомъ языкѣ, одна за другою, священныя и богослужебныя книги. Появленіе ихъ всегда доставляло Николаю Ивановичу высокую духовную радость.

Для болѣе близкаго ознакомленія съ бытомъ и религіознымъ настроеніемъ татаръ, Николай Ивановичъ, по порученію Казанскаго епископа, отправился въ села и деревни, населенныя преимущественно татарами. Для успѣшнаго исполненія даннаго ему порученія, онъ носилъ, во время своего путешествія, татарскій костюмъ. Зная отлично татарскій языкъ и умѣя разговаривать съ простымъ народомъ, Ник. Ив. вступалъ съ татарами въ бесѣду то на базарѣ, то подсаживаясь на возъ къ какому-нибудь татарину, ѣдущему въ городъ или сосѣднее село, то ночуя въ татарскихъ избахъ. Въ такомъ путешествіи онъ провелъ около двухъ мѣсяцевъ и, возвратившись въ Казань, привезъ множество чрезвычайно важныхъ свѣдѣній о религіозномъ положеніи крещеныхъ татаръ, о различіи между старо-крещеными и ново-крещеными татарами и о причинахъ отступничества татаръ въ мусульманство.

Въ 1850 году Николай Ивановичъ переѣзжаетъ въ Петербургъ, куда переведенъ былъ Переводческій Комитетъ и гдѣ въ 1851 году была напечатана имъ литургія на татарскомъ языкѣ.

Въ томъ же 1851 году Николай Ивановичъ былъ посланъ въ мусульманскія страны—Азіатскую Турцію, Египетъ—для изученія магометанской религіи и положенія православія въ мусульманскихъ странахъ. Кромѣ того, онъ долженъ былъ ознакомиться съ школами на востокѣ и лучшими сочиненіями противъ магометанства. Эта командировка совершенно совпала съ желаніемъ Николая Ивановича, и онъ смотрѣлъ на нее, какъ на лучшую награду за свои труды по переводу священныхъ книгъ на татарскій языкъ. При такомъ отношеніи къ своей командировкѣ, онъ всецѣло посвятилъ себя тому дѣлу, для котораго онъ былъ отправленъ. Онъ побывалъ въ различныхъ мѣстахъ Египта и Турціи и вездѣ внимательно изучалъ какъ бытъ народа, такъ его религію и языкъ. Результаты своихъ наблюденій онъ изложилъ въ своемъ обширномъ отчетѣ, представленномъ академическому Правленію.

Въ концѣ 1853 года Ильминскій возвратился въ Петербургъ, а въ слѣдующемъ году мы видимъ его опять въ Казани преподавателемъ арабскаго языка—въ противомусульманскомъ миссіонерскомъ отдѣленіи. Кромѣ своихъ преподавательскихъ занятій, Ильминскій усердно трудится надъ переводами на татарскій языкъ еще не переведенныхъ богослужебныхъ книгъ, провѣряетъ пригодность этихъ переводовъ для татаръ, для чего въ 1856 году снова странствуетъ по татарскимъ селамъ Казанской губерніи, читаетъ татарамъ переведенныя книги и убѣждается, что татарскій письменный, ученый языкъ непонятенъ для татаръ, которые не получили образованія въ школахъ. Это приводитъ его къ убѣжденію въ необходимости учрежденія татарскихъ школъ,

въ которыхъ обученіе совершалось бы и на татарскомъ, и на русскомъ языкахъ.

Въ 1858 году Ильминскій переѣзжаетъ на службу переводчикомъ въ Оренбургскую пограничную комиссію при Генералъ-Губернаторѣ. Здѣсь онъ занялся изученіемъ киргизскаго языка. Для болѣе успѣшнаго изученія этого языка, онъ въ 1860 году все лѣто до глубокой осени прожилъ среди киргизъ, переѣзжая изъ аула въ аулъ и почуя въ киргизскихъ юртахъ. Онъ такъ обстоятельно изучилъ киргизскій языкъ, что составилъ киргизско-русскій словарь, учебникъ русскаго языка для киргизскихъ дѣтей и самоучитель русскаго языка для взрослыхъ киргизъ. Учебники эти оказали значительную услугу въ дѣлѣ усиленія русскаго вліянія на киргизъ и ограниченія вліянія на нихъ татаръ-мусульманъ, которые ранѣе учреждали имъ школы, укореняли въ нихъ мусульманство и были посредниками въ сношеніяхъ ихъ съ русскими.

Кромѣ этой пользы, Ильминскій оказалъ значительную пользу также своимъ личнымъ вліяніемъ на киргизъ, съ которыми ему приходилось имѣть сношеніе. Одного изъ такихъ киргизъ (Алтынсарина) онъ подготовилъ для плодотворной учебно-воспитательной дѣятельности въ киргизскихъ школахъ. Этотъ киргизъ сначала былъ учителемъ, а потомъ инспекторомъ киргизскихъ школъ.

Въ 1861 году Николай Ивановичъ переѣхалъ снова въ Казань для занятія каѳедры турецко-татарскаго языка въ Казанскомъ университетѣ. Будучи профессоромъ университета, Николай Ивановичъ вмѣстѣ съ тѣмъ всею душою служилъ дѣлу христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ инородцевъ. Онъ по прежнему переводилъ на народный разговорный татарскій языкъ разныя священныя и богослужебныя книги. Мало того, пришедши къ мысли, что только путемъ правильно устроенныхъ школъ можно положить твердый оплотъ противъ совращенія въ мусульманство крещенныхъ инородцевъ, Ильминскій всецѣло отдался устройству такихъ школъ.

Въ 1863 году у образованнаго крещенаго татарина Тимофеева, обучавшаго студентовъ академіи разговорному татарскому языку, жили три татарскихъ мальчика, отданныхъ родителями ихъ для обученія грамотѣ. Они обучались по книгамъ Ильминскаго. Возвратившись въ дома своихъ родителей, они удивили послѣднихъ умѣніемъ читать священныя книги. Чрезъ годъ у Тимофеева было уже двадцать учениковъ и школа поступила въ вѣдѣніе Начальства Казанскаго учебнаго округа. Главное руководительство школой поручено было Ильминскому. Для Николая Ивановича школа эта была любимымъ дѣтищемъ, самымъ дорогимъ созданіемъ. Онъ самоотверженно любилъ толпу татарскихъ дѣтишекъ, которыя на его глазахъ, его трудами дѣлались разумными, довѣрчивыми, будучи въ то-же время дѣтски-простодушными, незлобивыми.

Въ школѣ преподаваніе велось на татарскомъ языкѣ. Сначала обучали чтенію и письму, затѣмъ слѣдовало обученіе молитвамъ, священной исторіи и катехизису, по книгамъ, напечатаннымъ на татарскомъ языкѣ, но русскими буквами. Ученики читали на татарскомъ языкѣ книгу Бытія, Премудрости Іисуса, сына Сирахова, Евангеліе отъ Матѳея и другія священныя книги, переведенныя Ильминскимъ. Русскому языку ученики обучались практически. Кромѣ названныхъ предметовъ, ученики обучались началамъ ариѳметики, географіи и русской исторіи. Особенно важное значеніе придавалось духовному пѣнію на татарскомъ языкѣ.

Въ школѣ господствовали простота, скромность и строго-религіозное направленіе. Ученики, жившіе въ школѣ, сами исполняли всѣ домашнія работы: они топили печи, возили воду, наблюдали за чистотой какъ въ классахъ, такъ и въ жилыхъ комнатахъ, ухаживали за больными.

По образцу Казанской крещено-татарской школы стали учреждаться подобныя же школы какъ въ Казанской, такъ и другихъ губерніяхъ и областяхъ, гдѣ живутъ инородцы.

Въ 1875 году программа предметовъ, преподаваемыхъ въ Казанской крещено-татарской школѣ, была расширена, такъ что воспитанники этой школы выходили настолько уже подготовленными, что ихъ стали назначать учителями въ сельскія татарскія школы.

Въ 1867 году при Казанской школѣ было открыто отдѣленіе для дѣвочекъ, которое впослѣдствіи обратилось въ самостоятельную школу для татарскихъ дѣвушекъ. Христіанское воспитаніе татарскихъ женщинъ было необходимо, вслѣдствіе того, что, являясь воспитательницами дѣтей, онѣ могли сообщить имъ или христіанскія или магометанскія понятія.

Къ крещено-татарской школѣ проявляли живой интересъ какъ городское общество, такъ и власти духовныя и свѣтскія. Казанскій епископъ выказывалъ особенную заботливость о школѣ; съ неменьшею заботой относился къ ней министръ Народнаго Просвѣщенія и оберъ-прокуроръ Св. Синода. Самъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, будучи въ 1871 году въ Казани, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ крещено-татарскую школу и выразилъ свое одобреніе ей. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали увеличиваться и матеріальныя средства школы, такъ что скоро явилась возможность выстроить для школы помѣстительный каменный домъ съ церковью при немъ и надлежащимъ образомъ обставить школу школьными принадлежностями и учебными пособіями. Епископы восточныхъ епархій, проѣзжая чрезъ Казань, поближе ознакамливались съ школой Ильминскаго, дабы по образцу ея устраивать школы въ своихъ епархіяхъ.

Въ 1867 году открыто въ Казани братство Св. Гурія, перваго святителя Казанской земли. Цѣлью этого братства было распространеніе христіанства среди инородцевъ Россіи. Душою и главнымъ труженикомъ этого братства явился Николай Ивановичъ. Крещено-татарская школа поступила подъ покровительство братства, которое прилагало особенное стараніе объ учрежденіи инородческихъ школъ не только въ Казанской, но и другихъ восточныхъ губерніяхъ. Къ 1894 году въ одной Казанской губерніи число школъ въ селахъ и деревняхъ съ инородческимъ населеніемъ возросло до 150, въ которыхъ воспитывалось около 5 тысячъ инородцевъ. Учителями въ этихъ школахъ были большею частью воспитанники крещено-татарской школы или инородческой учительской семинаріи, о которой скажемъ ниже. Учителя эти, воспитанные подъ благотворнымъ вліяніемъ Николая Ивановича, вносили въ свои школы тѣ христіанскія начала, которыми проникались сами въ школѣ или семинаріи.

Переводческая комиссія поступила въ вѣдѣніе братства и въ значительной мѣрѣ усилила свою дѣятельность. Николай Ивановичъ Ильминскій съ прежнимъ усердіемъ трудился надъ переводомъ богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки.

Братство стало отпускать Переводческой комиссіи нужную сумму на печатаніе переведенныхъ книгъ. Ранѣе же всѣ переводы Н. И. Ильминскій печаталъ на свой счетъ, употребляя для этого значительную часть своего скромнаго жалованья. Такую затрату Ник. Ив. могъ дѣлать, ограничивая свои потребности. Онъ всегда велъ самый скромный образъ жизни. «Скромность Николая Ивановича», говорится въ одномъ изъ воспоминаній о немъ, «была поистинѣ образцовая; и въ одеждѣ, и въ рѣчахъ, и въ жизни—олицетворенная простота и скромность».

Въ 1872 году была открыта въ Казани инородческая учительская семинарія и директоромъ ея былъ назначенъ Н. И. Ильминскій. Почти 20 лѣтъ, до самой своей смерти, онъ завѣдывалъ этимъ заведеніемъ, и, благодаря его трудамъ, оно пріобрѣло лестную извѣстность не только въ поволжьи, но и въ Сибири и въ Закавказьи. Въ семинаріи воспитывались и обучались инородцы вмѣстѣ съ русскими, что вело къ сближенію первыхъ съ послѣдними. Вся жизнь въ семинаріи основывалась на христіанскихъ началахъ. Главное значеніе въ ней придавалось религіозно-нравственному воспитанію. Семинарія представляла собою одну большую семью, въ которой воспитанники, не смотря на племенную разность, жили мирно, трудились для одной цѣли и помогали другъ другу въ занятіяхъ. Воспитанники семинаріи, предназначенные къ жизни и дѣятельности въ селахъ и деревняхъ, привыкали въ семинаріи къ скромной и простой обстановкѣ, примѣнительно къ сельскому быту. Обученіе въ семинаріи велось на разумныхъ дидактическихъ началахъ. Ильминскій стремился, чтобы оно (обученіе) возбуждало и питало любознательность учениковъ, такъ чтобы послѣдніе учились изъ удовольствія, получаемаго отъ духовнаго совершенствованія, а не изъ матеріальной выгоды или изъ видовъ служебныхъ. Школа, по мнѣнію Николая Ивановича, должна быть такъ поставлена, чтобы дѣти полюбили ее, чтобы они чувствовали себя въ ней тепло и уютно, что̀ и будетъ, между прочимъ, способствовать выработкѣ въ нихъ гуманныхъ началъ и благородныхъ чувствъ.

Изъ учительской семинаріи Ильминскаго вышли лучшіе учителя инородческихъ школъ какъ поволжья, Урала, такъ и Сибири и Кавказа.

Николай Ивановичъ не оставлялъ своихъ питомцевъ по окончаніи ими курса. Онъ переписывался съ ними, давалъ имъ совѣты, направлялъ ихъ дѣятельность, ободрялъ ихъ въ тяжелыя минуты. Приходится удивляться, какъ онъ, при массѣ своихъ занятій по управленію семинаріей, по переводу священныхъ книгъ на инородческіе языки, находилъ время и возможность вести такую большую переписку съ своими бывшими учениками, занявшими мѣста учителей инородческихъ школъ.

Посвящая свои труды на попеченіе о христіанскомъ просвѣщеніи инородцевъ, Н. И. Ильминскій въ то же время внимательно слѣдилъ вообще за ходомъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Своею педагогическою опытностью онъ во многомъ помогалъ правильному устройству церковно-приходскихъ школъ. При его участіи составлены были программы церковно-приходскихъ школъ. Кромѣ того, имъ составлены: 1) Обученіе церковно-славянской грамотѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ, въ двухъ книжкахъ—первая для учениковъ, вторая—для учителей; 2) Церковно-славянская азбука для церковно-приходскихъ школъ—для учителей и учениковъ, съ двумя табли-

цами упрощенной славянской азбуки. Для церковно-приходскихъ школъ, при участіи Николая Ивановича, изданы были: Учебный часословъ, Учебная псалтирь и Учебный октоихъ. Всѣ права изданія этихъ книгъ пожертвованы имъ Училищному Совѣту при Святѣйшемъ Синодѣ, и этимъ пожертвованіемъ, какъ и участіемъ въ составленіи программъ для церковно-приходскихъ школъ, Николай Ивановичъ оказалъ очень важную помощь церковно-приходскимъ школамъ.

Лѣто 1891 года Н. И. Ильминскій провелъ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, гдѣ вмѣстѣ съ студентами академіи, природными якутами, занимался исправленіемъ перевода Евангелія на якутскій языкъ.

Въ концѣ лѣта онъ простудился, заболѣлъ и осенью возвратился въ Казань уже больнымъ. Не смотря на болѣзнь, онъ усиленно занимался какъ дѣлами по семинаріи, такъ и переводомъ священныхъ книгъ на инородческіе языки. Онъ даже съ особеннымъ усердіемъ работалъ, какъ бы боясь не выполнить всего того, что онъ считалъ необходимымъ выполнить. Къ декабрю болѣзнь настолько ослабила его, что онъ не могъ уже сидѣть; но все-таки лежа занимался корректурой перевода псалтири на татарскій языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ готовиться къ смерти; онъ сдѣлалъ даже распоряженіе о своихъ похоронахъ, при чемъ, завѣщалъ, чтобы его хоронили безъ всякихъ почестей. «Прошу устроить дѣло моего погребенія просто, по православному, чтобы лишь самые близкіе, родные и инородцы, проводили меня и за меня грѣшнаго помолились... Орденовъ и шпаги отнюдь чтобы не было. Нагъ отъ всякихъ земныхъ отличій явиться я долженъ предъ Богомъ, да проститъ Онъ мои согрѣшенія». До самыхъ послѣднихъ дней своей жизни Николай Ивановичъ показывалъ удивительный примѣръ твердости духа и христіанскаго терпѣнія.

Съ 20 декабря Николай Ивановичъ уже не могъ принимать пищи и говорилъ съ большимъ трудомъ и то шопотомъ. 24-го онъ съ величайшимъ благоговѣніемъ слушалъ изъ кабинета всенощную, совершавшуюся въ церкви семинаріи. Въ первый день праздника Рождества Христова онъ съ такимъ же благоговѣніемъ прослушалъ обѣдню. Въ этотъ же день онъ простился со всѣми близкими ему, всѣхъ благословилъ, всѣмъ преподалъ наставленія, полныя любви. Онъ поручилъ передать воспитанникамъ семинаріи его пожеланіе преуспѣвать въ благоправіи и трудѣ. Вечеромъ, по просьбѣ больного, совершено было соборованіе. Николай Ивановичъ горячо молился во все время совершенія таинства. Ночью съ 25-го на 26-е онъ продиктовалъ свое завѣщаніе Переводческой комиссіи, о которой не забылъ при самыхъ послѣднихъ минутахъ своей жизни. Съ каждымъ часомъ онъ замѣтно ослабѣвалъ. Утромъ рано 27-го онъ попросилъ священника прочитать ему канонъ «на исходъ души». Послѣ полудня онъ продиктовалъ телеграммы нѣсколькимъ лицамъ, особенно близкимъ ему и уважаемымъ, прося отослать эти телеграммы тотчасъ послѣ его смерти. Затѣмъ онъ вторично просилъ передать воспитанникамъ его пожеланіе добра и его завѣщаніе имъ уклоняться отъ зла. Вечеромъ Николай Ивановичъ сподобился самой тихой, умиленной кончины.

Панихиды и заупокойныя обѣдни совершаемы были и на славянскомъ, и на инородческихъ языкахъ.

Память о Николаѣ Ивановичѣ Ильминскомъ не умретъ среди инородцевъ. Они помнятъ и будутъ помнить все то благо, которое онъ сдѣлалъ для ихъ христіанско-православнаго просвѣщенія. Николай Ивановичъ поистинѣ былъ просвѣтителемъ и великимъ учителемъ инородцевъ.

Система образованія инородцевъ, выработанная Н. И. Ильминскимъ, принята была во всей восточной Россіи и въ сущности практикуется до сихъ поръ. Сущность ея видна изъ организаціи занятій въ крещено-татарской школѣ. Ильминскій полагалъ, что сначала нужно развить учениковъ - инородцевъ, воспитать въ нихъ религіозно-нравственное чувство, для чего обученіе должно вестись на ихъ родномъ языкѣ, при чемъ обученіе Закону Божію должно стоять на первомъ мѣстѣ. Когда въ нѣкоторой мѣрѣ будетъ достигнута указанная цѣль и когда, такимъ образомъ, ученики будутъ подготовлены къ изученію русскаго языка, можно приступить къ обученію последнему, при томъ не теоретически, а практически. По мѣрѣ того, какъ ученики ознакамливаются съ русскою рѣчью, слѣдуетъ переходить къ обученію на этомъ языкѣ предметамъ, положеннымъ къ изученію въ школѣ.

Такая постановка обученія, по мысли Н. И. Ильминскаго, не оттолкнетъ инородческое населеніе отъ школы, и послѣдняя явится могучимъ средствомъ къ объединенію инородцевъ съ православною Русью.

IX.

Сергѣй Александровичъ Рачинскій.

С. А. Рачинскій большую часть своей жизни трудился для просвѣщенія простого народа—дѣтей и взрослыхъ. Онъ отказался отъ всѣхъ удобствъ жизни, чтобы послужить на пользу народа, и въ этомъ трудѣ нашелъ внутреннее удовлетвореніе и высшее благо.

Сергѣй Александровичъ родился 2-го мая 1833 года въ селѣ Татевѣ, Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Родители его, богатые и образованные помѣщики, первые заложили въ душѣ Сергѣя Александровича религіозное чувство, любовь къ правдѣ и стремленіе къ высшимъ интересамъ. Научное образованіе онъ получилъ отчасти дома, отчасти въ Юрьевѣ, и закончилъ его въ московскомъ университетѣ по естественно-историческому факультету. Онъ вполнѣ владѣлъ новыми и древними языками, зналъ пѣніе и музыку и умѣлъ рисовать. По окончаніи университетскаго курса (1853 г.), онъ нѣкоторое время служилъ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, но затѣмъ, вышедши въ отставку, отправился за-границу и сталъ готовиться къ занятію профессорской каѳедры. Въ 1859 году онъ защитилъ магистерскую диссертацію на тему «О движеніи высшихъ растеній» и занялъ въ московскомъ университетѣ каѳедру ботаники. Профессоромъ онъ оставался лѣтъ девять. Въ этотъ періодъ имъ составлено научное изслѣдованіе «О нѣкоторыхъ химическихъ превращеніяхъ растительныхъ тканей», за которое онъ удостоенъ былъ степени доктора ботаники. Кромѣ того, имъ составлено было еще нѣсколько ученыхъ и научно-популярныхъ сочиненій («Цвѣты и насѣкомыя», «Московская флора», «Краски растеній», «Исландская флора» и друг.). Въ 1868 году Сергѣй Александровичъ оставилъ профессорскую каѳедру, поселился въ своемъ родовомъ имѣніи Татевѣ и всецѣло посвятилъ себя дѣлу народнаго учительства.

Въ Татевѣ была обыкновенная школа. Сергѣй Александровичъ иногда посѣщалъ ее, при чемъ всякій разъ поражали его скучныя и малопроизводительныя занятія по ариѳметикѣ. Желая узнать, насколько дѣти сообразительны и какъ работаетъ ихъ мысль, онъ собиралъ около себя по нѣскольку человѣкъ дѣтей и рѣшалъ съ ними ариѳметическія задачи. Затѣмъ онъ далъ нѣсколько уроковъ въ школѣ, и это опредѣлило дальнѣйшую его дѣятельность. Онъ ясно сознавалъ, что, посвятивши себя начальной школѣ, онъ принесетъ народу извѣстную пользу и найдетъ въ занятіяхъ съ крестьянскими дѣтьми внутреннее удовлетвореніе. И, отдавшись этому занятію, онъ до самой смерти трудился въ качествѣ учителя татевской школы и въ качествѣ руководителя нѣсколькихъ другихъ школъ, имъ же устроенныхъ.

Внимательно вдумавшись въ духовныя потребности русскаго народа, Сергѣй Александровичъ пришелъ къ убѣжденію, что народъ этотъ нуждается въ такомъ просвѣщеніи, которое поддерживало бы въ немъ любовь къ Богу, преданность къ православной церкви и помазаннику Божію—Царю и не отрывало бы его отъ крестьянскаго труда. Онъ убѣдился, что народъ нуждается въ такой школѣ, въ основѣ которой положено было бы религіозно-нравствен-

ное и національное начало. И, убѣдившись въ этомъ, онъ твердо пошелъ въ своей просвѣтительной дѣятельности по этому пути.

Выстроивъ на свои средства въ Татевѣ новую школу, Сергѣй Александровичъ и самъ поселился въ ней, чтобы быть поближе къ своимъ ученикамъ и имѣть на нихъ непосредственное вліяніе. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ (Д. Павловъ) жизнь и дѣятельность Сергѣя Александровича въ татевской школѣ: «Сергѣй Александровичъ былъ не только учителемъ своихъ учениковъ: будетъ мало назвать его ихъ отцомъ; этотъ рѣдкій по душевной чистотѣ и мягкости любвеобильнаго сердца человѣкъ былъ для своихъ питомцевъ скорѣе любящею матерью, жившею одпѣми съ ними радостями и горевавшею ихъ неудачами и печалями. Школа—была для него его домомъ, школьники—его семьей, для которой онъ работалъ не покладая своихъ рукъ. И какою радостью свѣтились его добрые глаза, когда изъ его «дѣтей» выходилъ прокъ, когда они, съ его помощью, выбивались па торную дорогу! Съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ Сергѣй Александровичъ за индивидуальными наклонностями и способностями своихъ учениковъ! Каждаго изъ нихъ онъ зналъ такъ, какъ въ наше время рѣдкій отецъ знаетъ своего единственнаго сына. И стоило только мальчику обнаружить хотя какой-нибудь талантъ, чтобы чуткій отецъ - учитель сейчасъ же пришелъ на помощь его развитію».

«Я какъ сейчасъ вижу»—продолжаетъ тотъ же авторъ,—«передъ собою татевскую школу. Просторная, свѣтлая, съ широкой террассой - крыльцомъ, она расположена какъ-разъ противъ церкви, отъ которой ее отдѣляетъ широкая улица. Надъ входомъ въ школу—икона благословляющаго Христа. Внизу школьнаго зданія—просторные классы и помѣщеніе для учениковъ, живущихъ при школѣ; наверху—двѣ крохотныя комнатки Сергѣя Александровича, заставленныя книжными шкафами, завѣшанныя картами и картинами. Ходъ въ нихъ чрезъ школу. Великолѣпная татевская усадьба, со всѣми удобствами просвѣщенной богатой жизни, всего въ какой-нибудь верстѣ и даже меньше отъ школы,—и Сергѣй Александровичъ, конечно, могъ бы жить здѣсь въ фамильномъ домѣ Рачинскихъ, пользуясь привычнымъ отъ рожденія комфортомъ; но онъ не пожелалъ жить отдѣльною, хотя бы и внѣ классовъ, жизнью отъ своего дѣтища - школы и предпочелъ ея двѣ убогія комнатки роскошнымъ покоямъ татевскаго дома. Мало того,—живя подъ одною кровлею со своими милыми школьниками, онъ раздѣлялъ съ ними и ихъ скромный столъ, довольствуясь тою простою пищей, которую приготовляла на всю школьную «артель» «баба-стряпуха»...

Воспитательное вліяніе С. А. Рачинскаго на учениковъ состояло въ отеческомъ, заботливомъ отношеніи его къ нимъ. Онъ руководилъ ихъ жизнью, ихъ поведеніемъ и внимательно слѣдилъ за ихъ настроеніемъ; онъ былъ для нихъ въ одно и то же время и учителемъ, и слугой, и воспитателемъ, и надзирателемъ. «Онъ обнималъ ихъ, какъ отецъ, онъ цѣловалъ ихъ, какъ родная мать. Его надзоръ былъ не высматриваніемъ и преслѣдованіемъ мелкихъ нарушеній установленнаго порядка, а выраженіемъ неустанной бдительности нѣжнаго родительскаго сердца, проникнутаго стремленіемъ возбудить и развить въ дѣтяхъ религіозно-нравственное чувство и сообщить всей школѣ характеръ трудовой и нравственной семьи». И подъ руководствомъ такого руководителя создалась въ Татевѣ такая школа, которая могла служить образцомъ для дру-

гихъ сельскихъ школъ. И, благодаря дѣятельности Сергѣя Александровича, возникла цѣлая сѣть такихъ же школъ въ благочинническомъ округѣ.

Педагогическія воззрѣнія Рачинскаго изложены въ книгѣ его «Сельская школа». Книга эта представляетъ собою сборникъ статей Сергѣя Александровича по различнымъ вопросамъ, касающимся начальной школы. Въ нее вошли (въ 5-мъ изданіи) статьи: «Замѣтки о сельскихъ школахъ», «Народное искусство и сельская школа», «Изъ записокъ сельскаго учителя», «Церковная школа», «Чтеніе псалтыри въ начальной школѣ», «Начальная школа и сельское хозяйство», «Школьное цвѣтоводство», «Возродившіяся школы грамоты», «Церкви и школы», «Запинаніе и церковно-славянское чтеніе», «Нѣчто о свободѣ чтенія и рѣчи», «Школьный походъ въ Нилову пустынь».

Въ книгѣ Рачинскаго разсматриваются вопросы болѣе обще-педагогическаго, чѣмъ спеціально-учебнаго характера. Въ ней находимъ цѣнныя мысли объ организаціи народной школы, о духѣ этой школы, объ ученикахъ ея и о томъ, кто съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ быть учителемъ въ начальной школѣ, какіе учебные предметы должны составлять курсъ ея и какое значеніе имѣетъ каждый изъ этихъ предметовъ и т. п.

Относительно сельскихъ школъ онъ говоритъ, что онѣ создались единственно «изъ потребности безграмотнаго населенія дать своимъ дѣтямъ извѣстное образованіе», и что направленіе и характеръ ихъ должны согласоваться съ потребностями народа.

Относительно учениковъ сельскихъ школъ онъ говоритъ, что „въ связи съ ихъ дѣловымъ направленіемъ находится ихъ отличное, бодрое и веселое, но скромное и ровное поведеніе въ школѣ. Имъ не до шалостей, не до ссоръ. Въ нихъ нѣтъ и слѣда того отвратительнаго сквернословія и скверномыслія, которыми заражены наши городскія учебныя заведенія“.... „Средній уровень способностей нашихъ крестьянскихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, вообще очень высокъ. Послѣднія, быть можетъ, еще превышаютъ первыхъ понятливостью и терпѣніемъ. Способности эти разнообразны, но преобладаютъ замѣтно способности математическія и художественныя“.... Еще до поступленія въ школу, крестьянскія дѣти,—говоритъ Рачинскій,—пріучаются къ труду: они несутъ извѣстныя обязанности по дому и хозяйству. На мальчика дома возлагаютъ обязанность нянчить маленькую сестренку или маленькаго брата, поручаютъ ему пасти скотъ и исполнять другія работы. Въ школу онъ идетъ съ охотой, ибо тутъ ждетъ его жизнь болѣе пріятная, чѣмъ дома. Кромѣ того, онъ имѣетъ темное, но благоговѣйное понятіе объ ученіи и ставитъ себѣ задачей сдѣлаться грамотнымъ, такъ что учителю остается только толково вести обученіе его. Съ товарищами каждый сельскій ученикъ легко сходится. Старшіе ученики принимаютъ новичковъ съ радушіемъ и ласкою и заботятся о нихъ; они помогаютъ имъ въ ихъ школьныхъ занятіяхъ, какъ раньше дома помогали своимъ братьямъ и сестрамъ. Во всякой школѣ есть нѣсколько учениковъ, которымъ учитель можетъ поручать занятіе съ младшими товарищами. И изъ такихъ помощниковъ - учениковъ вырабатываются хорошіе сельскіе учителя. Учителей сельскихъ школъ Рачинскій дѣлитъ на три разряда: къ первому относятся молодые люди, окончившіе курсъ въ духовной семинаріи. Они большею частью основательно знаютъ русскій и церковно-славянскій языки и Законъ

Божій; кромѣ того, они знакомы съ богослуженіемъ и знаютъ пѣніе. При этихъ условіяхъ они могутъ считаться лучшими учителями сельскихъ школъ; но они не остаются долго учителями и весьма часто, не прослуживши учителемъ и трехъ лѣтъ, назначаются на священническія мѣста. Ко второму разряду относятся молодые люди, пріобрѣтающіе званіе сельскаго учителя посредствомъ экзамена въ прогимназіи или городскомъ училищѣ; они не обладаютъ даже и среднимъ образованіемъ и лишены всякой педагогической подготовки и при веденіи обученія слѣдуютъ тѣмъ пріемамъ, которые употреблялись ихъ прежними учителями. Они выбрали себѣ учительскую дѣятельность или по неимѣнію другой, или же по склонности къ этой дѣятельности. Эти учителя особенно нуждаются въ дидактическихъ указаніяхъ и въ освѣщеніи ихъ учительской дѣятельности. Третій разрядъ составляютъ учителя, окончившіе курсъ въ учительской семинаріи, куда обыкновенно поступаютъ молодые крестьяне изъ двухклассныхъ сельскихъ школъ, а также лица и изъ другихъ сословій. Причины, побуждающія ихъ поступать въ учительскія семинаріи,—различны, и въ рѣдкихъ случаяхъ сознательное желаніе посвятить себя учительскому труду въ сельской школѣ; сдѣлавшись учителями, многіе изъ нихъ, не довольствуясь своимъ положеніемъ, стремятся поступить или въ учительскій институтъ, дабы потомъ занять лучше оплачиваемое мѣсто учителя городского училища, или же перейти на другую дѣятельность. Впрочемъ, говоритъ Рачинскій, и среди этого разряда учителей встрѣчаются лица, довольныя своею сельскою обстановкою и избраннымъ ими трудомъ. Есть еще учителя, обучающіе сельскихъ дѣтей въ частныхъ домахъ. Ихъ нанимаютъ родители за небольшую плату, и они обучаютъ дѣтей начальной грамотѣ. Эти учителя, по мнѣнію Рачинскаго, приносятъ значительную пользу для распространенія грамотности въ народѣ. Существованіе такихъ учителей и такихъ школъ въ Россіи Рачинскій признавалъ очень желательнымъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что для своихъ школъ Рачинскій самъ подготовлялъ учителей въ своей татевской школѣ. Подмѣтивъ въ комъ-либо изъ своихъ старшихъ учениковъ „въ сильной степени педагогическую струнку", Сергѣй Александровичъ начиналъ понемногу поручать ему руководить младшими учениками. При успѣшномъ веденіи дѣла, такой мальчикъ, по окончаніи школьнаго курса, оставался еще на нѣсколько лѣтъ при школѣ. Онъ и самъ учился, и привыкалъ учить другихъ. При этомъ Сергѣй Александровичъ помогалъ ему въ его занятіяхъ. Такъ какъ въ зимніе мѣсяцы Сергѣю Александровичу не удавалось удѣлять нужное количество времени для занятій съ такими учениками, то онъ посвящалъ имъ свои лѣтніе мѣсяцы, при чемъ расширялъ знанія ихъ по общеобразовательнымъ предметамъ. Съ дидактическими и методическими пріемами ученики знакомились на практикѣ, наблюдая за учительскою дѣятельностью Рачинскаго. По достиженіи 17-ти лѣтъ такіе ученики сдавали экзаменъ въ испытательныхъ коммиссіяхъ и затѣмъ были опредѣляемы въ школы, сначала помощниками, а потомъ и старшими учителями. Такимъ образомъ Сергѣй Александровичъ подготовилъ нѣсколько десятковъ учителей для сельскихъ школъ, и учителя эти оказывались очень полезными для этихъ школъ. Они, понимая крестьянскихъ дѣтей, умѣло обращались съ ними и научали ихъ грамотѣ. Татевская школа служила

для такихъ учителей мѣстомъ, куда они во время зимнихъ или лѣтнихъ каникулъ собирались и гдѣ въ общей бесѣдѣ, подъ руководствомъ Сергѣя Александровича, дѣлились результатомъ своего педагогическаго опыта, что, конечно, поддерживало энергію ихъ и способствовало ихъ самоусовершенствованію.

Рачинскій смотрѣлъ на школу, какъ на мѣсто, гдѣ дѣти не только пріобрѣтаютъ нужныя имъ знанія, но и получаютъ надлежащее нравственно-религіозное воспитаніе. «Школа должна быть», говоритъ онъ, «не только школой ариѳметики и элементарной грамматики, но, первѣе всего,—школой христіанскаго ученія и добрыхъ нравовъ, школой христіанской жизни подъ руководствомъ пастырей Церкви... Наша школа—школа христіанская не только потому, что въ такомъ направленіи построенъ весь ея педагогическій планъ, но также и потому, что «учащіеся ищутъ въ ней Христа, что учащіе только Христа ради могутъ поднять тѣ труды, при коихъ возможенъ какой-нибудь успѣхъ»... «Развитіе внутренняго человѣка въ духѣ христіанства, православія»—вотъ, по мнѣнію Рачинскаго, существенная задача школы, и къ достиженію этой задачи должны быть направлены не только чисто-воспитательныя средства, но и обученіе учебнымъ предметамъ.

Въ начальной школѣ, по плану Рачинскаго, должны быть преподаваемы: Законъ Божій, славянскій языкъ, русскій языкъ, ариѳметика, чистописаніе, черченіе и пѣніе.

Законъ Божій, какъ предметъ всего болѣе питающій умъ и сердце ребенка и содѣйствующій его религіозно-нравственному развитію, долженъ занимать въ школѣ главное, центральное положеніе. Обученіе этому предмету, по требованію Сергѣя Александровича, должно быть поручаемо исключительно священнику. Рачинскій находилъ ненормальнымъ и даже вреднымъ, что нѣкоторые священники отклоняютъ отъ себя обученіе дѣтей Закону Божію или относятся къ такому обученію формально. Законоучитель-священникъ долженъ не только сообщать ученикамъ нужныя имъ знанія изъ Закона Божія, но и воспитывать ихъ въ духѣ православія. Зная своихъ учениковъ, священникъ имѣетъ возможность сказать каждому изъ нихъ то слово, въ которомъ нуждается его душа. И власть «вязать и рѣшить», которою онъ облеченъ, придаетъ его слову особенную силу. Въ нашихъ сельскихъ школахъ иногда бываютъ ученики лѣтъ 16—17; отличаясь любознательностью, они нерѣдко задаютъ законоучителю такіе вопросы, касающіеся и богослуженія, и догматики, которые можетъ разрѣшить только лицо, получившее извѣстное богословское образованіе, именно священникъ. Свѣтскій учитель при такихъ вопросахъ поставленъ будетъ втупикъ, что подорветъ авторитетъ его въ глазахъ учениковъ.

«Школа», говоритъ Рачинскій, «которая имѣетъ хорошаго законоучителя, не умретъ, какія бы ее ни постигли невзгоды, внѣшнія и внутренія; она пуститъ глубокіе корни и длинныя вѣтви».

Доказывая необходимость обученія Закону Божію священникомъ, Рачинскій не устраняетъ отъ этого дѣла и учителя. «Мы не католики»,—говоритъ онъ,—«чтобы духовныя дѣла всецѣло принадлежали духовенству; только та школа, гдѣ рядомъ со священникомъ стоитъ усердный учитель, можетъ принести истинные плоды». Само собою разумѣется, что для того, чтобы

обученіе Закону Божію въ полной мѣрѣ вліяло на душу дѣтей, вызывая въ нихъ глубокое религіозно-нравственное чувство, оно «должно носить характеръ простой, задушевной семейной бесѣды, а не сухихъ, какъ тяжелая повинность, уроковъ, состоящихъ въ задаваніи да выспрашиваніи».

Въ связи съ обученіемъ Закону Божію находится обученіе славянскому языку. Славянскую грамоту нужно знать крестьянамъ, чтобы читать Евангеліе, Псалтирь и другія священныя и богослужебныя книги. «Неисчерпаемыя богатства нашего богослужебнаго круга, — этого сокровища поэзіи, нравственнаго и догматическаго поученія, на-ряду съ Священнымъ Писаніемъ и житіями святыхъ, — даютъ», говоритъ Рачинскій, «постоянную пищу уму, воображенію, нравственной жаждѣ нашего грамотнаго крестьянина, поддерживаютъ въ немъ способность къ серьезному чтенію, которое одно полезно и желательно». Затѣмъ славянскую грамоту нужно знать, чтобы имѣть возможность принимать участіе при богослуженіи. — Книгой для упражненія учениковъ въ чтеніи по-славянски можетъ служить Евангеліе и Псалтирь. Эта послѣдняя книга наиболѣе проникла въ народъ и нравится ему. Научить учениковъ читать и понимать Псалтирь необходимо уже для того, чтобы удовлетворить насущной потребности прихода — читать при покойникѣ. Случится въ деревнѣ покойникъ — и родные шлютъ въ школу просить ученика читать при покойникѣ. И просьбѣ этой необходимо удовлетворить. «Школа, которая не можетъ удовлетворить этой просьбѣ, никуда не годится», говоритъ Рачинскій.

Славянскому языку ученики въ школахъ Рачинскаго начинали обучаться со второго года обученія, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ Рачинскій въ своихъ «Замѣткахъ». Въ нѣкоторыхъ школахъ ученики начинали изучать сначала славянскую, а потомъ уже переходили къ русской грамотѣ, — и противъ этого Рачинскій ничего не имѣлъ. Къ изученію славянскаго языка ученики приступали съ чтенія общеупотребительныхъ молитвъ и доходили до полнаго пониманія языка церковно-славянскаго Новаго Завѣта. Главнымъ средствомъ къ достиженію такого пониманія «служило неоднократное внимательное чтеніе въ классѣ всѣхъ четырехъ Евангелій, сперва съ помощью русскаго перевода, потомъ по одному церковно-славянскому тексту, съ терпѣливыми остановками на каждомъ оборотѣ, который можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію». Для упражненія въ славянскомъ чтеніи, кромѣ Евангелія, употреблялись еще Псалтирь и Часословъ. Поупражнявшись въ школѣ въ чтеніи Евангелія, Псалтири и Часослова, ученики школъ Рачинскаго затѣмъ читали въ церкви полунощницу, утреню, шестопсалміе, часы и проч., а съ возрастомъ и Апостолъ и другія, употребляющіяся при богослуженіи, книги (октоихъ, минеи и проч.), такъ что являлись прекрасными помощниками священно-церковнослужителямъ во время отправленія послѣдними церковныхъ службъ.

По русскому языку въ школахъ Рачинскаго ученики въ теченіе четырехъ лѣтъ научались, во-первыхъ, говорить правильно и возможно точно; во-вторыхъ, читать достаточно выразительно и съ пониманіемъ доступныя по содержанію прозу и стихотворенія пушкинскаго періода и, въ-третьихъ, научались правильно и толково письменно излагать все то, что бываетъ нужно написать въ крестьянскомъ быту: письмо, условіе и т. п. Лучшіе ученики

Сергѣя Александровича пріобрѣтали навыкъ писать даже литературною рѣчью. Толковое обученіе учениковъ грамматикѣ Рачинскій признавалъ полезнымъ.

Пріучая учениковъ къ сознательному чтенію, Рачинскій предупреждалъ своихъ помощниковъ-учителей отъ увлеченія такъ называемымъ вещественнымъ разборомъ, при чемъ по поводу какого-нибудь слова сообщалась ученикамъ масса реальныхъ знаній. «Обученіе чтенію и должно быть», по словамъ Сергѣя Александровича «не чѣмъ инымъ, какъ обученіемъ чтенію». На урокахъ русскаго языка въ татевской школѣ прочитывались лучшія произведенія русскихъ классиковъ, преимущественно Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Жуковскаго и др., въ цѣляхъ развитія мысли и чувства учениковъ и развитія ихъ языка, какъ орудія мысли.

При обученіи ариѳметикѣ Сергѣй Александровичъ съ самаго начала своей учительской дѣятельности, вмѣсто господствовавшаго тогда метода изученія чиселъ (метода Грубе), сталъ изучать съ своими учениками ариѳметическія дѣйствія и особенное вниманіе обратилъ на упражненіе учениковъ въ рѣшеніи задачъ и въ умственномъ счетѣ. Онъ сознавалъ, что крестьянамъ на каждомъ шагу ихъ практической дѣятельности приходится прибѣгать къ умственному счету, и при обученіи шелъ на встрѣчу этой ихъ потребности. Такъ какъ ученики еще до поступленія въ школу обыкновенно уже достаточно ознакомлялись съ первымъ десяткомъ, то Рачинскій не останавливался долго на изученіи этихъ чиселъ, а скоро переходилъ къ ариѳметическимъ дѣйствіямъ надъ числами послѣдующихъ десятковъ.

Производство вычисленій и ариѳметическихъ дѣйствій надъ числами, по словамъ Рачинскаго,—самое любимое занятіе въ его школѣ. «Когда въ школѣ проходили дѣленіе, то ученики»,—говоритъ Рачинскій, — неотлучно приставали ко мнѣ, прося задачъ: «Сергѣй Александровичъ, дѣленьице! Мнѣ на сотни! Мнѣ на милліоны! Мнѣ на тысячи!..» «И рѣшенія подавались съ такою быстротою, что я», — продолжаетъ Сергѣй Александровичъ, — «едва успѣвалъ писать задачи. Повѣрять же рѣшеніе задачъ не было никакой физической возможности»... «И не было конца радости учениковъ при быстромъ рѣшеніи ими примѣровъ или задачъ».

Та успѣшность, которую ученики въ школѣ Рачинскаго проявляли при изученіи ариѳметики, и та быстрота, съ которою они рѣшали даже сложныя задачи и которая приводила въ изумленіе посторонних посѣтителей школы, объяснялось Рачинскимъ лишь тѣмъ, что онъ упражнялъ ихъ въ рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ и въ ариѳметическихъ вычисленіяхъ.

Плодомъ практическихъ занятій Рачинскаго по обученію ариѳметикѣ въ школѣ явился составленный имъ ариѳметическій задачникъ подъ заглавіемъ: «1001 задача для умственнаго счета. Пособіе для учителей сельскихъ школъ». Рачинскій составлялъ задачи во время хода своихъ уроковъ и это придавало особенную оживленность послѣднимъ. Но онъ замѣтилъ, что учителя, посѣщавшіе его уроки, записывали составляемыя имъ задачи. Желая, съ одной стороны, освободить ихъ отъ такого труда, а съ другой,—чувствуя во время уроковъ упадокъ силъ, мѣшающій ему быстро составлять задачи, онъ сталъ составлять и записывать ихъ заблаговременно. Изъ такихъ записей и составилась «1001 задача».

Кромѣ ариѳметики, Рачинскій обучалъ учениковъ своей школы и элементарной геометріи, находя, что знаніе этого предмета необходимо въ крестьянскомъ быту и, кромѣ того, освѣщаетъ занятіе по нѣкоторымъ другимъ учебнымъ предметамъ.

Обученію пѣнію, особенно церковному, Рачинскій придавалъ большое значеніе. Это, по его словамъ,—такой предметъ, которому народъ особенно сочувствуетъ и по которому даже неграмотные крестьяне судятъ о дѣятельности школы. Гдѣ учитель обучаетъ пѣнію, тамъ скоро образуется церковный хоръ, который «своимъ пѣніемъ возвышаетъ красоту и торжественность церковной службы».

Въ школахъ Рачинскаго церковный хоръ состоялъ изъ учениковъ и ученицъ, и послѣднія, по свидѣтельству Сергѣя Александровича, «считали за особенную радость и гордость пѣть на клиросѣ». Въ хорѣ принимали участіе и взрослые, учившіеся ранѣе въ татевской школѣ.

Кромѣ названныхъ предметовъ, въ татевской школѣ ученикамъ, въ цѣляхъ, впрочемъ, болѣе нравственно-воспитательныхъ, чѣмъ образовательныхъ, сообщались разсказы изъ отечественной и всеобщей исторіи. Сообщались также краткія свѣдѣнія изъ географіи, при чемъ пособіемъ служили картины, атласы, чертежи и т. п.

Въ цѣляхъ вообще эстетическаго воспитанія, преподавались рисованіе, черченіе и музыка. Музыкой занимались съ дѣтьми самъ Сергѣй Александровичъ и его родные. Рисованіе и черченіе преподавалъ также самъ Сергѣй Александровичъ, который, при богатомъ музыкальномъ образованіи, хорошо владѣлъ и кистью.

Во время лѣтнихъ прогулокъ по живописнымъ лѣсистымъ окрестностямъ Татева, а также — во время работъ въ школьномъ саду-огородѣ и татевскихъ паркахъ, Сергѣй Александровичъ знакомилъ своихъ учениковъ съ естественной исторіей, преимущественно съ ботаникой.

Обученіе всѣмъ предметамъ велось въ школахъ Рачинскаго просто, естественно и наглядно. Учащіе прибѣгали то къ излагающей, то къ эвристической формѣ обученія, смотря по предмету обученія и развитію учениковъ. Хотя всѣмъ ходомъ обученія руководилъ самъ Сергѣй Александровичъ, однако онъ не стѣснялъ самодѣятельности учащихъ въ выборѣ ими методы и формы обученія.

Замѣтивъ въ комъ-нибудь изъ своихъ учениковъ особую способность и склонность къ той или другой дѣятельности, Сергѣй Александровичъ старался направить его на эту дѣятельность. Такъ, однихъ изъ своихъ учениковъ онъ подготовлялъ къ учительской дѣятельности, другимъ давалъ возможность поступить въ школу рисованія, третьихъ направлялъ въ духовную семинарію и даже академію и т. п. И внимательно онъ слѣдилъ за успѣхами и поведеніемъ такихъ учащихся, часто переписывался съ ними, давалъ имъ нужныя наставленія. Многіе изъ нихъ пріѣзжали во время лѣтнихъ или зимнихъ каникулъ въ Татево погостить у своего бывшаго учителя...

Замѣчено, что рѣдко кто изъ бывшихъ учениковъ татевской школы стремился вырваться изъ крестьянской среды, а большинство изъ нихъ возвращались въ ту же среду для честнаго труда на пользу крестьянъ.

Просвѣщая дѣтей въ школахъ, Сергѣй Александровичъ оказывалъ вліяніе

на просвѣщеніе и взрослыхъ—личными бесѣдами съ ними, организаціей чтеній для нихъ, а также посредствомъ учрежденія «Общества трезвости».

Каждое воскресенье и каждый праздникъ взрослые крестьяне собирались, въ промежутокъ между утреней и обѣдней, въ школу, и здѣсь самъ Сергѣй Александровичъ или одинъ изъ его помощниковъ-учителей читалъ имъ статьи изъ «Троицкихъ листковъ» или изъ другихъ назидательныхъ для нихъ книгъ. И такія чтенія привились во многихъ селахъ училищнаго округа, завѣдываемаго Рачинскимъ.

Видя, что пьянство является большимъ народнымъ бѣдствіемъ, Сергѣй Александровичъ вступилъ въ борьбу съ нимъ учрежденіемъ «Общества трезвости». Къ «Обществу» этому примкнули многія тысячи лицъ, живущихъ не только въ Бѣльскомъ уѣздѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Россійской Имперіи.

Говоря объ основанномъ Рачинскимъ «Обществѣ трезвости», нельзя не упомянуть о его «Письмахъ къ студентамъ казанской академіи», въ которыхъ онъ убѣждаетъ будущихъ служителей церкви быть для народа примѣромъ абсолютной трезвости.

Благотворное вліяніе Сергѣя Александровича какъ на простой народъ, такъ и на интеллигентныхъ лицъ, поближе узнавшихъ его, было громадно. И это вліяніе обусловливалось какъ его личными качествами, такъ и тою искреннею беззавѣтною любовью, съ которою онъ относился къ людямъ вообще и къ крестьянамъ и ихъ дѣтямъ въ особенности. Сергѣй Александровичъ пользовался глубокимъ уваженіемъ не только въ средѣ жителей Татевской волости Бѣльскаго уѣзда, но также и въ средѣ всѣхъ тѣхъ лицъ, разбросанныхъ по обширной Россійской Имперіи, сердцу которыхъ близки интересы народнаго образованія. Мало того, онъ обратилъ на себя вниманіе высшихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій и даже удостоился Высочайшаго благоволенія, выраженнаго въ слѣдующемъ рескриптѣ Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Александровича:

«Сергѣй Александровичъ!

Многолѣтняя ваша дѣятельность на пользу народную обращаетъ на себя особливое Мое вниманіе. Обширное образованіе ваше и опытность, пріобрѣтенную на государственной службѣ въ Московскомъ университетѣ, посвятили вы, съ раннихъ лѣтъ, дѣлу просвѣщенія посреди населенія, наиболѣе въ немъ нуждающагося. Поселясь безвыѣздно въ отдаленномъ родовомъ имѣніи, вы явили для всего благороднаго сословія живой примѣръ дѣятельности, соотвѣтствующей государственному и народному его призванію. Труды ваши по устройству школьнаго обученія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей, въ нераздѣльной связи съ церковью и приходомъ, послужили образованію уже нѣсколькихъ поколѣній въ духѣ истиннаго просвѣщенія, отвѣчающаго духовнымъ потребностямъ народа. Школы, вами основанныя и руководимыя,

состоя въ числѣ церковно-приходскихъ, стали питомникомъ въ томъ же духѣ воспитанныхъ дѣятелей, училищемъ труда, трезвости и добрыхъ нравовъ и живымъ образцомъ для всѣхъ подобныхъ учрежденій.

Близкая сердцу Моему забота о народномъ образованіи, коему вы достойно служите, побуждаетъ Меня изъявить вамъ искреннюю Мою признательность. Пребываю къ вамъ благосклонный».

Сергѣй Александровичъ Рачинскій спокойно скончался 2-го мая 1902 года, причемъ еще накапунѣ своей смерти онъ трудился для дорогихъ его сердцу учениковъ школы.

X.

Христина Даниловна Алчевская

и дѣятельность ея въ воскресной школѣ.

Христина Даниловна Алчевская пріобрѣла лестную извѣстность какъ организаціей и веденіемъ Харьковской женской воскресной школы, послужившей образцомъ для устройства другихъ воскресныхъ школъ въ Россійской Имперіи, такъ и педагогическими трудами, связанными съ дѣятельностью ея въ этой школѣ. Болѣе тридцати лѣтъ своей жизни Хр. Д. посвятила дѣлу просвѣщенія народа посредствомъ воскресной школы.

Воскресныя школы имѣютъ задачей давать начальное образованіе тѣмъ лицамъ, которыя не имѣли возможности получить его своевременно въ нормальной школѣ. Занятія въ воскресныхъ школахъ производятся по воскресеньямъ и праздникамъ, когда рабочій людъ, свободный отъ своихъ занятій, можетъ посѣщать эти школы.

Воскресныя школы бываютъ мужскія, женскія и смѣшанныя. Онѣ могутъ быть учреждаемы городскими и сельскими обществами, церковными попечительствами, монастырями, благотворительными обществами и частными лицами. Завѣдываніе воскресною школою возлагается на особаго распорядителя или завѣдывающаго, при чемъ, когда школа открывается обществомъ, распорядителя выбираетъ это общество, если же школа открывается однимъ лицомъ, то оно обыкновенно и состоитъ распорядителемъ, если на то имѣетъ право по закону. Требуется, чтобы распорядителями женскихъ школъ были женщины. Завѣдываніе воскресными школами (какъ мужскими, такъ и женскими) вѣдомства Православнаго Исповѣданія возлагается на священниковъ, по назначенію епархіальнаго училищнаго совѣта.

Обучать въ воскресныхъ школахъ могутъ лица, имѣющія право учить въ начальныхъ народныхъ училищахъ, законоучители же утверждаются епархіальнымъ начальствомъ. Предметами преподаванія въ воскресныхъ школахъ служатъ тѣ же, что и въ начальныхъ училищахъ.

Составъ учащихся въ воскресныхъ школахъ очень разнообразенъ; сюда приходятъ и дѣти, начиная съ 10 лѣтъ, и подростки, и люди, перешедшіе уже предѣлъ зрѣлаго возраста. Не меньшее разнообразіе замѣчается и въ знаніяхъ и развитіи учащихся: поступаютъ въ школу и совсѣмъ неграмотные, и знающіе печатныя буквы, но не умѣющіе ихъ писать, и грамотные, учившіеся въ начальныхъ школахъ, и, наконецъ, окончившіе ежедневныя школы и желающіе расширить свои знанія. Такое разнообразіе въ составѣ учащихся по возрасту и развитію заставляетъ въ воскресныхъ школахъ дѣлить всѣхъ учащихся на группы, сообразно съ развитіемъ и возрастомъ ихъ. Дѣленіе

учащихся на группы, при чемъ съ каждой группой занимается особый учитель или особая учительница, вызываетъ необходимость имѣть въ школѣ большой составъ преподающихъ. Очень полезно, если каждая группа занимается съ однимъ и тѣмъ же учителемъ болѣе или менѣе продолжительное время. При этомъ условіи учитель можетъ вполнѣ ознакомиться со своими учениками, со степенью ихъ знанія и развитія и сообразно этому вести обученіе, и учащіеся привыкаютъ къ требованіямъ и пріемамъ своего учителя.

Срокъ посѣщенія школы неопредѣленъ; каждый посѣщаетъ школу столько времени, сколько позволяютъ ему условія жизни. Одни изъ учащихся въ школѣ, научившись читать и писать, прекращаютъ посѣщеніе школы, другіе же учащіеся посѣщаютъ ее и послѣ того, какъ прошли въ ней весь курсъ начальной школы.

Платы за правоученіе въ воскресныхъ школахъ обыкновенно не полагается; ученики пользуются даровымъ обученіемъ. Преподающіе въ воскресныхъ школахъ не получаютъ жалованья, а трудятся безмездно. Помѣщеніемъ для воскресныхъ школъ служатъ большею частью зданія ежедневныхъ школъ; нѣкоторыя воскресныя школы имѣютъ свое собственное помѣщеніе. Расходъ на содержаніе воскресной школы не великъ: приходится расходоваться только на покупку письменныхъ принадлежностей, учебныхъ пособій и на библіотеку. Средства для покрытія этихъ расходовъ получаются или изъ частныхъ пожертвованій, или изъ пожертвованій учредителей школы, или при помощи концертовъ, лекцій, спектаклей, устраиваемыхъ въ пользу школы.

Для объединенія дѣятельности всѣхъ лицъ, обучающихъ въ школѣ, служатъ педагогическія собранія (совѣты), состоящія, подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго школой, изъ обучающихъ въ ней лицъ. Въ этихъ собраніяхъ рѣшаются вопросы, касающіеся какъ хозяйственной части школы, такъ и веденія обученія въ ней.

Воскресныя школы возникли въ Россіи одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Одною изъ первыхъ школъ является школа, открытая въ Кіевѣ студентами университета и Павловымъ, при покровительствѣ попечителя Учебнаго Округа Н. И. Пирогова, который хорошо ознакомился съ организаціей этихъ школъ за-границей. Почти одновременно съ Кіевской школой была открыта и частная воскресная школа Алчевской въ Харьковѣ. Затѣмъ открытіе воскресныхъ школъ пошло быстро. Но въ 1862 г., вслѣдствіе злоупотребленія преподающихъ въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ, вышло распоряженіе правительства о закрытіи воскресныхъ школъ. Школы были закрыты и только случайно уцѣлѣла частная школа Христины Даниловны Алчевской.

Христина Даниловна Алчевская занималась обученіемъ сначала у себя на дому, частнымъ образомъ. Ея домашняя школа просуществовала восемь лѣтъ и была мало кому извѣстна. Сама Христина Даниловна тогда не имѣла еще свидѣтельства на званіе учительницы и, по существовавшему тогда закону, не имѣла права обучать въ школѣ. Это служило причиной, что ей не рѣдко приходилось временно закрывать свою школу. Но число ученицъ въ школѣ постепенно увеличивалось. Христина Даниловна начала подумывать объ организаціи правильной воскресной школы. Начались хлопоты для полученія разрѣшенія на открытіе ея. Разрѣшеніе дано и воскресная школа открыта въ 1870 г., причемъ сама Христина Даниловна, выдержавши установленный

экзаменъ и тѣмъ пріобрѣтши свидѣтельство на званіе учительницы, взяла на себя роль учительницы, предоставивъ званіе распорядительницы школы Е. И. Цвѣтковой.

Въ первые годы существованія Харьковской школы распорядительницамъ и учительницамъ ея предстояло много труда по организаціи школы. Нужно было выработать всѣ подробности какъ преподаванія, такъ и всей постановки дѣла. Но благодаря энергичной дѣятельности какъ самой Христины Даниловны, такъ и ея сотрудницъ, всѣ затрудненія были преодолѣны, и съ первыхъ же лѣтъ своего существованія школа поражала всѣхъ, интересующихся народнымъ образованіемъ, дѣлаемыми ею успѣхами. Школа скоро сдѣлалась очень многолюдной, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло сочувствіе къ ней интеллигентнаго общества. Многія лица охотно стремились принять какое-нибудь участіе въ дѣятельности школы.

Спачала воскресная школа Алчевской помѣщалась въ одномъ изъ училищъ Харькова, но затѣмъ, съ увеличеніемъ матеріальныхъ средствъ Христины Даниловны, послѣдняя нашла возможнымъ устроить для школы особое помѣщеніе и въ настоящее время Харьковская воскресная женская школа обладаетъ не только своимъ собственнымъ домомъ, но и надлежащей школьной мебелью, а равно хорошо устроеннымъ педагогическимъ музеемъ и довольно полной библіотекой.

Дружно работая въ Харьковской воскресной школѣ, члены ея, кромѣ обученія ученицъ, составили солидные литературно-педагогическіе труды. Изъ такихъ трудовъ замѣчательны: «Что читать народу», въ двухъ книгахъ, и «Книга взрослыхъ», въ трехъ выпускахъ.

Составленіе книгъ: «Что читать народу» произошло такимъ образомъ: для пополненія школьной библіотеки учащіе обязаны были знакомиться съ книгами для чтенія народу и давать отзывъ объ этихъ книгахъ. Многія книги были выдаваемы учащимся и затѣмъ, послѣ прочтенія ихъ, выслушиваемы были отзывы ихъ о прочтенныхъ ими книгахъ. Нѣкоторыя изъ книгъ были читаемы ученицамъ, при чемъ наблюдалось, какое впечатлѣніе на нихъ производитъ та или другая книга. Отзывы, составленные такимъ опытнымъ путемъ, были прочитываемы въ собраніи учащихъ въ школѣ; затѣмъ эти отзывы приведены были въ систему и, такимъ образомъ, получилась весьма цѣнная книга «Что читать народу», оказавшая значительное вліяніе на дѣло устройства въ Россіи библіотекъ для начальныхъ школъ.

«Книга взрослыхъ» составлена учительницами Харьковской школы вслѣдствіе того, что имѣвшіяся книги для класснаго чтенія, составленныя для дѣтей, не могли удовлетворять по своему содержанію взрослыхъ лицъ, обучающихся въ воскресной школѣ.

«Книга взрослыхъ» является сборникомъ статей для чтенія взрослыхъ грамотныхъ. Она содержитъ въ себѣ такое обиліе матеріала, какое не можетъ быть прочитано собственно въ классѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, такъ что остается много статей для домашняго чтенія. Кромѣ того, книга вполнѣ пригодна для чтенія вообще внѣ школы, и въ этомъ отношеніи она представляетъ выдающійся вкладъ въ нашу литературу. Пополняя знанія читателей, книга эта своимъ содержаніемъ и характеромъ оказываетъ на нихъ благотворное воспитательное вліяніе.

Въ составленіи труда «Книга взрослыхъ» принимали участіе, подъ руководствомъ Христины Даниловны, не только учительницы Харьковской воскресной школы, но также и нѣкоторые профессора и другія лица изъ интеллигентнаго общества. Каждая статья, составленная для «Книги взрослыхъ», была внимательно просмотрѣна или въ соотвѣтственной коммиссіи, или даже въ собраніи всѣхъ членовъ, принимавшихъ участіе въ составленіи книги.

Кромѣ упомянутыхъ крупныхъ трудовъ, членами Харьковской школы составлены, подъ руководствомъ Христины Даниловны, нѣсколько болѣе мелкихъ работъ, оказавшихъ немаловажную услугу дѣлу организаціи воскресныхъ школъ въ Россіи. Изъ такихъ работъ заслуживаютъ особаго вниманія: «Программы преподаванія въ воскресныхъ школахъ», «Каталогъ книгъ, одобренныхъ книгою «Что читать народу», «Каталогъ музея наглядныхъ пособій Харьковской женской воскресной школы».

Съ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія начали открываться воскресныя школы во многихъ мѣстахъ Россійской Имперіи, и школа Х. Д. Алчевской, какъ выше сказано уже, послужила образцомъ для нихъ. Къ Христинѣ Даниловнѣ обращались за указаніями относительно организаціи воскресныхъ школъ, и она охотно отвѣчала на всѣ вопросы, а равно и высылала какъ планы и и программы Харьковской воскресной школы, такъ и отчеты о дѣятельности ея. Съ другой стороны, отчеты иногороднихъ школъ большею частью высылались въ Харьковскую школу, откуда они, послѣ нѣкоторой переработки, были высылаемы для напечатанія въ особомъ отдѣлѣ «Русской школы». Такимъ образомъ русское общество имѣло возможность ознакамливаться съ состояніемъ воскресныхъ школъ не только въ Харьковѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Россійской Имперіи.

Христина Даниловна Алчевская за свои труды по просвѣщенію народа получила выраженіе признательности какъ учебнаго начальства, такъ и различныхъ обществъ. Многія общества, созданныя для работы на пользу народнаго просвѣщенія, выбрали ее своимъ почетнымъ членомъ. Петербургское и Московское экономическія Общества присудили ей золотыя медали. Высшія награды присуждены были ей экспертными комитетами международныхъ выставокъ. Кромѣ того, Христина Даниловна была избрана вицепрезидентомъ международной лиги народнаго образованія. Имя Христины Даниловны пользуется всеобщимъ уваженіемъ.

XI.

Левъ Николаевичъ Модзалевскій.

Левъ Николаевичъ Модзалевскій (1837—1896 г.) извѣстенъ своимъ трудомъ «Очерки исторіи воспитанія и обученія».

Уроженецъ Гдовскаго уѣзда Петербургской губ., Левъ Николаевичъ дѣтство провелъ среди сельской природы. Затѣмъ онъ отданъ былъ въ одну изъ петербургскихъ частныхъ школъ, откуда поступилъ въ 3-ью петербургскую гимназію, гдѣ съ особеннымъ успѣхомъ занимался русскою словесностью и древними языками. По окончаніи гимназическаго курса онъ поступилъ на филологическій факультетъ петербургскаго университета. Будучи студентомъ университета, онъ давалъ уроки въ частныхъ пансіонахъ и въ безплатной начальной школѣ. По окончаніи университетскаго курса онъ вступилъ во вновь устроенные при университетѣ педагогическіе курсы—съ цѣлью подготовиться къ учительской дѣятельности.

Состоя на курсахъ, онъ получилъ уроки словесности въ Смольномъ институтѣ, гдѣ инспекторомъ былъ К. Д. Ушинскій, и въ училищѣ правовѣдѣнія. Учительская его дѣятельность шла успѣшно. «Мнѣ удалось», говоритъ онъ въ своей автобіографіи, «уже видѣть нѣкоторые плоды моей педагогической дѣятельности: ученики и ученицы за мою любовь къ нимъ и доброжелательство отвѣчали мнѣ также любовью и весьма удовлетворительнымъ прилежаніемъ. Въ выраженіи ихъ дѣтской привязанности, въ ихъ успѣхахъ и замѣтномъ развитіи, я нашелъ источникъ того высокаго утѣшенія, того чистѣйшаго наслажденія, которыя доступны только педагогамъ и любящимъ, заботливымъ родителямъ. Когда я оставлялъ младшіе классы Смольнаго института — малютки плакали, и я, видя ихъ чистыя слезы, самъ не могъ сдержаться и, поскорѣе прервавъ тяжелую минуту разлуки, отдался давившему меня чувству. Незабвенныя минуты!... Въ Смольномъ же я встрѣтилъ въ инспекторѣ г. Ушинскомъ человѣка съ истиннымъ педагогическимъ призваніемъ, съ обширными познаніями и большою опытностью. Его вліяніе, котораго я самъ искалъ, обратило меня на истинный путь, заставило поближе познакомиться съ отечественной и отчасти съ иностранной педагогической литературой, а главное, заставило поглубже вдуматься въ воспитательныя начала, важность, высоту, святость которыхъ я только теперь увидѣлъ во всей ясности».

По окончаніи двухлѣтняго пребыванія на педагогическихъ курсахъ при университетѣ, Модзалевскій получилъ, въ числѣ другихъ молодыхъ ученыхъ, предложеніе отправиться за-границу для подготовки къ профессорской каѳедрѣ. Для наблюденія за занятіями ихъ за-границей былъ командированъ Н. Ив. Пироговъ. Л. Н. Модзалевскій слушалъ лекціи по философіи и педагогикѣ сначала въ Гейдельбергскомъ, а потомъ въ Іенскомъ университетѣ и работалъ въ семинаріи профессора Стоя.

Отчеты о своихъ занятіяхъ онъ посылалъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, которое и печатало ихъ въ своемъ журналѣ.

По возвращеніи изъ-за границы (1864 г.), Левъ Николаевичъ получилъ предложеніе организовать и вести педагогическія занятія въ Андреевскихъ педагогическихъ курсахъ для подготовленія начальныхъ учителей. Кромѣ этой дѣятельности, Модзалевскій получилъ предложеніе преподавать педагогику въ Смольномъ институтѣ и руководить практическими педагогическими занятіями воспитанницъ старшаго класса института. Въ 1865 году Левъ Николаевичъ получилъ предложеніе читать общую теорію воспитанія на педагогическихъ курсахъ, учрежденныхъ для подготовленія лицъ, окончившихъ высшее учебное заведеніе (университетъ, академію и т. п.), къ преподавательской дѣятельности въ военныхъ гимназіяхъ. Кромѣ того, ему предложено было занять мѣсто инспектора пріюта Принца Ольденбургскаго.

Не долго ему пришлось трудиться въ названныхъ заведеніяхъ. Въ 1867 году онъ приглашенъ былъ къ дѣятельности наставника-руководителя и преподавателя русскаго языка, словесности и исторіи при августѣйшихъ дѣтяхъ кавказскаго Намѣстника В. Кн. Михаила Николаевича. Эта дѣятельность требовала особенной внимательности и педагогическаго такта. Кромѣ этой дѣятельности, Левъ Николаевичъ исполнялъ на Кавказѣ и другія обязанности. Такъ, онъ послѣдовательно состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ учебнаго округа, директоромъ женской гимназіи, окружнымъ инспекторомъ. Мало того, онъ постоянно отдавалъ свой трудъ на служеніе общественнымъ и благотворительнымъ дѣламъ. Въ послѣдніе годы своей службы на Кавказѣ онъ состоялъ предсѣдателемъ Кавказскаго цензурнаго комитета.

Послѣ пятнадцатилѣтняго своего труда на Кавказѣ, Левъ Николаевичъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ.

Послѣ нѣкотораго отдыха онъ снова отдался педагогической дѣятельности въ Петербургѣ, сначала въ должности инспектора Маріинскаго института, а затѣмъ въ должности директора училища глухонѣмыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ предсѣдателемь С.-Петербургскаго общественнаго собранія педагоговъ, былъ организаторомъ и предсѣдателемъ отдѣла Коменскаго при педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній, былъ руководителемъ «Союза ревнителей русскаго слова».

Самымъ крупнымъ педагогическимъ трудомъ Л. Н. Модзалевскаго являются названные уже выше «Очерки исторіи воспитанія и обученія, отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени», въ 3-хъ частяхъ. Выходя изъ мысли, что задача исторіи педагогики—«показать, какимъ образомъ понимаемы были въ различныя времени у различныхъ народовъ, съ ихъ главнѣйшими представителями, теоретическія идеи воспитанія, и насколько опи были осуществляемы практически», Л. Н. Модзалевскій знакомитъ читателей съ постепеннымъ развитіемъ педагогическихъ идей и съ трудами различныхъ педагогическихъ дѣятелей. При составленіи своего труда онъ пользовался лучшими изъ пособій въ германской педагогической литературѣ (Раумера, Шмидта и друг.). «Очерки исторіи воспитанія» изложены живо, хорошимъ языкомъ и являются лучшимъ пособіемъ для ознакомленія съ исторіей педагогики.

Затѣмъ въ свое время имѣла нѣкоторый успѣхъ книга: «Бытъ германскихъ студентовъ», помѣщенная сначала, въ видѣ писемъ, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и потомъ уже изданная отдѣльной книжкой съ иллюстраціями.

Въ связи съ дѣятельностью председателя отдѣла Амоса Коменскаго, Модзалевскимъ переведено нѣсколько главъ изъ сочиненій Амоса Коменскаго («О культурѣ природныхъ дарованій», «Школа-театръ» и друг.).

Слѣдуетъ упомянуть также о редактированіи Модзалевскимъ совмѣстно съ К. К. Сентъ-Илеромъ сокращеннаго изданія сочиненія Ушинскаго: «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія».

Кромѣ названныхъ трудовъ, Л. Н. Модзалевскимъ составлено значительное число небольшихъ педагогическихъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ («Съѣздъ швейцарскихъ учителей въ Бернѣ», «Баденскія учебныя заведенія», «Преподаваніе отечественнаго языка въ германскихъ школахъ», «Жизнь и характеръ Коменскаго» и мног. друг.).

XII.

Сергѣй Иринеевичъ Миропольскій.

Сергѣй Иринеевичъ Миропольскій высшее образованіе получилъ въ духовной академіи. Служилъ онъ преимущественно по управленію духовными учебными заведеніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ теченіе почти сорока лѣтъ занимался литературно-педагогическимъ трудомъ. Онъ помѣщалъ свои сочиненія то въ различныхъ педагогическихъ журналахъ («Семьѣ и Школѣ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Церковно-приходской школѣ» и др.), то издавалъ ихъ отдѣльными книгами. Въ основаніе своихъ педагогическихъ воззрѣній онъ положилъ идеи, высказанныя Амосомъ Коменскимъ, «Великую дидактику» котораго онъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія перевелъ на русскій языкъ.

Изъ педагогическихъ трудовъ Сергѣя Иринеевича болѣе замѣчательны: 1) «Общая дидактика», въ которой онъ говоритъ объ ученикѣ, о веденіи обученія и о личности учителя, какъ составныхъ элементахъ школы; 2) «Частная дидактика», въ которой онъ излагаетъ методическія указанія относительно веденія обученія предметамъ начальной школы; 3) «Учитель народной школы», въ которой онъ излагаетъ о значеніи личности учителя и качествахъ, которыми ему слѣдуетъ обладать; 4) «Обученіе грамотѣ»; въ этой книгѣ подробно излагается методъ обученія грамотѣ по звуковому способу и разсматриваются вопросы, касающіеся этого обученія; 5) «Обученіе письму» представляетъ собою полное методическое руководство по обученію письму; 6) «Планъ и основы устройства школы по идеямъ Амоса Коменскаго»; въ этомъ сочиненіи авторъ, придерживаясь взглядовъ А. Коменскаго, излагаетъ задачи начальной школы и выполненіе этихъ задачъ учителемъ; 7) «Дидактическіе очерки». Для учащихся Миропольскимъ составлена «Азбука», приноровленная преимущественно для обученія солдатъ; она издана была педагогическимъ музеемъ военнаго вѣдомства. Для обученія пѣнію имъ составлены и изданы руководства по обученію пѣнію. Въ 1895 году Миропольскимъ составленъ и изданъ «Историческій очеркъ церковно-приходской школы въ Россіи». При составленіи Петербургскимъ Комитетомъ грамотности «Систематическаго Обзора народно-учебной литературы» Сергѣй Иринеевичъ принялъ на себя трудъ изготовленія трехъ отдѣловъ его: по педагогикѣ, начальному обученію отечественному языку и по пѣнію. За свои педагогическіе труды по народному образованію Сергѣй Иринеевичъ Комитетомъ грамотности награжденъ былъ золотою медалью.

Миропольскій, подобно Рачинскому, отдавалъ преимущество церковно-приходскимъ школамъ передъ начальными школами, состоящими въ другихъ вѣдомствахъ. Но педагогическими сочиненіями его съ одинаковымъ успѣхомъ могутъ пользоваться учителя различныхъ вѣдомствъ, хотя нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій и предназначались преимущественно для учителей церковныхъ школъ.

Приведемъ нѣкоторыя изъ педагогическихъ идей, выраженныхъ въ педагогическихъ трудахъ Миропольскаго.

Воспитаніе лучшихъ общечеловѣческихъ качествъ, говоритъ Миропольскій,— есть одна изъ величайшихъ задачъ лицъ, на попеченіи которыхъ находятся дѣти, такъ какъ этими качествами обусловливается внутреннее достоинство человѣка и возможность его будущаго счастья. Религіозное воспитаніе должно быть положено въ основу всего воспитанія. Первымъ воспитательнымъ институтомъ является семья; въ семьѣ зарождаются первыя впечатлѣнія, которыя нерѣдко остаются на всю жизнь.

Въ пору младенчества нужно дѣйствовать не наставленіями и поученіями, которыхъ дитя не въ состояніи еще и понять, а живымъ примѣромъ. Еще въ дѣтствѣ мать должна заложить въ ребенкѣ религіозныя начала; она обязана научить его молиться, обязана сблизить его съ православною церковью, которая есть истинная мать и мудрая воспитательница всѣхъ дѣтей своихъ. «Въ храмѣ Божіемъ воспитался и воспитывается православный народъ, здѣсь и укрѣпляется та живая и дѣятельная вѣра, которою онъ силенъ. Въ этой школѣ воспитываются дѣти и отцы».

Съ 7—8-лѣтняго возраста ребенокъ поступаетъ въ школу. Это время самое благопріятное для ученія. Объ этомъ Миропольскій приводитъ слѣдующія слова Амоса Коменскаго: «Отрочество похоже на весну. Весною всегда дѣлаютъ посѣвъ; въ весну жизни слѣдуетъ посѣвать сѣмена знанія и добра въ душѣ человѣка, чтобы въ теченіе жизни они созрѣли и принесли плодъ».

Школа, какъ храмъ, должна быть доступна для всѣхъ; одинаково должно учить какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ: знаніе есть общее право человѣка, ибо оно составляетъ неотъемлемую потребность человѣческой природы. Человѣкъ по природѣ своей стремится къ развитію, умъ его жаждетъ знанія, возвышается и облагораживается имъ. Но это право есть и долгъ, ибо нарушеніе его есть нарушеніе Божественной воли, всѣхъ людей призвавшей къ разуму и свободѣ, къ развитію и совершенству. Удовлетвореніе этому праву есть общая выгода людей. Пренебреженіе образованіемъ рождаетъ огрубѣлость и одичаніе массъ, ослабляетъ силу обществъ, подрываетъ авторитетъ правительствъ, ведетъ къ анархіи и гибели. Напротивъ, образованіе служитъ мощною связующею и укрѣпляющею силою всѣхъ сферъ общественной жизни, оно рождаетъ общее довѣріе, увеличиваетъ производительность страны, облагораживаетъ массы и возвышаетъ народное благосостояніе. Если же образованіе есть общее право, общій долгъ и общая выгода, то оно должно быть всеобщимъ.

Народная школа есть школа общеобразовательная, элементарная, гдѣ исчезаютъ и неумѣстны различія спеціальностей, общественнаго и соціальнаго положенія родителей. Она должна быть такъ организована, чтобы въ ней одинаково могли учиться дѣти всѣхъ сословій, всего народа, въ этомъ смыслѣ она есть школа народная.

Двѣ главныя задачи имѣетъ народная школа: она воспитываетъ и учитъ дѣтей, или, что то же, кратко, образуетъ ихъ.

Возрастъ, въ который дѣти поступаютъ въ школу—самый мягкій и нѣжный, и потому со стороны учителя требуется особый уходъ и заботливость, дабы воспитаніе велось цѣлесообразно.

Въ школу ребенокъ, особенно крестьянскій, поступаетъ съ извѣстнымъ запасомъ знаній. Крестьянскій мальчикъ уже успѣлъ столкнуться съ жизнью, узналъ много мрачныхъ сторонъ ея: онъ участвовалъ во многихъ работахъ, испыталъ не мало недѣтскаго горя, видѣлъ и смерть вблизи со всѣми ея ужасами и привыкъ смотрѣть на нее просто и трезво. Въ школу онъ приходитъ съ радостью, съ жаждой познанія, со способностью къ напряженному труду—и долгъ учителя не дать заглохнуть этимъ благимъ стремленіямъ, а съ умѣньемъ и терпѣніемъ поддержать и развить ихъ.

Дѣтскія натуры крайне разнообразны, и съ этимъ разнообразіемъ долженъ сообразоваться учитель въ своихъ воспитательныхъ мѣрахъ.

Долгъ учителя воспитать дѣтей въ послушаніи и любви къ православной церкви. Между школой и церковью должна быть живая связь. Посѣщеніе церковнаго богослуженія и выполненіе установленій православной церкви должны являться насущною потребностью дѣтей, однимъ изъ первыхъ ихъ добрыхъ навыковъ. Пусть дѣти «при первомъ ударѣ колокола, который такъ таинственно и увлекательно будитъ русскую душу, зоветъ ее въ церковь, и—отъ земли на небо»,—спѣшатъ въ храмъ, излить передъ Господомъ и свою дѣтскую радость, и свое дѣтское горе, найти успокоеніе, бодрость.

Разрушая въ ученикахъ все дурное, учитель долженъ поощрять хорошія качества души его,—однимъ изъ лучшихъ качествъ есть совѣстливость, нравственный стражъ и внутренній судья человѣка. Съ дѣтства нужно развивать нравственную чуткость души, чтобы совѣсть была чистою и властною.

Необходимо также воспитывать въ дѣтяхъ правдивость. Пусть дѣти всегда помнятъ, что всякая неправда — грѣхъ. Между правдою и неправдою, между истиной и ложью нѣтъ середины, нѣтъ примиренія. Кто полюбитъ одно, возненавидитъ другое. Къ правдивости нужно *пріучать* дѣтей, не допуская проявленія лжи ни въ чемъ.

Воспитаніе должно пріучить учениковъ къ умѣренности и къ воздержанности, къ побѣдѣ высшихъ потребностей надъ низшими, къ власти духа надъ чувственностью и эгоизмомъ. Умѣренность прежде всего должна проявляться въ устраненіи всего лишняго въ пищѣ, одеждѣ, развлеченіяхъ и т. п. Въ этомъ отношеніи лучше всего держаться золотой середины: «Ничего лишняго». Человѣкъ, не привыкшій себя обуздывать, дѣлается рабомъ своихъ желаній и прихотей.

Школа должна воспитать въ дѣтяхъ чувство долга и привычку къ исполненію его. Обыденная жизнь представляетъ много поводовъ и случаевъ къ развитію въ дѣтяхъ сознанія долга и къ выработкѣ въ нихъ привычки къ исполненію его. Само собою разумѣется, что сознаніе долга раскрывается лишь при свѣтѣ христіанскаго ученія о нравственномъ законѣ.

Школа должна воспитать въ ученикахъ доброжелательное отношеніе къ людямъ, для этого прежде всего она должна позаботиться о томъ, чтобы всѣ ученики составляли одну тѣсную, дружную семью, гдѣ, по прекрасному выраженію апостола, «страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены, славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены».

Хорошее товарищество образуетъ въ школѣ добрый духъ, общую нравственную настроенность, которыя переходятъ въ преданія школы и служатъ прекрасно цѣлямъ воспитанія. Вліяніе товарищества очень сильно, хотя дѣй-

ствуетъ незамѣтно, поэтому учитель обязанъ дать ему желательное направленіе, поддерживать его и устранять все то, что способно порвать дружескія отношенія.

Школа должна воспитывать въ своихъ ученикахъ христіанское смиреніе, скромность, какъ качество, противоположное высокомѣрію, самохвальству и т. п.

Наконецъ, школа должна пріучать учениковъ къ труду. Разумный трудъ— краеугольный камень нравственности.

Воспитаніе учащихся въ духѣ христіанства и будетъ способствовать воспитанію въ нихъ указанныхъ добрыхъ качествъ.

Воспитывая въ ученикахъ добрыя качества, учитель не ограничиваетъ свою дѣятельность только школой; онъ, какъ заботливый сѣятель, долженъ непрестанно блюсти свое поле, чтобы посѣянныя имъ добрыя сѣмена не заросли сорными травами, не заглохли, а принесли желанные результаты.

Самое обученіе въ школѣ непремѣнно должно быть воспитывающимъ. Школа должна быть, по выраженію А. Коменскаго, «мастерскою гуманности». Дѣти, выходя изъ школы, должны не только обладать знаніями, но и имѣть въ возможной мѣрѣ развитой разсудокъ, пробужденную любознательность, навыкъ и любовь къ труду и стремленіе къ нравственному и умственному усовершенствованію. Очень важно въ воспитательномъ отношеніи сближать обученіе съ жизнью, объясняя, какъ все понятое учениками и усвоенное обращать въ дѣло, какую можно изъ него извлечь пользу.

Учить въ начальной школѣ должно: 1) скоро, 2) легко, 3) основательно и 4) съ вѣрнымъ успѣхомъ. Скорость въ обученіи вообще желательна, а въ народной школѣ—особенно. Времени для обученія въ ней весьма мало, и имъ нужно дорожить, и чѣмъ искуснѣе учитель, тѣмъ онъ старательнѣе изыскиваетъ для обученія болѣе прямой, а слѣдовательно и краткій путь къ цѣли, тѣмъ скорѣе дѣти у него выучиваются. Но скорость обученія должна быть «разумна и естественна», причемъ не нарушается естественный ходъ развитія дѣтской природы.

Легкость обученія зависитъ: а) отъ школы, б) отъ учителя, в) отъ способа преподаванія.

Прежде чѣмъ дѣти приступятъ къ систематическому обученію, слѣдуетъ «подготовить» ихъ къ такому обученію. Ученикъ поступаетъ въ школу изъ дому, слѣдовательно и нужно «сблизить» домъ и школу, дабы переходъ отъ перваго во вторую для ребенка былъ незамѣтенъ. Средствомъ постепеннаго приготовленія дитяти къ обученію можетъ служить «наглядное обученіе», ибо оно представляетъ собою естественный переходъ отъ домашняго быта ребенка къ школьному. Наглядное обученіе служитъ прекраснымъ подготовительнымъ средствомъ и къ дальнѣйшимъ школьнымъ занятіямъ: оно содѣйствуетъ развитію воспріимчивости ребенка, способности различать предметы, признаки, описывать предметъ и удерживатъ въ памяти цѣлый его образъ, со всѣми его частями и свойствами: содѣйствуя развитію въ ребенкѣ дара слова, оно въ то же время сообщаетъ ему тѣ простыя, элементарныя свѣдѣнія, которыя лягутъ въ основу послѣдующаго пріобрѣтенія знаній и всего умственнаго развитія дитяти.

Начальное обученіе должно быть нагляднымъ: дѣтямъ нужно давать сперва вещи, а не слова, предметы, а не понятія. Учитель всегда долженъ имѣть подъ руками вещи, о которыхъ идетъ рѣчь.

Основательность обученія составляетъ необходимое условіе всякой школы.

Все изученное необходимо закрѣплять возможно частыми упражненіями. «Повтореніе есть мать ученія». Посредствомъ упражненій и повтореній предметы обученія прочно усваиваются учениками. Къ тому же разнообразныя упражненія служатъ для ученія прекраснымъ средствомъ провѣрять познанія учащихся.

Если учитель научился вести свое дѣло: скоро, легко, основательно, то трудъ его стоитъ на «прямомъ пути», и долженъ увѣнчаться успѣхомъ.

«Любознательность по природѣ свойственна человѣку», а потому главная задача учителя—«охранительная»—не мѣшать развитію и проявленію интеллектуальныхъ инстинктовъ дитяти, и «направительная»—давать пробудившейся потребности матеріалъ, который способствовалъ-бы ея правильному питанію, наводить дѣятельную силу на прямую дорогу.

Одна изъ задачъ вѣрнаго метода обученія заключается въ облегченіи труда учащихся. Облегченіе это заключается въ простотѣ и естественности метода. «Не тотъ методъ наилучшій, который передаетъ дитяти готовыя познанія, но тотъ, который научаетъ его самимъ собою доходить до нихъ, который, помогая ему въ ученіи, заставляетъ ученика самого все пытать, изучать, изслѣдовать». Истинный методъ всецѣло опирается на возбужденіе самодѣятельности ученика и, дѣйствуя на его умъ, создаетъ въ немъ возможность итти сознательно къ цѣли.

Школьную дисциплину, въ истинномъ значеніи этого слова, вовсе нельзя понимать въ смыслѣ одного чисто внѣшняго порядка, хотя послѣдній ею и предполагается; дисциплина—это живая система нравственнаго вліянія школы и учителя на учащихся. Цѣль дисциплины—образованіе нравственной личности дитяти; содержаніе ея—весь нравственный міръ воспитываемой личности; форма ея — предупредительныя и направляющія мѣры, убѣжденія и взысканія, въ духѣ разумной любви, кротости и благороднаго уваженія къ дѣтской личности.

Самое существенное вліяніе на успѣшность образованія и воспитанія учениковъ школы оказываетъ учитель. Учитель въ школѣ—все. И. Миропольскій въ своей книгѣ «Учитель народной школы» излагаетъ тѣ качества, которыми необходимо обладать начальному учителю, для того, чтобы онъ оказывалъ благотворное вліяніе на учениковъ. Онъ излагаетъ также и о необходимости учителю духовно совершенствоваться, указываетъ и средства остальному усовершенствованію.

XIII.

Кириллъ Петровичъ Яновскій.

К. П. Яновскій принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ педагоговъ и администраторовъ.

Родился онъ въ 1822 году въ заштатномъ городѣ Березномъ, Черниговской губерніи, гдѣ отецъ его имѣлъ небольшое имѣніе. Научившись еще въ раннемъ возрастѣ, подъ руководствомъ сестры, читать и писать, К. П. Яновскій уже семи лѣтъ былъ опредѣленъ въ приготовительный классъ Черниговскаго уѣзднаго училища; по окончаніи этого училища, онъ поступилъ въ четвертый классъ Черниговской гимназіи. Окончивъ курсъ гимназіи однимъ изъ лучшихъ учениковъ, Кир. Петр. поступилъ въ Кіевскій университетъ на физико-математическій факультетъ и окончилъ курсъ его въ 1843 году первымъ кандидатомъ.

Будучи въ университетѣ, Кир. Петр. частными уроками зарабатывалъ необходимыя средства къ жизни. На второмъ курсѣ матеріальныя средства его улучшились, такъ какъ онъ, благодаря содѣйствію директора первой Кіевской гимназіи, получилъ уроки ариѳметики и географіи въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ. Въ этомъ пансіонѣ Кириллъ Петровичъ преподавалъ до окончанія университетскаго курса, и эта дѣятельность, по словамъ самого Кирилла Петровича, имѣла значительное вліяніе на выработку педагогическихъ пріемовъ, которыми онъ и пользовался въ своей дальнѣйшей учительской дѣятельности.

По окончаніи университетскаго курса онъ назначенъ былъ преподавателемъ математики въ Ровенскую гимназію, въ которой онъ прослужилъ семь лѣтъ, пользуясь славой лучшаго преподавателя и полнымъ уваженіемъ сослуживцевъ. Изъ Ровно онъ переведенъ былъ въ Одессу, откуда вскорѣ назначенъ былъ учителемъ математики и физики Кишиневской гимназіи. Въ Кишиневѣ онъ прослужилъ двадцать лѣтъ, сначала въ качествѣ учителя, потомъ—инспектора и наконецъ—директора гимназіи. Будучи директоромъ гимназіи, Кир. Петр. завѣдывалъ всѣми учебными заведеніями области, причемъ обращалъ особенное вниманіе на народныя училища. Положеніе начальнаго народнаго образованія въ области тогда было печальное: школъ было мало, помѣщенія ихъ были плохія, въ учителяхъ былъ недостатокъ, а тѣ, которые преподавали въ школахъ, были малообразованы. За девять лѣтъ своего завѣдыванія учебными заведеніями края Кириллъ Петровичъ сдѣлалъ для народнаго образованія очень много. Число училищъ значительно увеличилось, много построено новыхъ зданій для школъ, улучшенъ составъ учащихъ и увеличено ихъ содержаніе, при школахъ заведены библіотеки и т. д.

Благодаря своей заботливости о народномъ образованіи въ области, а равно благодаря своей гуманности, справедливости, доступности и ровности своего характера, Кириллъ Петровичъ пользовался особымъ уваженіемъ въ кишиневскомъ обществѣ, такъ что, когда въ 1893 году исполнилось 50-лѣтіе педагогической дѣятельности Кирилла Петровича, кишиневцы почтили это

событіе учрежденіемъ стипендіи въ гимназіи и постановкой въ ней портрета Кирилла Петровича.

Въ 1871 году Кириллъ Петровичъ Яновскій былъ назначенъ помощникомъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа. Въ этой должности онъ пробылъ семь лѣтъ. Преподаватели какъ среднихъ, такъ и преимущественно низшихъ учебныхъ заведеній находили въ немъ постояннаго совѣтника и защитника. Посѣщая учебныя заведенія и встрѣчая неопытныхъ учителей, онъ часто самъ давалъ уроки и ободрялъ учителей.

Въ 1878 году К. П. Яновскій былъ назначенъ попечителемъ Кавказскаго учебнао округа. Августѣйшій Намѣстникъ Кавказа, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, покровительственно относился къ дѣятельности Яновскаго по народному образованію въ краѣ. И благодаря этому покровительству, Яновскому удалось сдѣлать очень многое для поднятія просвѣщенія въ краѣ. При немъ число учебныхъ заведеній значительно увеличено и существовавшія учебныя заведенія поставлены болѣе правильно. Преподаваніе во всѣхъ начальныхъ инородческихъ школахъ стало вестись на русскомъ языкѣ и школы эти подчинены вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія. Особенную заботу Яновскій прилагалъ къ улучшенію учительскаго персонала. Кромѣ учрежденія новыхъ учительскихъ семинарій, выпускающихъ подготовленныхъ учителей для начальныхъ училищъ, Кириллъ Петровичъ прилагалъ заботу объ устройствѣ педагогическихъ съѣздовъ начальныхъ учителей, объ организаціи въ различныхъ мѣстахъ образцовыхъ уроковъ, на которыхъ присутствовали учителя окрестныхъ школъ, и о командированіи нѣкоторыхъ учителей въ лучшія учительскія семинаріи Европейской Россіи. Все это имѣло задачей расширеніе педагогическаго образованія этихъ учителей. Для того, чтобы пріобрѣсти учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, по ходатайству попечителя, въ разныхъ университетахъ учреждены стипендіи на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ. Для выработки методовъ и плановъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Тифлисѣ, подъ предсѣдательствомъ К. П. Яновскаго и его помощниковъ, были образованы изъ лучшихъ учителей комиссіи по различнымъ предметамъ, преподаваемымъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Труды этихъ комиссій изданы и принесли значительную пользу правильной постановкѣ преподаванія учебныхъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ округѣ всѣ учащіе работали охотно, видя въ своемъ попечителѣ образецъ трудолюбія и благороднаго увлеченія педагогическимъ дѣломъ. Результаты дѣятельности Яновскаго получились блестящіе. Чрезъ 20 лѣтъ управленія имъ округомъ число средне-учебныхъ заведеній увеличилось вдвое, а число начальныхъ училищъ почти утроилось. Число учащихъ въ округѣ тоже почти утроилось. Но не только въ числѣ, но и во внутреннемъ устройствѣ учебныя заведенія значительно поднялись. Они стали пользоваться вниманіемъ общества, которое охотно посѣщало устраиваемыя въ нихъ литературно-музыкальные вечера, дѣтскіе праздники и педагогическія совѣщанія преподавателей и воспитателей съ родителями дѣтей.

Отношеніе К. П. Яновскаго къ своимъ подчиненнымъ, учителямъ и учительницамъ, было благожелательное. Каждый учитель смѣло обращался къ попечителю со своими нуждами и находилъ въ немъ участіе, совѣтъ и помощь.

Со многими учителями онъ велъ переписку, не какъ начальникъ съ подчиненными, а какъ товарищъ болѣе знающій и болѣе опытный въ педагогическомъ дѣлѣ съ менѣе знающими и менѣе опытными.

Придавая особое значеніе для Кавказа ремесленному и профессіональному образованію и особенно сельско-хозяйственнымъ знаніямъ, Кир. Петр. обратилъ серьезное вниманіе на учрежденіе и организацію профессіональныхъ заведеній. Кромѣ того, во многихъ низшихъ и среднихъ общеобразовательныхъ заведеніяхъ введено было обученіе такому или иному ремеслу.

Кириллъ Петровичъ съумѣлъ пріохотить многихъ учителей къ изслѣдованію Кавказа въ географическомъ, этнографическомъ, естественно-историческомъ и друг. отношеніяхъ. Была составлена подробная программа для такого изслѣдованія. Программа эта была разослана по учебнымъ заведеніямъ. На призывъ попечителя откликнулись многіе учащіе. Изъ трудовъ учащихъ составлено нѣсколько томовъ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа». За эти труды К. П. Яновскій былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи наукъ и многихъ ученыхъ обществъ, русскихъ и западно-европейскихъ.

Въ 1900 году К. П. Яновскій былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по преобразованію средней школы, а въ слѣдующемъ году онъ назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Въ 1902 году онъ умеръ восьмидесяти лѣтъ отъ роду, оставивъ въ своихъ многочисленныхъ ученикахъ и въ своихъ сослуживцахъ и подчиненныхъ воспоминаніе, какъ «о педагогѣ по призванію, знатокѣ избранной имъ для преподаванія спеціальности, съ рѣдкою любовью къ юношеству и вообще къ людямъ, съ выдающимся умомъ, твердыми убѣжденіями, съ благородной, чуткой душой, добрымъ, любящимъ, мягкимъ сердцемъ и глубокою христіанскою настроенностью».

Послѣ К. П. Яновскаго остался замѣчательный педагогическій трудъ: «Мысли о воспитаніи и обученіи», печатавшійся сначала въ журналѣ «Русская Школа», а затѣмъ изданный отдѣльной книгой. Въ этомъ трудѣ Кир. Петр. разсматриваетъ всѣ стороны учебно-воспитательнаго дѣла, при чемъ основываетъ свои педагогическія воззрѣнія на психологическихъ или историческихъ данныхъ. Въ немъ отразилась какъ глубокая и широкая эрудиція автора, такъ и многолѣтняя педагогическая опытность его. Содержаніе книги Кирилла Петровича очень многостороннее. Въ ней авторъ говоритъ и о вліяніи нашихъ школъ на физическое здоровье и развитіе характера учащихся, и объ учебномъ курсѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній (гимназій), при чемъ разсматриваетъ преподаваніе каждаго предмета въ отдѣльности, излагаетъ о способахъ и формахъ обученія, о домашнихъ и классныхъ занятіяхъ учениковъ, объ отношеніи обученія къ воспитанію и о связи между воспитаніемъ религіозно-нравственнымъ, умственнымъ и физическимъ, говоритъ о значеніи личности учителя, о мѣрахъ къ подготовленію учителей къ педагогической дѣятельности, объ условіяхъ сохраненія и развитія плодотворной дѣятельности учащихъ и т. п. Своею книгой К. П. Яновскій внесъ значительный вкладъ въ русскую педагогическую литературу.

XIV.

Павелъ Ефимовичъ Басистовъ.

Павелъ Ефимовичъ Басистовъ, современникъ Ушинскаго, Корфа, Вышнеградскаго и Водовозова, содѣйствовалъ вмѣстѣ съ ними болѣе разумной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла, сначала въ среднихъ, а потомъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Почти вся его жизнь и педагогическая дѣятельность протекла въ г. Москвѣ.

Павелъ Ефимовичъ родился въ 1823 году и происходилъ изъ мѣщанскаго сословія. Обучался онъ сначала во 2-ой Московской гимназіи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ (въ 1843 г.) со степенью кандидата филологическихъ наукъ.

Московскій университетъ оказалъ на Басистова такое-же благотворное вліяніе, какое онъ оказалъ и на Ушинскаго, съ которымъ Басистовъ обучался одновременно въ университетѣ. Лучшія идеи, посѣянныя въ студентахъ университета такими профессорами, какъ Грановскій, Рѣдкинъ и др., не могли не возбудить и въ Басистовѣ стремленія къ лучшей, благородной дѣятельности.

Педагогическую дѣятельность, въ качествѣ учителя и гувернера въ частныхъ домахъ, Басистовъ началъ еще будучи студентомъ.

По окончаніи курса въ университетѣ, онъ получилъ мѣсто учителя въ Тверской гимназіи, но менѣе чѣмъ чрезъ годъ переведенъ былъ на должность учителя словесности въ 1-ую Московскую гимназію. И съ этого времени до конца своей жизни онъ работалъ въ Москвѣ на поприщѣ педагогической дѣятельности. Съ 1844 по 1877 годъ онъ преподавалъ русскій языкъ въ различныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, именно въ названной гимназіи, въ институтахъ, кадетскомъ корпусѣ, театральномъ училищѣ и др.

Какъ учитель, Басистовъ обладалъ всѣми данными, чтобы глубоко и плодотворно вліять на учащихся: въ немъ счастливо соединялись обширная эрудиція съ свѣтлымъ нравственнымъ міросозерцаніемъ, педагогическій тактъ съ сердечностью гуманнаго человѣка. Онъ одинъ изъ первыхъ полагалъ въ основу изученія русскаго языка и словесности чтеніе и изученіе образцовыхъ словесныхъ произведеній. Посредствомъ чтенія и разбора такихъ произведеній, а равно письменнаго и устнаго изложенія онъ вырабатывалъ въ учащихся способность владѣть языкомъ и писать грамотно. Онъ обладалъ даромъ выразительнаго чтенія и обучалъ учащихся такому чтенію. «Онъ при чтеніи», говоритъ Стоюнинъ «своимъ мягкимъ голосомъ какъ бы рисовалъ картины и сцены; онъ, такъ сказать, вводилъ въ душу слушателя полный живой образъ, который не требовалъ никакихъ постороннихъ характеристикъ, никакихъ объясненій. И Павелъ Ефимовичъ не часто отрывался отъ чтенія для какихъ-нибудь поясненій или замѣчаній. Онъ какъ-будто боялся испортить непосредственное цѣльное впечатлѣніе отъ самаго образа, созданнаго

поэтомъ. Но если онъ дѣлалъ замѣчаніе, то оно было обдуманно, вѣско и еще болѣе освѣщало положеніе того или другого лица или идеальную его сторону».

Отъ письменныхъ работъ учащихся Павелъ Еф. требовалъ простоты, ясности и грамотности. Онъ настаивалъ, чтобы учащіеся излагали лишь то, что они продумали, пережили, перепспытали, и чтобы были въ своемъ изложеніи правдивы. Сообразно съ этимъ онъ подбиралъ и темы для письменныхъ работъ ихъ.

Наиболѣе продолжительное время, именно цѣлые двадцать лѣтъ (1858 г.—1877 г.), Басистовъ работалъ въ мѣщанскомъ училищѣ. Здѣсь онъ не только самъ преподавалъ русскій языкъ, но и завѣдывалъ преподаваніемъ этого предмета во всѣхъ классахъ. Кромѣ того, ему поручено было устройство всей учебной и воспитательной части училища. И въ нѣсколько лѣтъ онъ значительно улучшилъ дѣло обученія и воспитанія въ заведеніи, что и отразилось подъемомъ умственнаго и нравственнаго развитія учащихся.

Въ 1877 году Московская городская дума избрала Павла Ефимовича завѣдывающимъ московскими начальными училищами. Басистовъ оставилъ преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ и, принявши избраніе, до конца своей жизни энергично работалъ для городскихъ начальныхъ училищъ. Онъ заботился о внѣшнемъ устройствѣ училищъ, и о правильной постановкѣ въ нихъ курса, и о введеніи въ нихъ болѣе цѣлесообразныхъ способовъ обученія. Въ первый же годъ завѣдыванія школами, онъ составилъ, примѣнительно къ существующимъ узаконеніямъ, «Требованія отъ экзаменующихся при окончаніи курса въ начальныхъ училищахъ города Москвы». Эти «Требованія» до нѣкоторой степени приблизили городскія училища къ учебнымъ заведеніямъ 3-го разряда по отбыванію воинской повинности. Затѣмъ, выходя изъ той мысли, что, какъ онъ выражается въ одномъ изъ своихъ отчетовъ «правильная школа должна относительно объема и способовъ преподаванія непремѣнно сообразоваться съ тѣмъ составомъ учащихся, какой выпадаетъ на ея долю», онъ стремился усилить, съ одной стороны, воспитательно-развивающіе, а съ другой — практически-полезные элементы ученія. «Общія усилія преподавателей и преподавательницъ», говоритъ Басистовъ въ отчетѣ за 1881 годъ, «направлены были къ тому, чтобы сообщить дѣтямъ полезныя знанія и умѣнія». Правила языка и письма усваивались дѣтьми посредствомъ по возможности частыхъ письменныхъ и устныхъ упражненій, причемъ обращалось должное вниманіе на чистописаніе. Обученіе ариѳметикѣ велось преимущественно путемъ рѣшенія задачъ изъ житейскаго быта, причемъ дѣти практиковались и въ счисленіи на счетахъ».

Исполняя обязанности завѣдывающаго городскими школами, Басистовъ заботился не только о правильной постановкѣ въ нихъ обученія и воспитанія, но и объ увеличеніи числа ихъ и о гигіеническомъ ихъ устройствѣ. Въ своихъ отчетахъ онъ указывалъ на несоотвѣтствіе величины нѣкоторыхъ школьныхъ помѣщеній количеству учащихся въ нихъ дѣтей и предлагалъ мѣры къ устраненію этого недостатка. По его просьбѣ было сдѣлано распоряженіе объ измѣреніи вмѣстимости классныхъ комнатъ, для опредѣленія, насколько онѣ соотвѣтствуютъ числу помѣщающихся въ нихъ учениковъ.

Кромѣ того, Басистовъ старался выяснить, насколько школа вліяетъ на дальнѣйшее поведеніе и даже на дальнѣйшую судьбу ея учениковъ и въ одномъ изъ отчетовъ (1880 г.) онъ отмѣчаетъ, что, «подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ школы, многія дѣти, посѣщавшія вечерніе воскресные классы и занимавшіяся днемъ нищенствомъ, покидали свою несчастную профессію, поступали въ какое-нибудь мастерство, въ лавку или переходили на утренніе классы».

Къ учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ Басистовъ всегда относился съ теплымъ участіемъ. Онъ старался узнать матеріальное положеніе каждаго учителя и каждой учительницы и, насколько возможно было, ходатайствовалъ о матеріальной поддержкѣ болѣе нуждающихся. Нравственную же поддержку онъ оказывалъ самъ, своимъ теплымъ участіемъ, своимъ добрымъ словомъ. По заявленію самихъ учителей и учительницъ, онъ былъ для нихъ не столько начальникомъ, сколько лучшимъ другомъ, истиннымъ руководителемъ.

Кромѣ своей практической педагогической дѣятельности, Басистовъ, интересуясь педагогическими вопросами, принималъ участіе въ тогдашней педагогической литературѣ. Составляя отзывы о появляющихся литературныхъ произведеніяхъ и педагогическихъ сочиненіяхъ, онъ время отъ времени составлялъ и самъ статьи общаго педагогическаго характера. Къ такимъ статьямъ относится, напр., «Регламентаризмъ и рутина въ дѣлѣ воспитанія», помѣщенная въ журналѣ «Воспитаніе». Мало того, онъ составилъ нѣсколько учебниковъ и учебныхъ пособій по русскому языку и литературѣ. Въ 1848 году онъ издалъ «Систему синтаксиса», составленную главнымъ образомъ на основаніи сочиненій Беккера, стремившагося сдѣлать грамматику отраслью логики. Въ предисловіи къ «Системѣ синтаксиса» Басистовъ говоритъ, что дѣло грамматики не только указать грамматическія формы того или другого языка, но и объяснить ихъ; что *объясненіе этихъ формъ заключается въ выражаемыхъ ими логическихъ отношеніяхъ понятій и мыслей;* что эти логическія отношенія, при всемъ разнообразіи формъ въ различныхъ языкахъ одни и тѣ же для всѣхъ языковъ и что, слѣдовательно, грамматики отдѣльныхъ языковъ должны быть основаны *на одной и той же для всѣхъ ихъ логикѣ языка вообще*, какъ органа мысли,—только при этомъ основаніи различныя части грамматики могутъ соединиться въ стройную органическую систему».

Ошибка Беккера, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Басистова, заключалась въ томъ, что они отождествляли два различные предмета (логику и языкъ въ его формахъ и законахъ). И вслѣдствіе такой ошибки, русскій синтаксисъ въ изложеніи Басистова обратился въ голую логическую схему.

Грамматикѣ, какъ системѣ, Басистовъ отводитъ мѣсто въ старшихъ классахъ, гдѣ, по его мнѣнію, она должна проходиться въ томъ видѣ, въ какомъ этого требуетъ современное состояніе науки, т. е. по методѣ сравнительной и исторической; въ младшихъ же классахъ имѣютъ мѣсто лишь такъ называемыя грамматическія упражненія и упражненія въ толковомъ чтеніи и письменномъ изложеніи мыслей.

Свои методическія воззрѣнія на преподаваніе отечественнаго языка Пав. Еф. изложилъ въ книгѣ «Замѣтки о практическомъ преподаваніи русскаго

языка». «Преподаваніе отечественнаго языка до университетскаго курса», говоритъ онъ въ этой книгѣ,—«проходитъ три ступени».

1. Прежде всего должно достигнуть, чтобы ученикъ читалъ не только бѣгло, но и *толково* и писалъ безъ грубыхъ орѳографическихъ ошибокъ.

2. Потомъ, не упуская изъ виду прежнихъ цѣлей, слѣдуетъ обратить вниманіе на выработку *слога* и правильнаго *расположенія* въ письменныхъ ученическихъ работахъ, и пріучать учащихся къ *выразительному* чтенію и къ разбору построенія читаемыхъ статей.

3. Послѣ всего этого можно перейти, но не оставляя предшествовавшихъ занятій, къ *историческому* изученію образцовъ отечественной словесности.

Начальныя школы и первые два класса гимназій могутъ имѣть въ виду единственно первую цѣль.

Для второй ступени изученія отечественнаго языка полагается у насъ три среднихъ класса гимназій (III, IV и V). Наконецъ отъ высшихъ классовъ гимназій требуется, кромѣ всего предыдущаго, историческое изученіе образцовъ отечественной словесности.

Для занятій съ учениками на двухъ первыхъ ступеняхъ обученія отечественному языку составлены Басистовымъ двѣ части хрестоматіи: часть 1-ая—«Для чтенія и разсказа» и часть 2-ая—«Для разбора и письменныхъ упражненій».

Кромѣ означенныхъ трудовъ, Басистовымъ составлено нѣсколько пособій для преподаванія русской литературы. Къ такимъ пособіямъ относятся: изданіе Несторовой лѣтописи, снабженное примѣчаніями и словаремъ и «Очерки жизни и сочиненій В. А. Жуковскаго». Къ такимъ же пособіямъ слѣдуетъ отнести также переводъ съ греческаго яз. трагедіи Еврипида, «Ифигенія въ Тавридѣ» и др.

Пользуясь за свои практическіе и теоретическіе труды и за свой общительный и высоконравственный характеръ заслуженнымъ уваженіемъ въ московскомъ педагогическомъ мірѣ, Басистовъ былъ избранъ (въ 1875 г.) предсѣдателемъ Учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній.

Въ теченіе семи лѣтъ до дня своей смерти, Басистовъ руководилъ занятіями Учебнаго отдѣла и сумѣлъ значительно поднять дѣятельность его. Онъ старался привлечь къ активному участію въ отдѣлѣ лучшихъ московскихъ педагоговъ и собранія его сдѣлались оживленными и производительными.

Въ 1882 г., устраивая педагогическій отдѣлъ выставки въ Москвѣ, Басистовъ заразился сыпнымъ тифомъ, который и свелъ его въ могилу.

XV.

Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ.

Ѳ. Ив. Буслаевъ всю свою жизнь посвятилъ изслѣдованію языка и словесныхъ произведеній, въ историческомъ ихъ развитіи. Своими трудами онъ имѣлъ большое вліяніе на преподаваніе русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Ѳ. Ив. родился въ 1818 г. въ гор. Керенскѣ, Пензенской губерніи. Начальное и среднее образованіе онъ получилъ въ гор. Пензѣ. Въ дѣтствѣ и отрочествѣ онъ много читалъ. По собственному его признанію, еще въ дѣтствѣ были прочитаны имъ нѣкоторыя народно-русскія изданія и такія крупныя произведенія иностранной литературы, какъ «Робинзонъ Крузе», «Донъ-Кихотъ», «Потерянный рай» и поэма Томсона «Четыре времени года». Всѣ эти произведенія, по словамъ Ѳ Ив., послужили ему основою для дальнѣйшаго знакомства съ плодами народнаго творчества и лучшими образцами европейской литературы. Будучи въ гимназіи, онъ предавался чтенію произведеній Загоскина, Батюшкова, Жуковскаго, Козлова, Грибоѣдова и друг. Гимназія оказала на Ѳ. И. благотворное вліяніе. Онъ самъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» говоритъ, что въ гимназіи онъ «впервые узналъ и полюбилъ русскую словесность, которою впослѣдствіи съ увлеченіемъ занимался, составляя свои научно-литературные труды и читая лекціи въ университетѣ». Еще будучи въ гимназіи, онъ собиралъ и списывалъ народныя произведенія.

Пятнадцати лѣтъ Буслаевъ окончилъ Пензенскую гимназію (въ 1833 г.). Для поступленія въ университетъ нужно было имѣть шестнадцать лѣтъ, и Ѳед. Ив. годъ пробылъ дома, самостоятельно расширяя свои познанія.

Въ 1834 году онъ вступилъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ московскаго университета, по словесному (нынѣ историко-филологическому) факультету.

Въ университетѣ Ѳ. И. работалъ усердно. Изъ профессоровъ на него оказывали особенное вліяніе Шевыревъ и Погодинъ. Въ университетѣ началась и научно-литературная дѣятельность Буслаева. Сначала она проявилась въ томъ, что онъ совмѣстно съ нѣсколькими другими студентами составлялъ лекціи профессоровъ Погодина (по исторіи) и Давыдова (по словесности), обрабатывалъ ихъ и приготовлялъ къ печати. Затѣмъ въ университетѣ же Буслаевымъ переведено было сочиненіе Демишеля «Исторія среднихъ вѣковъ». Для полученія степени кандидата Буслаевъ представилъ сочиненіе: «Основанія общей грамматики, Сильвестра Де-Саси», съ примѣчаніями, примѣнительно къ русскому языку, самого Буслаева.

Окончивъ въ 1838 году университетскій курсъ, Буслаевъ получилъ мѣсто учителя русскаго языка во 2-ой московской гимназіи, а въ слѣдующемъ году онъ принялъ предложеніе отправиться за-границу, въ Италію и Германію, въ качествѣ учителя дѣтей графа Строганова. За-границей онъ

находилъ время для изученія археологіи и исторіи искусства; здѣсь же въ бесѣдахъ съ заграничными учеными онъ расширялъ свои филологическія познанія.

Возвратившись чрезъ два года изъ-за границы, Ѳед. Ив. снова получилъ мѣсто преподавателя русскаго языка и словесности въ 3-ей московской гимназіи и, кромѣ того, на него возложены были обязанности секретаря при попечителѣ учебнаго округа.

Исполняя свои служебныя обязанности, Буслаевъ вмѣстѣ съ тѣмъ занимался изслѣдованіемъ вопросовъ по языку и словесности и изученіемъ педагогическихъ воззрѣній главнѣйшихъ западно-европейскихъ педагоговъ (Дистервега и др.). Результатомъ этихъ занятій явился въ 1844 г. трудъ «О преподаваніи отечественнаго языка». По содержанію сочиненіе это распадается на двѣ части: первая часть, методическая, говоритъ о болѣе живыхъ пріемахъ преподаванія грамматики, а вторая, научная,—о свойствахъ русскаго языка, и его стилистикѣ. Въ первой части несомнѣнно отразился собственный учительскій опытъ автора. Развитіе личности ученика, по мысли Буслаева, составляетъ важнѣйшую цѣль обученія; предметъ обученія—только средство къ духовному развитію ученика. Не грамматика въ ея схоластической системѣ, а живая рѣчь должна быть предметомъ изученія для дѣтей; прежде чѣмъ приступить къ грамматическимъ объясненіямъ, нужно ввести дѣтей въ пониманіе самаго языка. На чтеніи и разборѣ произведеній дѣти должны привыкнуть всматриваться и въ строй рѣчи, и въ измѣненія словъ. Только на высшей ступени обученія грамматика можетъ быть предложена въ системѣ. Главное занятіе съ дѣтьми—объяснительное чтеніе. Путемъ постояннаго чтенія и разбора ученики постепенно знакомятся съ литературой... Такія идеи Буслаевъ высказывалъ еще въ срединѣ сороковыхъ годовъ минувшаго столѣтія.

Въ 1842-мъ году Ѳ. Ив. былъ прикомандированъ въ помощники къ профессорамъ русской словесности И. И. Давыдову и С. П. Шевыреву, для чтенія и разбора письменныхъ работъ студентовъ. Съ этого времени и до 1881 года онъ непрерывно занимается въ университетѣ, при чемъ послѣдовательно проходитъ всѣ ступени университетской службы, начиная съ адъюнкта и кончая заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ.

Въ 1846 году онъ оставилъ службу въ гимназіи, такъ какъ эта служба отнимала у него много времени отъ университетскихъ занятій. Защитивши диссертацію на тему: «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ», Ѳ. Ив. удостоенъ былъ степени магистра и занялъ профессорскую каѳедру по русскому языку и словесности.

Своими лекціями и своими печатными трудами Ѳед. Ив. имѣлъ большое вліяніе на учителей родного языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, пріучая ихъ къ выработанному имъ самимъ методу изученія родного языка. На своихъ лекціяхъ Ѳ. Ив. не ограничивался догматическимъ изложеніемъ готовыхъ научныхъ выводовъ, а дѣлалъ ихъ здѣсь же, въ аудиторіи, изъ сырого словеснаго матеріала. Такой способъ чтенія лекцій пріучалъ слушателей къ пріемамъ и формамъ научнаго изслѣдованія, а также и къ методу изученія научныхъ законовъ и правиламъ постановки и рѣшенія научныхъ задачъ.

Въ 1852-мъ году главное управленіе военно-учебныхъ заведеній пригласило Буслаева вмѣстѣ съ Галаховымъ въ составъ комиссіи, имѣвшей своею

задачей разработку плана преподаванія русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ этого вѣдомства. Результатомъ занятій Буслаева въ комиссіи явился «Конспектъ русскаго языка и словесности для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ», составленный имъ совмѣстно съ Галаховымъ.

Сознавая, что учителямъ русскаго языка необходимо поближе знакомиться съ исторической грамматикой, Буслаевъ составилъ «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» (1858 г.). Каждое явленіе современнаго литературнаго языка: падежъ склоняемой части рѣчи, глагольная форма и т. п.,-разсматриваются въ этой грамматикѣ не только сами по себѣ, но и сравниваются съ соотвѣтственными формами живой народной рѣчи, равно какъ и съ формами другихъ славянскихъ и родственныхъ имъ языковъ: санскритскаго, литовскаго, латинскаго, греческаго и новоевропейскихъ; кромѣ того, авторъ показываетъ употребленіе разсматриваемой формы и на всемъ протяженіи русской письменности, т.-е. отъ XI вѣка и до нашихъ дней, отмѣчая всѣ перемѣны, происходившія въ ней за это время. Такой сравнительно-историческій методъ изслѣдованія языка установленъ былъ у насъ впервые Буслаевымъ и далъ плодотворные плоды: ему слѣдовали нѣкоторые другіе изслѣдователи языка.

«Опытъ исторической грамматики русскаго языка» впослѣдствіи былъ переработанъ и изданъ подъ названіемъ «Историческая грамматика». Черезъ три года послѣ изданія «Опыта исторической грамматики» былъ составленъ и изданъ Буслаевымъ капитальный трудъ: «Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ»,—очень важный сборникъ, содержащій въ себѣ, между многими уже извѣстными текстами, множество такихъ, которые впервые были изданы составителемъ; всѣ тексты въ хрестоматіи снабжены подробными историко-литературными и грамматическими примѣчаніями.

Изъ названныхъ крупныхъ ученыхъ трудовъ Ѳ. Ив. выработалъ двѣ учебныхъ книги: «Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою» и «Русская хрестоматія», разошедшіяся во многихъ изданіяхъ.

Въ 1859—1860 году Ѳ. Ив. преподавалъ русскій языкъ въ Бозѣ почившему Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу и въ короткое время успѣлъ возбудить въ немъ интересъ къ этому предмету.

Въ связи съ составленіемъ и чтеніемъ лекцій въ университетѣ, Буслаевъ постоянно дѣлалъ изслѣдованія въ области древне-русскаго языка и словесности. Свои ученыя статьи по русскому языку, древней книжной и устной народной словесности и древне-русскому искусству онъ помѣщалъ въ журналахъ какъ спеціально-ученыхъ, такъ и въ общихъ литературно-научныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ статей вошли въ двухтомный сборникъ, изданный въ 1861 году подъ заглавіемъ: «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Въ первомъ томѣ этого сборника помѣщены изслѣдованія по народной поэзіи: сначала—главы, имѣющія предметомъ поэзію въ связи съ языкомъ и народнымъ бытомъ; потомъ—изученіе славянской поэзіи сравнительно съ поэзіею другихъ народовъ (германскою, скандинавскою); далѣе—національная поэзія славянскихъ племенъ вообще, и, наконецъ,—русская. Во второмъ томѣ разсматриваются народные элементы древне-русской литературы и искусства.

Научное значеніе названнаго труда признано было въ свое время настолько важнымъ, что московскій университетъ удостоилъ автора степени доктора русской словесности, а академія наукъ избрала его въ академики. Позднѣе Буслаевъ издалъ второй сборникъ своихъ статей подъ названіемъ—«Мои досуги», въ 2-хъ томахъ, а затѣмъ былъ изданъ имъ сборникъ «Народная поэзія».

Въ 1881-мъ году Буслаевъ прекратилъ чтеніе своихъ лекцій въ университетѣ, но не прекратилъ своихъ литературно-научныхъ трудовъ. Въ 1888 году былъ торжественно отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей научно-литературной дѣятельности Ѳ. Ив.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ минувшаго столѣтія Ѳ. Ив. составлялъ и печаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» свои «Воспоминанія», вышедшія потомъ отдѣльной книгой. За два года до кончины Ѳ. Ив. лишился зрѣнія. Скончался онъ въ 1897 году и похороненъ въ г. Москвѣ.

Велика заслуга Буслаева въ области изслѣдованія исторіи русскаго языка и древней русской словесности. Его «Историческая грамматика» послужила основаніемъ при составленіи позднѣйшими авторами учебниковъ по русской и древне-славянской грамматикѣ. Его изслѣдованія по народной словесности и древней письменности освятили многія явленія въ этой области знанія. Его, наконецъ, труды по преподаванію отечественнаго языка («О преподаваніи отечественнаго языка»; «Конспектъ русскаго языка и словесности для руководства въ высш. уч. зав.») способствовали болѣе правильной и серьезной постановкѣ преподаванія этого предмета.

XVI

Алексѣй Димитріевичъ Галаховъ.

Алексѣй Димитріевичъ Галаховъ извѣстенъ въ педагогическомъ мірѣ какъ своими учебными руководствами и пособіями, именно: «Исторіей русской литературы» и «русскими хрестоматіями», такъ и своею практическою дѣятельностью.

Ал. Д. Галаховъ—уроженецъ Рязанской губерніи. «Мнѣ трудно»—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Изъ записокъ человѣка»),—«забыть день своего рожденія: я родился 1-го января 1807 года». Отецъ Алексѣя Димитріевича, дворянинъ, небогатый помѣщикъ, служилъ по выбору судьей. Отъ матери, женщины «доброй и склонной къ мечтательности» и отъ приходскаго священника Алексѣй Димитріевичъ научился читать, писать и начальной ариѳметикѣ. Для дальнѣйшаго обученія онъ отданъ былъ въ рязанское двуклассное уѣздное училище, а затѣмъ въ гимназію. Въ послѣдней на него оказывалъ особое вліяніе учитель словесности, образовавшій въ гимназіи такъ называемый «кабинетъ для чтенія», гдѣ ученики двухъ старшихъ классовъ собирались еженедѣльно для чтенія лучшихъ статей и произведеній. Будучи еще гимназистомъ, Алексѣй Димитріевичъ чувствовалъ потребность къ нравственному самоусовершенствованію. Объ этомъ онъ такъ говоритъ въ своихъ «воспоминаніяхъ»: «Дѣйствія моего подвижничества выражались различно, по мѣрѣ моихъ силъ. Вмѣсто обычныхъ двухъ чашекъ чаю я выпивалъ одну; дадутъ мнѣ какое-нибудь лакомство, я отдавалъ его дворовому мальчику; помогу брату или товарищу въ приготовленіи задачи, и учитель похвалитъ ихъ: я радовался похвалѣ, какъ наградѣ моему смиренію, отсутствію во мнѣ зависти и честолюбія; если прислуга разобьетъ стаканъ или тарелку, я принималъ вину на себя, за что̀ получалъ выговоръ, а иногда и стоялъ въ углу... Въ послѣобѣденное время, когда отецъ и мать отдыхали, я уходилъ въ пустой залъ и молился втайнѣ... Въ классѣ я уступалъ товарищамъ, не ссорился съ ними. Я обращался съ дворнею не по крѣпостному праву: я не оскорблялъ ее ни дѣломъ, ни словомъ, за что и былъ любимъ ею особенно».

За все время пребыванія своего въ училищѣ и гимназіи Ал. Д. былъ первымъ ученикомъ и первымъ же окончилъ въ 1822 г. курсъ, при чемъ на торжественномъ гимназическомъ актѣ раздавалось посѣтителямъ напечатанное его сочиненіе «Объ истинной славѣ».

По окончаніи курса въ гимназіи Алексѣй Димитріевичъ поступилъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ, но скоро перешелъ на математическій. Причиной такого перехода было желаніе слушать болѣе талантливыхъ профессоровъ, какіе въ то время были на математическомъ факультетѣ.

Кромѣ своихъ факультетскихъ занятій, Ал. Д. занимался и литературой, при чемъ переводилъ съ французскаго языка, съ цѣлью, главнымъ образомъ, укрѣпиться въ знаніи его.

Окончивъ въ 1826 году университетскій курсъ со степенью кандидата и съ золотою медалью, Алексѣй Димитріевичъ получилъ занятія при университетскомъ зоологическомъ музеѣ, а затѣмъ вскорѣ былъ назначенъ на должность помощника инспектора студентовъ. Въ то же время Ал. Д. продолжалъ свои занятія по литературѣ.

Послѣ эпидеміи 1830—1831 годовъ, для сиротъ, родители которыхъ умерли отъ холеры, былъ устроенъ на средства частной благотворительности пріютъ. Галаховъ взялся безвозмездно давать уроки русскаго языка въ этомъ пріютѣ. Съ этого времени собственно и начинается практическая педагогическая его дѣятельность. Кромѣ занятій въ пріютѣ, Галаховъ давалъ частные уроки по русскому же языку.

Когда пріютъ былъ преобразованъ въ Александровскій сиротскій институтъ, Галаховъ остался въ немъ преподавателемъ русскаго же языка.

Кромѣ занятій въ означенномъ институтѣ, Галаховъ съ 1837 года занялъ должность преподавателя русской словесности въ старшемъ отдѣленіи Александровскаго, а затѣмъ и Николаевскаго института. Вооружась противъ царствовавшей до него схоластики въ преподаваніи словесности, онъ сталъ знакомить ученицъ преимущественно съ новѣйшей литературой. Уроки словесности сдѣлались содержательными и занимательными. «Особенно успѣшно пошло преподаваніе словесности», говоритъ Галаховъ,—«съ того времени, какъ мы съ Кудрявцевымъ, тоже преподававшимъ русскую словесность, устроили особый классъ чтенія, которое воспитанницы считали пріятнѣйшимъ урокомъ, лучшей для себя наградой. На этихъ чтеніяхъ мы знакомили ихъ съ капитальными произведеніями нашей литературы, извѣстными имъ до того по однимъ названіямъ да по именамъ авторовъ. Онѣ узнали Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Это развивало ихъ эстетическій вкусъ, пріучало чувствовать и оцѣнивать достоинства поэтическихъ произведеній.

Алексѣй Димитріевичъ преподавалъ словесность и въ спеціальномъ классѣ московскаго кадетскаго корпуса, при чемъ ему поручено было и наблюденіе за преподаваніемъ этого предмета въ другихъ московскихъ корпусахъ.

Занимаясь обученіемъ въ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ, Галаховъ принималъ живое участіе въ нѣкоторыхъ журналахъ и газетахъ («Отечественныхъ запискахъ», «Современникѣ», «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», «Журн. Мин. Народ. Просв.» и др.), помѣщалъ въ нихъ критическіе разборы вновь появляющихся сочиненій и свои беллетристическія произведенія («Старое зеркало», «Ошибка», «Кукольная комедія», «Изъ записокъ человѣка» и др.

Въ концѣ 1850 года Галаховъ и Буслаевъ получили предложеніе начальства военно-учебныхъ заведеній совмѣстно заняться выработкой конспекта по русскому языку и словесности для означенныхъ заведеній. Галаховъ занялся преимущественно историко-литературнымъ отдѣломъ конспекта, а Буслаевъ—тѣмъ отдѣломъ его, который касается языка.

Въ 1856 году Галаховъ получилъ предложеніе занять мѣсто преподавателя русскаго языка и словесности въ Николаевской академіи генеральнаго штаба и переѣхалъ въ Петербургъ. Въ 1863 году онъ былъ назначенъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, а черезъ два года опредѣленъ былъ профессоромъ русской словесности во вновь открытый въ Петербургѣ историко-филологическій институтъ. Эту должность онъ оставилъ только въ 1882 году съ выходомъ въ отставку; преподаваніе же въ Николаевской академіи продолжалъ еще нѣсколько лѣтъ, а обязанности члена ученаго комитета несъ по день своей смерти. Онъ скончался въ 1892 году, на 86 году жизни.

Попутно съ своею учительскою и профессорскою дѣятельностью Галаховъ неустанно занимался научно-педагогическими трудами. Составленныя имъ пособія по изученію русскаго языка и словесности употребляются и до-нынѣ въ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ (1842 г.) появилась «Полная русская хрестоматія или образцы краснорѣчія и поэзіи, заимствованные изъ лучшихъ отечественныхъ писателей» (2 тома). Въ «Хрестоматію» эту вошли произведенія не только конца 19 и начала 19 столѣтій, но также и избранныя произведенія современныхъ составителю авторовъ (Кольцова, Майкова, Лермонтова и др.). Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ Галаховъ принесъ новую струю въ преподаваніе словесности въ учебныхъ заведеніяхъ. При третьемъ изданіи «Хрестоматіи» появилось «приложеніе» къ ней (третья часть), заключающее въ себѣ какъ біографическія свѣдѣнія о поэтахъ, произведенія которыхъ вошли въ «Хрестоматію», такъ и разборъ многихъ изъ этихъ произведеній. «Приложеніе» это принесло значительную пользу учителямъ русскаго языка и словесности.

Вскорѣ за «Полной русской хрестоматіей» была составлена и издана Галаховымъ «Русская хрестоматія для дѣтей».

Въ концѣ сороковыхъ годовъ издана Галаховымъ «Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и русскаго языка (IX—XVIII вѣка)».

Главнѣйшимъ трудомъ Галахова является «Исторія русской словесности, въ двухъ томахъ». Въ первомъ томѣ изложена исторія литературы отъ древняго періода до Карамзина. Во второмъ—обозрѣніе литературы доведено до Пушкина. Литературныя произведенія онъ разсматриваетъ съ исторической и литературной точекъ зрѣнія. Съ особенною тщательностью и полнотой разработана имъ литература Екатерининскаго и Александровскаго періода. Особенно удачно изложены въ ней главы, посвященныя Карамзину, спору карамзинистовъ съ сторонниками Шишкова и дѣятельности Новикова и др. Авторомъ выяснены многія историко-литературныя явленія. «Исторія литературы» и до настоящаго времени не потеряла своей цѣнности. Академія наукъ присудила Галахову за его «Исторію литературы» Уваровскую премію.

Составленію второго тома «Исторіи литературы» предшествовалъ рядъ историко-литературныхъ очерковъ о писателяхъ 18 и начала 19 столѣтій. Очерки эти были напечатаны Галаховымъ въ «Отечественныхъ запискахъ» и «Современникѣ». Вслѣдъ за первымъ изданіемъ 1-го тома своей «Исторіи литературы» Галаховъ выпустилъ, въ двухъ томахъ, «Историческую хрестоматію новаго періода русской словесности». Сборникъ этотъ составляетъ необходимое дополненіе къ «Исторіи литературы». По достоинству исполненія,

по богатству и обстоятельности объяснительныхъ статей онъ является важнымъ пособіемъ для изученія исторіи словесности.

Алексѣй Димитріевичъ до послѣднихъ годовъ своей жизни не покидалъ литературно-педагогическихъ занятій. Такъ, еще въ началѣ 80-хъ годовъ онъ издалъ «Учебникъ исторіи русской словесности», а затѣмъ напечаталъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія статьи о Жуковскомъ и о лирическихъ стихотвореніяхъ Гнѣдича. Въ самые послѣдніе годы своей жизни онъ продолжалъ печатать въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Русской Старинѣ» свои воспоминанія, начатые печатаніемъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Галахову было о чемъ вспоминать: онъ жилъ долго, видѣлъ много, зналъ многихъ замѣчательныхъ людей и умѣлъ наблюдать.

Галаховъ пережилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ на литературномъ поприщѣ и многихъ крупныхъ дѣятелей литературы и науки, гораздо моложе его по возрасту; со многими изъ нихъ, какъ, напр., съ Бѣлинскимъ, Грановскимъ, Кудрявцевымъ, Катковымъ, Кавелинымъ, Тургеневымъ и др., онъ былъ связанъ дружбою, и всѣ уважали его за умъ, за честность и прямоту его сужденій, за его благородный характеръ. Тѣ же чувства внушалъ онъ и людямъ позднѣйшихъ поколѣній, съ которыми вошелъ въ общеніе въ позднѣйшіе годы своей жизни, и своимъ многочисленнымъ ученикамъ.

XVII.

Владиміръ Петровичъ Шереметевскій.

Владиміръ Петровичъ Шереметевскій оставилъ замѣтный слѣдъ въ разработкѣ вопросовъ по методикѣ русскаго языка и словесности. Методическія сочиненія его явились плодомъ продолжительнаго преподаванія русскаго языка и вдумчиваго, критическаго отношенія къ преподаванію этого предмета.

Владиміръ Петровичъ родился въ 1834 году. Высшее образованіе онъ получилъ въ Московскомъ университетѣ. По окончаніи университетскаго курса, онъ получилъ мѣсто преподавателя русскаго языка и словесности во 2-й Московской гимназіи. Живой, энергичный, проникнутый лучшими педагогическими идеалами, онъ скоро пріобрѣлъ расположеніе учениковъ и обратилъ на себя вниманіе учебнаго начальства. Въ 1866 году онъ назначенъ былъ инспекторомъ той же 2-й Московской гимназіи. Излишняя горячность и нежеланіе приноравливаться къ слагающимся обстоятельствамъ были причиной, что онъ скоро долженъ былъ оставить мѣсто инспектора и съ тѣхъ поръ до самой своей смерти оставался только преподавателемъ. Занявши въ 1873 году штатное мѣсто преподавателя и руководителя по русскому языку въ московской учительской семинаріи военнаго вѣдомства, онъ оставался въ этомъ заведеніи до закрытія его. Одновременно съ этимъ онъ преподавалъ русскій языкъ и педагогику въ одной изъ женскихъ гимназій. Кромѣ того, онъ состоялъ товарищемъ предсѣдателя учебнаго отдѣла при Московскомъ Обществѣ распространенія техническихъ знаній. Въ іюнѣ 1895 года Владиміръ Петровичъ скончался.

Въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ былъ напечатанъ въ «Филологическихъ запискахъ», а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ трудъ Шереметевскаго: «Начатки науки о родномъ языкѣ. Опытъ программы первой ступени обученія языку». Въ основаніе изученія языка Шереметевскій кладетъ, слѣдуя идеѣ академика Срезневскаго, совмѣстное изученіе формы и содержанія словъ, т. е. выдвигаетъ на первый планъ этимологическое или корнесловное изученіе словъ. Только при такомъ изученіи, полагалъ Шереметевскій, ученики почувствуютъ связь формы слова съ его содержаніемъ. Чтобы уяснить себѣ смыслъ слова, очень полезно справиться съ образованіемъ его. При такомъ условіи дѣти сумѣютъ сознательно и толково употреблять тѣ или иныя слова, тѣ или иныя выраженія. Не къ чему мучить ученика докучнымъ зубреніемъ правилъ и терминовъ грамматики. Гораздо лучше и интереснѣе для него будетъ изучать самостоятельно, при помощи учителя, различныя явленія языка, рѣшать соотвѣтствующіе вопросы и тѣмъ самымъ въ концѣ концовъ, пріобрѣсти то, что называется чутьемъ въ разгадкѣ смысла словъ и формъ. Сущность обученія элементарной грамматикѣ, по мысли Шереметевскаго, должна состоять въ постепенномъ уясненіи для сознанія учащихся того, чѣмъ они уже владѣютъ безсознательно.

Года три спустя послѣ появленія названной книги явилась въ печати другая книга: «Объ ороографіи вообще и о письмѣ подъ диктовку, какъ упражненіи элементарномъ въ особенности». Въ началѣ своей книги Владиміръ Петровичъ говоритъ, что его книга есть не что иное, какъ «челобитная, челобитная слезная отъ лица «малыхъ сихъ», на имя учащихъ вообще и учащихъ русскому языку въ особенности, челобитная касательно нещаднаго угнетенія «малыхъ сихъ» неумолимою ороографіей вообще и диктантами карательными, иначе провѣрочными, въ частности». Выходя изъ того факта, что многое въ русской ороографіи еще не установилось, Шереметевскій находитъ несправедливымъ нещадно карать учениковъ за ошибки, сдѣланныя противъ правилъ правописанія, которыхъ придерживается самъ учитель, но которымъ не слѣдуютъ другіе учителя русскаго языка.

Шереметевскій заявляетъ, что онъ вовсе не отрицаетъ ороографіи, не отрицаетъ и необходимости обученія ей, но онъ только умоляетъ учащихъ, во имя справедливости, не поддаваться «диктантоманіи», не придавать такого большого значенія диктовкѣ, какъ средству обученія ороографіи и провѣрки степени умѣнія учащихся писать ороографически-правильно.

Диктовка въ томъ видѣ, какъ она велась въ то время, когда Шереметевскій писалъ свою книгу, не достигала цѣли: не вела къ наученію учениковъ писать ороографически-правильно. Учитель диктовалъ, исправлялъ ошибки въ написанномъ учениками, и послѣдніе все-таки дѣлали тѣ-же самыя ошибки. Написавъ раза два неправильно, они привыкали къ неправильному письму. Диктантъ основанъ на слуховыхъ впечатлѣніяхъ, а слухъ обманчивъ. И произношеніе сплошь и рядомъ не соотвѣтствуетъ тому начертанію, которое требуется наукой или общепринятымъ употребленіемъ. Значитъ, нужно въ основу обученія правильному письму полагать не слуховыя, а зрительныя воспріятія (воспринимать зрѣніемъ правильно написанное). Болѣе полезными упражненіями для наученія учениковъ правильно писать Шереметевскій признаетъ тѣ, которыя развиваютъ именно *память зрѣнія* и *зоркость ороографическую*. Къ такимъ упражненіямъ, напр., относятся: списываніе ороографически-правильнаго текста съ классной доски, съ книги, правильное писаніе заученнаго наизусть. Диктовка должна носить *строго предупредительный* характеръ, т. е. диктовать слѣдуетъ лишь то, къ правильному письму чего ученики уже подготовлены; она, т. е. диктовка, должна укрѣплять учениковъ въ правильномъ письмѣ. И лишь изрѣдка можетъ быть дѣлаема *экзаменаціонная* диктовка. Дѣлать же экзаменаціонную диктовку всегда, значитъ экзаменовать учениковъ изъ того, чему еще не научили, значитъ, упражнять какъ-разъ въ противномъ—въ дѣланіи, такъ сказать *культивированіи* ошибокъ.

Въ 1886 году вышла книга: «Слово въ защиту живаго слова». Въ этомъ сочиненіи авторъ говоритъ объ объяснительномъ и выразительномъ чтеніи. Сказавши, съ какого времени у насъ начали практиковать объяснительное чтеніе, и указавши на тѣ недостатки въ веденіи этого чтенія, какіе встрѣчаются не только на урокахъ многихъ учителей и учительницъ, но также и въ методическихъ сочиненіяхъ по объяснительному чтенію, Шереметевскій излагаетъ свои наставленія относительно веденія этого чтенія. Онъ требуетъ предоставленія учащимъ значительной доли самодѣятельности. Прежде

чѣмъ вести на урокѣ объяснительное чтеніе, слѣдуетъ, по мысли Шереметевскаго, предлагать ученикамъ прочитать дома произведеніе, отмѣтить въ немъ малопонятныя для нихъ слова и рѣшить на основаніи его доступный для нихъ вопросъ. Выслушавши на урокѣ отвѣтъ учениковъ на поставленный имъ вопросъ и тѣ слова и выраженія, которыя не вполнѣ имъ понятны, учитель имѣетъ исходную точку для веденія объяснительнаго чтенія.

Во время самаго объяснительнаго чтенія учитель долженъ воздерживаться отъ многословія, стараясь при томъ не ослабить живыхъ образовъ, вызываемыхъ въ ученикахъ произведеніемъ.

Одною изъ задачъ объяснительнаго чтенія должно служить доведеніе учениковъ до возможно выразительнаго чтенія произведенія. «Чтобы прочитать толково вслухъ для другихъ, нужно прежде всего взять въ толкъ самому для себя читаемое, нужно уяснить, что именно требуется выразить голосомъ при чтеніи того или другого мѣста». Слушая, *какъ* ученикъ читаетъ то или иное мѣсто, можно заключить о томъ, насколько онъ понимаетъ читаемый отрывокъ.

Основное требованіе, безъ соблюденія котораго немыслима даже первая ступень выразительнаго чтенія, по толкованію Шереметевскаго, высказана еще Фамусовымъ въ комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». Этотъ баринъ приказываетъ лакею читать «не такъ какъ пономарь, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой». Ради удобства разъясненія, Шереметевскій разставляетъ четыре пункта этого наставленія по степени трудности ихъ выполненія въ нѣсколько иномъ порядкѣ, именно такъ: читай не такъ, какъ пономарь, а съ разстановкой, съ толкомъ, съ чувствомъ. Первый пунктъ воспрещаетъ пономарскую скороговорку. Это основной пунктъ, при соблюденіи котораго только и возможно выполненіе остальныхъ трехъ пунктовъ. Отчетливое произношеніе каждаго слова—это азбука выразительнаго чтенія. Второй пунктъ требуетъ читать съ «разстановкой», то-есть соблюдать паузы, начиная съ едва замѣтныхъ передышекъ внутри предложенія и кончая болѣе длинными остановками. Третій пунктъ—читать «съ толкомъ» требуетъ соблюденія *логическихъ* удареній, отъ которыхъ зависитъ живое разнообразіе чтенія. Наконецъ четвертый пунктъ—читать «съ чувствомъ»—требуетъ надлежащей интонаціи, обусловленной измѣненіями душевныхъ состояній, выраженныхъ въ читаемомъ произведеніи, а также ускоренія и замедленія темпа чтенія.

Шереметевскій въ своей книгѣ приводитъ образчикъ объяснительнаго чтенія («Рыбка» Фета), съ цѣлью подвести учениковъ къ выразительному чтенію произведенія. Путемъ бесѣды выясняется ученикамъ, гдѣ слѣдуетъ сдѣлать паузы, гдѣ поставить логическія ударенія, съ какой интонаціей слѣдуетъ прочитать то или иное слово, ту или иную фразу.

Владиміръ Петровичъ совѣтуетъ, чтобы ученики, переписавши разучиваемое произведеніе въ тетради, обозначали въ немъ условными знаками паузы, логическія ударенія, интонаціи и т. п. Такимъ образомъ у нихъ получаются своего рода ноты для выразительнаго чтенія.

Одновременно съ упражненіемъ въ сознательномъ и выразительномъ чтеніи, Шереметевскій совѣтуетъ упражнять учениковъ и въ пересказѣ своими словами прочитаннаго. Пересказъ служитъ не только къ уясненію прочитаннаго, но и ведетъ къ развитію рѣчи учениковъ. Слѣдуетъ пріучать учениковъ не

только къ подробной передачѣ содержанія прочитаннаго произведенія, но и къ краткой передачѣ его, къ передачѣ существеннаго.

Весь ходъ занятій по объяснительному чтенію, по мнѣнію Шереметевскаго, состоитъ: во-первыхъ, въ пробномъ чтеніи и пробномъ разсказѣ въ классѣ выбраннаго для объяснительнаго чтенія произведенія; во-вторыхъ—въ подготовительномъ домашнемъ чтеніи; въ-третьихъ—въ классной объяснительной бесѣдѣ; въ-четвертыхъ—въ устномъ отчетѣ о результатахъ объясненія; въ пятыхъ—въ выразительномъ чтеніи; въ-шестыхъ—въ заучиваніи наизусть и въ-седьмыхъ —въ выразительномъ произношеніи.

Чрезъ годъ (въ 1887 г.) вышла книга: «Страничка изъ методики элементарной грамматики родного языка». Въ ней Шереметевскій развиваетъ свою мысль о важности корнесловія и соотвѣтственно этому намѣчаетъ програму первой ступени обученія элементарной грамматикѣ; кромѣ того, здѣсь помѣщенъ планъ нормальнаго урока и конспекты трехъ примѣрныхъ уроковъ объ этимологическомъ составѣ слова.

Нельзя не замѣтить, что, увлекаясь своею излюбленною мыслью о важности корнесловія, Шереметевскій придаетъ этому отдѣлу грамматики далеко большее значеніе, чѣмъ какое онъ долженъ имѣть между другими отдѣлами. Нельзя все ученіе о языкѣ строить преимущественно на корнесловіи. Къ тому же постоянное занятіе корнесловіемъ можетъ надоѣсть ученикамъ.

Зная, какъ трудно ученикамъ запоминать грамматическіе термины и усваивать опредѣленіе грамматическихъ правилъ, Шереметевскій, для облегченія учащихся, предлагаетъ, при первомъ ознакомленіи ихъ съ новымъ грамматическимъ понятіемъ, требовать отъ нихъ усвоенія не опредѣленія, а только термина: опредѣленіе же выражается въ вопросѣ учителя. Напр., на вопросъ: «какъ называются тѣ слова, у которыхъ основа состоитъ изъ одного корня»? ученикъ отвѣчаетъ: коренными. И его отвѣтъ сознателенъ: онъ сознаетъ, къ какимъ словамъ прилагается терминъ «коренныя». Мало-по-малу ученики осваиваются и съ грамматическими опредѣленіями.

Для занятія грамматикой Шереметевскій совѣтуетъ употреблять всякій разъ не болѣе 20 минутъ. Грамматика для дѣтей не особенно интересный предметъ, а потому и удѣлять ей слѣдуетъ всякій разъ не много времени.

Въ слѣдующемъ (1888) году вышла брошюра: «Каковъ Хлестаковъ на самомъ дѣлѣ, и за кого подчасъ принимаютъ его». Этотъ трудъ представляетъ собою разборъ комедіи «Ревизоръ» Гоголя и характеристику Хлестакова. Тутъ же читатель находитъ указаніе, какъ слѣдуетъ читать драматическія произведенія, чтобы вѣрнѣе и яснѣе понимать ихъ.

Послѣднимъ печатнымъ трудомъ Владиміра Петровича была книга «Къ вопросу о единообразіи въ ороографіи». Въ этомъ трудѣ авторъ настаиваетъ на необходимости установить правописаніе на этимологическомъ основаніи, чѣмъ устранилось бы существующее нынѣ разнообразіе въ начертаніи словъ и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно облегчилось бы усвоеніе учащимися ороографіи.

Изъ указанныхъ сочиненій видно, что Шереметевскій останавливался надъ различными сторонами въ дѣлѣ обученія отечественному языку и старался сдѣлать обученіе ему возможно плодотворнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить учащимся изученіе родного языка. Въ этомъ его неотъемлемая заслуга.

XVIII.

Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ.

Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ трудился преимущественно для средней русской школы и въ частности по разработкѣ курса словесности для этой школы. Но у него есть выдающіяся сочиненія и по общимъ педагогическимъ вопросамъ, равно какъ и по исторіи русской педагогики и по вопросамъ начальнаго обученія.

В. Я. Стоюнинъ родился въ 1826 году въ Петербургѣ. Ко времени рожденія Вл. Як. отецъ его, бывшій ранѣе зажиточнымъ коммерсантомъ, разорился и будущему педагогу пришлось провести дѣтскіе годы въ довольно суровой обстановкѣ. Это обстоятельство, равно какъ и довольно угрюмый характеръ отца отразились на мальчикѣ, сообщивъ его характеру нѣкоторую замкнутость и сдержанность въ словахъ и въ обращеніи, сохранившіяся въ немъ во всю его жизнь. Отецъ, желая приготовить сына къ торговой дѣятельности, отдалъ его въ нѣмецкую Анненскую школу. Но затѣмъ Вл. Як. былъ взятъ на воспитаніе дядей, который опредѣлилъ его въ 3-ю Петербургскую гимназію. Здѣсь проявилась въ Стоюнинѣ наклонность къ словеснымъ наукамъ и литературнымъ занятіямъ. Въ гимназіи тогда существовали литературныя собранія учениковъ и на одномъ изъ такихъ собраній было читано сочиненіе Стоюнина, удостоившееся одобренія попечителя Учебнаго Округа. Окончивъ (въ 1846 г.) гимназическій курсъ, Стоюнинъ поступилъ въ Петербургскій университетъ на восточный факультетъ. Стоюнинъ мечталъ, по окончаніи курса, отправиться на службу въ одно изъ восточныхъ посольствъ и такимъ образомъ познакомиться съ Востокомъ, который интересовалъ его.

Кромѣ изученія восточныхъ языковъ, Стоюнинъ въ университетѣ усердно занимался русской словесностью. Плодомъ этихъ занятій явились два его сочиненія: «Вліяніе Пушкина и Крылова на русскій языкъ» и «Науки и искусства въ древнемъ и новомъ мірѣ», одобренныя профессорами университета. Второе изъ этихъ сочиненій было напечатано въ «Библіотекѣ для чтенія».

Окончивъ въ 1850 году университетскій курсъ, Стоюнинъ въ теченіе двухъ лѣтъ занимался частными уроками и тѣмъ поддерживалъ существованіе свое и семьи, оставшейся послѣ отца. Онъ отказался отъ мысли отправиться на службу на Востокъ. Въ 1852 году онъ получилъ мѣсто учителя русскаго языка и словесности въ 3-й гимназіи, т.-е. въ той же гимназіи, гдѣ онъ самъ учился. Съ этого времени начинается настоящая педагогическая и литературная его дѣятельность.

Сначала Владиміръ Яковлевичъ намѣренъ былъ всецѣло отдаться литературной дѣятельности и съ этой цѣлью желалъ даже оставить учительскій трудъ. Онъ составилъ цѣлую тетрадку стихотвореній и послалъ ихъ для просмотра своему бывшему учителю словесности Власову, занимавшему тогда должность директора Вологодской гимназіи; при этомъ онъ въ своемъ письмѣ

высказалъ свое намѣреніе оставить учительство. Власовъ не одобрилъ его намѣренія перемѣнить педагогическую дѣятельность на дѣятельность писателя, высказывая, что онъ можетъ принести обществу большую пользу, какъ способный наставникъ. Подчиняясь этому совѣту и главнымъ образомъ находя внутреннее удовлетвореніе въ своей учительской дѣятельности, Стоюнинъ остался учителемъ и прослужилъ въ 3-й гимназіи почти 20 лѣтъ (1852—1871). Одновременно со службой въ 3-й гимназіи онъ преподавалъ русскій языкъ и словесность сначала въ Маріинскомъ училищѣ, а затѣмъ въ Маріинскомъ институтѣ.

Исполняя свои учительскія обязанности, Стоюнинъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ время сотрудничать въ нѣкоторыхъ журналахъ и даже редактировалъ болѣе года газету «Русскій міръ». Главная же литературная дѣятельность Стоюнина направлена была на составленіе сочиненій по русскому языку и словесности и по исторіи воспитанія въ Россіи. Изъ трудовъ его по языку и словесности, явившихся въ этотъ періодъ его жизни и дѣятельности, болѣя замѣчательны: «Высшій курсъ русской грамматики», «О преподаваніи русской литературы», «Руководство для теоретическаго и историческаго изученіе русской литературы» и статьи о Княжнинѣ, Сумароковѣ, Островскомъ, Майковѣ, Никитинѣ и друг.

Практическая дѣятельность, въ качествѣ лучшаго преподавателя русскаго языка и словесности, въ связи съ литературными трудами, поставили Стоюнина въ число выдающихся педагоговъ столицы. И онъ приглашенъ былъ давать уроки членамъ Императорской семьи.

Въ 1871 году Стоюнинъ принялъ предложеніе занять мѣсто инспектора классовъ въ московскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ и переѣхалъ въ Москву. Съ этого времени начинается второй періодъ его дѣятельности. Въ короткое время Вл. Як. значительно улучшилъ учебно-воспитательное дѣло въ институтѣ. Лучшія силы института сочувствовали его дѣятельности; но скоро явились и недоброжелатели его. «Такіе люди, какъ Стоюнинъ», говоритъ его біографъ Сиповскій: «могутъ имѣть лишь искреннихъ друзей или недоброжелателей. Прямая натура его, недопускающая никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, никакой угодливости и приспособленія къ людямъ и обстоятельствамъ, неизбѣжно должна была создавать ему недоброжелателей. Всякій человѣкъ съ нравственными изъянами сразу могъ замѣтить его нерасположеніе къ себѣ, и естественно становился недоброжелательнымъ къ нему... Начались столкновенія... Въ житейской борьбѣ чаще побѣду одерживаютъ не люди сильные духомъ, а люди неразборчивые въ оружіи,—побѣду, правда, не почетную, но все же побѣду»... Въ 1874 году В. Я. пришлось оставить должность инспектора института.

Возвратившись въ Петербургъ, В. Я. былъ причисленъ къ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, съ сохраненіемъ содержанія по послѣдней должности. Кромѣ того, онъ назначенъ былъ членомъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Комитета грамотности и въ собраніяхъ въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній. Кромѣ того, онъ составлялъ новые труды по языку и словесности. Въ этотъ періодъ явились одно за другимъ слѣдующія его сочиненія: «Русскій синтаксисъ», «Хрестоматія и руководство для теоретическаго изученія литературы», «Рус-

ская хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній», «Руководство для преподавателей по классной хрестоматіи» и нѣсколько статей по русской литературѣ, а именно статьи: О Кантемирѣ, Шишковѣ, Пушкинѣ, Кольцовѣ, а равно цѣлый рядъ педагогическихъ статей, печатавшихся преимущественно въ «Вѣстникѣ Европы».

Съ 1881 года начинается третій періодъ дѣятельности Влад. Яковлевича. Въ этомъ году супруга Стоюнина открыла въ Петербургѣ женскую гимназію. В. Я. сталъ трудиться въ этой гимназіи въ качествѣ преподавателя и завѣдывающаго учебною частью ея. Учебно-воспитательное дѣло этого заведенія поставлено было на основахъ, выработанныхъ при близкомъ и непосредственномъ участіи В. Як. Каждый годъ Вл. Яковлевичъ составлялъ подробные отчеты о женской гимназіи. Отчеты эти представляли значительный педагогическій интересъ: въ нихъ излагались какъ воззрѣнія Вл. Яковл. на учебно-воспитательное дѣло, такъ и организація учебныхъ занятій въ гимназіи. Проработавши восемь лѣтъ въ названной гимназіи, Вл. Як. скончался. Послѣднія его слова были: «Ну что же, вѣдь я трудился».

Педагогическія статьи В. Я., печатавшіяся въ журналахъ, изданы послѣ его смерти отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ «Педагогическія сочиненія Стоюнина». Въ эту книгу вошли слѣдующія статьи: «Наша семья и ея историческія судьбы», «Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII ст.», «Изъ исторіи воспитанія въ Россіи въ началѣ XIX ст.», «Мысли о нашихъ гимназіяхъ», «О частной педагогической предпріимчивости», «Замѣтки о русской школѣ», «Образованіе русской женщины» и др.

Главная особенность этихъ сочиненій состоитъ въ томъ, что вопросы образованія и воспитанія разсматриваются въ нихъ въ тѣсной связи съ условіями народнаго быта.

Изъ многихъ вопросовъ, которыхъ касался Стоюнинъ въ своихъ статьяхъ, остановимся на мысляхъ его о задачахъ и цѣляхъ средней школы.

Правильно веденная школа должна, по мысли Стоюнина, стремиться «развивать въ учащихся правильныя понятія научными знаніями, какъ основу вѣрныхъ сужденій, и въ связи съ ними вызывать любовь къ истинѣ и стремленіе къ ней; пробуждать прекрасныя чувства и стремленіе ко всему прекрасному; доводить до вѣры въ нравственные идеалы, связанные съ высшими интересами жизни».

Въ школѣ душевныя силы учащихся, по идеѣ Стоюнина, должны получить доброе направленіе. «У насъ обыкновенно говорятъ», читаемъ въ одной изъ статей Стоюнина,—«что развитіе душевныхъ силъ или способностей должно составлять самое главное въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, что если юноша, оканчивающій курсъ, выкажетъ въ себѣ значительное развитіе, то воспитательное заведеніе сдѣлало свое дѣло; отъ него больше ничего и не требуется: развитой юноша съ извѣстнымъ запасомъ разнообразныхъ научныхъ познаній можетъ назваться образованнымъ человѣкомъ. Противъ этого, конечно, спорить нельзя, но нельзя и не замѣтить, что ко всему этому *не достаетъ еще одного весьма важнаго условія.* Можно быть человѣкомъ развитымъ и образованнымъ такъ, какъ наша современность понимаетъ образованіе, но безъ всякаго *направленія* своихъ душевныхъ силъ; можно даже казаться человѣкомъ съ убѣжденіями, но безъ всякаго *стремленія къ дѣятельности...* Если бы все дѣло воспитанія состояло въ одномъ развитіи,

тогда не о чемъ было бы много задумываться и спорить, какія взять научные предметы для воспитанія, какъ распредѣлять ихъ. Каждый научный предметъ можетъ быть хорошимъ средствомъ для развитія въ рукахъ порядочнаго педагога. Но мы хотимъ, чтобы въ молодомъ человѣкѣ, выступающемъ въ жизнь, было *извѣстное направленіе*, безъ котораго онъ не будетъ знать, куда ему устремить свои силы. А направленіе это зависитъ отъ того, надъ чѣмъ болѣе приходилось ему думать, что давало ему матеріалъ для мышленія въ то время, когда еще развивались его умъ и нравственныя силы. Это обстоятельство весьма важно, и на него необходимо обратить вниманіе».

«Школа», по мнѣнію Стоюнина, «есть не что иное, какъ извѣстный періодъ жизни несовершеннолѣтняго человѣка, которому потомъ предстоитъ сдѣлаться *гражданиномъ* своей земли и принять на себя извѣстныя обязанности по отношенію къ гражданскому обществу и государству. Изъ этого періода жизни онъ переходитъ въ другой, когда долженъ примкнуть къ общей дѣятельности... Значитъ, ему космополитомъ и эгоистомъ вступить въ эту жизнь нельзя... Общество вправѣ требовать отъ школы, чтобы въ своемъ идеалѣ *человѣка* она не забывала идеалъ *гражданина*».

Идеалъ человѣка и идеалъ гражданина были тѣсно связаны въ понятіяхъ Влад. Яковл. Онъ былъ убѣжденъ, что «одного безъ другого мы не должны представлять, потому что одинъ помогаетъ развитію другого».

Требуя, чтобы школа воспитывала своихъ учениковъ по идеалу *человѣка* и *гражданина*, Стоюнинъ вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, чтобы она сама, во всемъ своемъ строѣ и духѣ сообразовалась съ особенностями народа, для котораго она существуетъ. «Дѣло школы можно разсматривать только въ связи со всѣми условіями жизни того народа, для котораго она предназначается, въ связи съ его природными способностями и наклонностями, въ связи съ его семьею и общественными положеніемъ и требованіями»... «Если вы хотите создать живую школу, то, не пренебрегая общей наукой, изучите, сколько можете, свою народную психологію, пользуясь и исторіей, и современнымъ бытомъ народа, и сравненіемъ его съ другими народами».

«Просвѣщенный человѣкъ», говоритъ Стоюнинъ,—«не тотъ, у кого много несвязныхъ понятій или такихъ, которыя составляютъ одну какую-нибудь спеціальность, а тотъ, кто чрезъ научныя познанія развилъ въ себѣ высшія понятія, которыя опредѣляютъ человѣческую жизнь въ ея отношеніяхъ ко всему окружающему, т.-е. къ природѣ и къ обществу. Просвѣщеніемъ вызываются присущія человѣку стремленія къ истинѣ, правдѣ, добру и изящному и сами имъ поддерживаются».

«Дѣятельность школы»,—по мысли Стоюнина,—«должна находиться въ связи съ воспитательною дѣятельностью семьи. Школа ищетъ помощи въ семьѣ, интересы которой тѣсно соприкасаются съ интересами всего общества». Съ другой стороны, «семья должна смотрѣть на школу, какъ на свою помощницу въ дѣлѣ, которое ей ближе всего, но котораго она одна не можетъ выполнить». «Пусть школа видитъ свое дополненіе въ семьѣ, а семья въ школѣ. Обѣ онѣ въ тѣсной связи могутъ укрѣплять другъ друга, увеличивая взаимно воспитательныя силы».

Своими руководствами и статьями по теоріи словесности и исторіи литературы Стоюнинъ, какъ уже сказано, способствовалъ установленію болѣе разум-

наго преподаванія словесности и русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и болѣе основательной разработкѣ историко-литературныхъ вопросовъ.

Въ основаніе изученія теоріи словесности и исторіи литературы Стоюнинъ ставитъ вдумчивое, осмысленное изученіе учениками словесныхъ произведеній.

Будучи выдающимся учителемъ словесности, Стоюнинъ своими уроками и своими личными качествами оказывалъ на учениковъ самое благотворное вліяніе. Вотъ что говоритъ о немъ одинъ изъ его бывшихъ учениковъ (Витбергъ): «Онъ (Стоюнинъ) и своимъ личнымъ поведеніемъ и обращеніемъ, и своими бесѣдами на урокахъ пробуждалъ въ насъ высокія, истинно человѣческія чувства, мысли и стремленія. Каждый его урокъ, каждая его бесѣда были тѣмъ свѣтлымъ лучомъ, который освѣщалъ намъ нравственный мракъ и указывалъ намъ настоящій нравственный путь, потому что онъ былъ не просто учитель, т.-е. не передатчикъ только извѣстнаго запаса научныхъ свѣдѣній, а проповѣдникъ высокихъ и облагораживающихъ идей, которыми совершенно очевидно для всякаго, даже для учащихся, проникнуты были не только его статьи и сочиненія, но и классныя бесѣды, его обращеніе съ людьми, вся его свѣтлая личность. Уже одно обращеніе его съ нами исполнено было такого очевиднаго даже для насъ чувства собственнаго человѣческаго достоинства, что это невольно вызывало и въ насъ такое же чувство: въ его присутствіи мы невольно нравственно подтягивались, забирали себя въ руки и изъ запущенныхъ школьниковъ дѣлались людьми. И достигалось это безъ всего того арсенала внѣшнихъ мѣръ, въ формѣ крика, наказаній, записей и т. п., безъ чего не обходился тогда ни одинъ изъ нашихъ лженаставниковъ. В. Я. не только никогда не прибѣгалъ ни къ какимъ внѣшнимъ мѣрамъ, но даже никогда почти не возвышалъ голоса, никогда не обнаруживалъ ни раздраженія, ни нетерпѣнія. Всегда ровный, спокойный, но строгій и серьезный, онъ умѣлъ держать классъ въ порядкѣ и увлекать насъ къ занятіямъ только силою своего нравственнаго вліянія. Не только уроками и бесѣдами, но всей своей личностью онъ внушалъ намъ самое глубокое къ себѣ уваженіе и своимъ примѣромъ вызывалъ въ нашихъ дѣтскихъ умахъ идею о благородствѣ человѣческой личности. И мы безсознательно чувствовали, что, самъ исполненный чувства собственнаго человѣческаго достоинства, онъ и въ насъ искренно уважалъ это достоинство, и это возвышало насъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ. На урокахъ, во время классныхъ бесѣдъ, онъ никогда не обрывалъ ни чьего, хотя бы и невѣрнаго и даже нелѣпаго мнѣнія, никогда ни надъ кѣмъ изъ учениковъ не издѣвался, не иронизировалъ, никого изъ насъ не подавлялъ своею личностью: бесѣды шли совершенно спокойно, безъ всякаго страха и смущенія, при полной увѣренности у всѣхъ насъ, что наши ошибки не будутъ жестоко обрушены намъ на голову, а будутъ деликатно, но прямо передъ нами же самими обнаружены».

Прямота характера, твердость и гуманность убѣжденій и сильный умъ Владиміра Яковлевича обаятельно вліяли не только на учениковъ его, но и на другихъ лицъ, съ которыми ему приходилось имѣть общее дѣло. Не только ученики, но и сослуживцы относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, хотя, конечно, между послѣдними встрѣчались лица, которыя, именно благодаря означеннымъ качествамъ Стоюнина, относились къ нему недоброжелательно и готовы были причинять ему непріятности.

XIX.

Викторъ Петровичъ Острогорскій.

В. П. Острогорскій по своей практической педагогической дѣятельности, по своимъ литературно-педагогическимъ трудамъ и по своимъ душевнымъ качествамъ принадлежитъ къ числу выдающихся педагоговъ второй половины XIX столѣтія.

Вступивши на педагогическое поприще въ то время, когда на этомъ же поприщѣ работали Ушинскій, Пироговъ, Корфъ, Стоюнинъ и Водовозовъ, Викторъ Петровичъ проникся ихъ идеями и въ теченіе всей своей продолжительной плодотворной педагогической дѣятельности былъ лучшимъ выразителемъ этихъ идей.

Викторъ Петровичъ Острогорскій (1840—1902 г.)—сынъ небогатаго чиновника. Лишившись рано матери, онъ первоначальное воспитаніе получилъ подъ руководствомъ религіозной и доброй няни-нѣмки, которая научила его говорить и читать по-нѣмецки. Читать и писать по-русски научилъ его отецъ, который, обладая умѣньемъ выразительно читать, часто читалъ ему вслухъ стихи и прозу и заставлялъ его возможно-выразительно читать доступныя его возрасту произведенія, чѣмъ и заложилъ въ немъ охоту къ чтенію и пріучилъ его къ выразительности чтенія, въ которомъ Викторъ Петровичъ впослѣдствіи значительно усовершенствовался.

Въ 1851 году онъ замѣщенъ былъ въ петербургскую гимназію, гдѣ и пробылъ до окончанія курса. Изъ преподавателей гимназіи наиболѣе сильное вліяніе оказалъ на него Стоюнинъ, котораго онъ всегда считалъ «настоящимъ серьезнымъ педагогомъ, горячо любившимъ свое дѣло». Имѣлъ на него вліяніе и учитель латинскаго языка Лапшинъ, способствовавшій развитію въ немъ вкуса къ филологіи.

По окончаніи гимназическаго курса, В. П. поступилъ на филологическій факультетъ Петербургскаго университета. Здѣсь на развитіе его природныхъ способностей не могли не имѣть вліянія такіе профессора, какъ Костомаровъ, Стасюлевичъ, Пыпинъ, Никитенко и др. О Никитенкѣ В. П. Острогорскій говоритъ, что «онъ вселилъ въ немъ—юношѣ чутье художественной красоты, выучилъ его боготворить красоту, смотрѣть на искусство, какъ на святыню, требующую отъ ея жреца-художника возвышенной мысли, извѣстнаго подъема духа и достойной формы, безъ коей настоящаго искусства нѣтъ».

Будучи студентомъ, Викторъ Петровичъ принялъ дѣятельное участіе въ организаціи и веденіи обученія въ Васильеостровской воскресной школѣ.

По окончаніи (въ 1862 г.) курса въ университетѣ со степенью кандидата, Викторъ Петровичъ сначала давалъ уроки въ частныхъ пансіонахъ, а въ 1864 году получилъ назначеніе на должность преподавателя русскаго языка въ 1-й военной гимназіи и съ этого года непрерывно до своей смерти (въ 1902 г.) состоялъ преподавателемъ въ правительственныхъ учебныхъ

заведеніяхъ Петербурга. Онъ постоянно преподавалъ въ двухъ, а иногда даже и въ трехъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ въ теченіе болѣе чѣмъ тридцатипятилѣтней своей учительской дѣятельности онъ болѣе или менѣе продолжительное время преподавалъ и въ названной военной гимназіи, и въ мужской и женской гимназіи, и на женскихъ педагогическихъ курсахъ, и на драматическихъ курсахъ. Главнымъ предметомъ его преподаванія былъ русскій языкъ съ словесностью. На урокахъ словесности В. П. главное вниманіе обращалъ на близкое и осмысленное ознакомленіе учащихся съ художественными произведеніями русскихъ и иностранныхъ писателей и на возбужденіе въ нихъ посредствомъ этихъ произведеній гуманныхъ чувствъ и воззрѣній. И это ему удавалось, такъ какъ онъ самъ всегда проникнутъ былъ возвышенными чувствами и высокими идеями.

Викторъ Петровичъ во все продолженіе своей учительской дѣятельности стоялъ на высотѣ учительской миссіи. А такая миссія требуетъ отъ учителя такихъ качествъ, которыя очерчены имъ, между прочимъ, въ его статьѣ: «Учитель, гдѣ ты?». Истинный педагогъ, долженъ, по словамъ Виктора Петровича,—относиться съ интересомъ и любовью къ преподаваемому имъ предмету, согрѣвать и оживлять юношескую чистую душу любовью къ добру, къ истинѣ, красотѣ, наукѣ, искусству,—словомъ, ко всему тому, что краситъ жизнь; онъ долженъ оказывать своимъ маленькимъ питомцамъ ласку, снисходительность, одобреніе, долженъ показать учащимся на себѣ самомъ примѣръ увлеченія своимъ дѣломъ, примѣръ строгаго, серьезнаго отношенія къ самому себѣ.

Кромѣ учительской дѣятельности, Викторъ Петровичъ неоднократно читалъ публичныя лекціи, преимущественно по словесности, выразительному чтенію и искусству.

Въ послѣдніе годы своей жизни онъ принималъ участіе въ качествѣ лектора на лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ земскихъ школъ (во Владимірѣ, Курскѣ, Пензѣ).

Какъ на своихъ урокахъ, такъ и на своихъ лекціяхъ Викторъ Петровичъ всецѣло воодушевлялся тѣмъ предметомъ, который онъ излагалъ, и его одушевленіе невольно передавалось его ученикамъ или слушателямъ, и его уроки или лекціи производили на нихъ сильное впечатлѣніе.

Вотъ что говоритъ объ его урокахъ бывшій его ученикъ по гимназіи (Н. Позняковъ): «Да, для него (Викт. Петровича) урокъ былъ священно-дѣйствіемъ: тутъ мы, ученики, слышали слово доброе, горячее, любвеобильное. Позднѣе, даже въ университетѣ, я никогда не слышалъ такого лектора, какъ Викторъ Острогорскій, такого выразителя человѣческихъ мыслей и чувствъ, такого излагателя фактовъ, выяснителя отвлеченныхъ понятій, столь доступнаго по простотѣ своего слова, столь увлекательнаго въ красотѣ своей рѣчи. Мы слушали, и умилялись, и увлекались въ истинномъ смыслѣ; мы вникали въ литературныя произведенія и проникались ихъ идеями, подробностями и всѣмъ тѣмъ, что проскользнуло бы мимо маловдумчиваго читателя». А вотъ какъ отзывались учителя и учительницы о лекціяхъ Виктора Петровича на Курскихъ курсахъ: «На лекціяхъ насъ, учителей и учительницъ, охватывало то настроеніе, которое нельзя вызвать никакими искусственными пріемами, предписаніями и программами. Чувствовалось всѣми, что говорилъ человѣкъ,

глубоко вѣрующій въ истину и пользу той воспитательной идеи, служенію которой онъ посвятилъ всю свою жизнь... Искренняя, правдивая рѣчь лектора невольно проникала въ сердце и возвышала душу».

Одновременно съ своею учительской дѣятельностью, Викторъ Петровичъ занимался и литературною дѣятельностью. Онъ помѣщалъ свои статьи и въ общихъ, и въ спеціально-педагогическихъ журналахъ («Семьѣ и Школѣ», «Учителѣ», «Женскомъ образованіи», «Вѣстникѣ воспитанія», «Воспитаніи и Обученіи», «Педагогическомъ листкѣ» и др.). Изъ его литературныхъ трудовъ, изданныхъ отдѣльными книгами, для учителя имѣютъ болѣе важное значеніе слѣдующіе: «Русскіе писатели, какъ воспитательный и образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу», «Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній», «Бесѣды о преподаваніи словесности», «Выразительное чтеніе», «Письма объ эстетическомъ образованіи». Слѣдуетъ назвать также и слѣдующія сочиненія, чтеніе которыхъ несомнѣнно можетъ быть полезнымъ для учителя: «Этюды о русскихъ писателяхъ», «Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей», «Изъ міра великихъ преданій», «Хорошіе люди».

Викторъ Петровичъ состоялъ нѣкоторое время редакторомъ «Дѣтскаго чтенія» и «Педагогическаго листка», а въ послѣдніе десять лѣтъ редактировалъ журналъ «Міръ Божій».

При своихъ сложныхъ занятіяхъ, В. П. находилъ время для дѣятельнаго участія въ собраніяхъ Петербургскаго педагогическаго общества и въ Петербургскомъ Комитетѣ грамотности. Въ «Систематическомъ обзорѣ русской учебной народной литературы», изданномъ «Комитетомъ грамотности», В. П. редактировалъ, между прочимъ, отдѣлъ по русскому языку.

За шесть лѣтъ до смерти, В. П. организовалъ на своей родинѣ, въ Валдаѣ, начальное двуклассное училище, которое и содержалось главнымъ образомъ на его же средства, или на средства, собранныя изъ читанныхъ имъ въ пользу училища публичныхъ лекцій. Передъ своею смертью онъ поручилъ обществу заботу объ устроенномъ имъ училищѣ.

Вызывая чувства общаго уваженія и любви своими многосторонними плодотворными трудами, В. П. вызывалъ такія же чувства во многихъ изъ знавшихъ его и своими личными качествами. Онъ никогда не измѣнялъ своимъ высокимъ идеаламъ и всегда относился къ людямъ въ высшей степени гуманно и доброжелательно. Онъ въ каждомъ видѣлъ лишь лучшую его сторону и старался не замѣчать недостатковъ и пороковъ его. Онъ всегда жилъ для общаго дѣла и не отдѣлялъ личной жизни и своихъ личныхъ интересовъ отъ общественной жизни и общихъ интересовъ, интересовъ школы, литературы.

Для характеристики личности В. П. приведемъ слѣдующее стихотвореніе одной изъ бывшихъ ученицъ его, написанное по полученіи извѣстія о смерти его (31 марта 1902 г.):

«Ты умеръ... Эта вѣсть вчера дошла до слуха,
Но среди насъ стоишь ты, какъ живой,
И вновь звучатъ слова: «Не угашайте духа»,
    Ты ихъ не уставалъ вѣщать передъ толпой.
Въ тебѣ душа избранника пылала,

Она была, какъ пламя, горяча,
Она твой путь тернистый освѣщала
И жгла тебя, горѣлъ ты, какъ свѣча...

Есть много званыхъ, избранныхъ такъ мало.
Ты изъ «*немногихъ*» былъ, учитель дорогой,
Но сердце чуткое за многихъ отвѣчало
На всякій звукъ призывный и родной.

И это сердце биться перестало,
И утомленная поникла голова,
Струны отзывчивой, надорванной не стало,
Вернулась къ Богу искра Божества

XX.

Левъ Ивановичъ Поливановъ.

Среди московскихъ педагоговъ во вторую половину минувшаго столѣтія одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ Левъ Ивановичъ Поливановъ (1837—1899 г.). Уроженецъ Нижегородской губ., онъ обучался въ московской гимназіи, а затѣмъ—въ московскомъ университетѣ, по филологическому факультету, курсъ котораго оконченъ имъ, въ 1861 году, со степенью кандидата. Затѣмъ онъ поступилъ въ существовавшіе тогда при университетѣ педагогическіе курсы. Будучи педагогомъ по призванію, онъ, избравши себѣ педагогическую дѣятельность, не оставлялъ ее до конца своей жизни. Онъ былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности во многихъ московскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ 1868 году онъ, при участіи нѣсколькихъ товарищей, основалъ свою мужскую гимназію, на которой сосредоточилъ всю дальнѣйшую свою практическую дѣятельность. Благодаря неутомимой энергіи своего директора и умѣлому подбору имъ же своихъ сотрудниковъ, Поливановская гимназія внушала своимъ питомцамъ чувство уваженія и признательности къ воспитавшему ихъ заведенію.

Левъ Ивановичъ былъ неутомимый работникъ. Онъ всецѣло отдавался труду. «Можно безъ преувеличенія сказать, что вся трудовая жизнь этого работника прошла въ классахъ гимназіи и за письменнымъ столомъ—въ кабинетѣ».

Поливановъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ классической системы образованія; но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ законность существованія также и школъ реальной и профессіональной; онъ считалъ только полезнымъ, чтобы лучшія силы страны, призванныя руководить ея жизнью, непремѣнно проходили чрезъ классическую школу.

Литературно-педагогическіе труды Поливанова относятся преимущественно къ русскому языку и словесности.

Къ трудамъ по русскому языку, употребляющимся и въ настоящее время во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, относятся: «Краткій учебникъ русской грамматики», «Русская и церковно-славянская этимологія», «Русскій синтаксисъ» и три части «Русской хрестоматіи». Въ предисловіи къ «Русской хрестоматіи» Поливановъ излагаетъ глубокія и содержательныя замѣчанія относительно веденія объяснительнаго чтенія, при чемъ приводитъ и примѣры такого чтенія.

Для начальнаго обученія Поливановымъ составлены «Первая и вторая пчелка».

Для изученія русской словесности составлены Поливановымъ пособія: 1) «Избранныя сочиненія Державина и Карамзина»; 2) «Сочиненія А. С. Пушкина», съ подробными объясненіями и примѣчаніями къ каждому произведенію великаго поэта и сводомъ критики; этотъ трудъ удостоенъ академіей

наукъ большой золотой медали, а Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія—преміи Петра Великаго; 3) «Библіотека по русскому и церковно-славянскому языку и словесности» (пять томовъ); 4) «В. А. Жуковскій и его произведенія» (подъ псевдонимомъ «П. Загаринъ»).

Важнымъ пособіемъ для учителей служитъ составленная при ближайшемъ участіи и непосредственномъ руководствѣ Поливанова—«Учебно-воспитательная библіотека», изданная учебнымъ отдѣломъ Московскаго Общества распространенія техническихъ знаній.

Кромѣ того, Поливанову принадлежитъ рядъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; таковы, напр., статьи: «Уроки объяснительнаго чтенія и логическаго разбора», «Матеріалы для біографіи Пушкина», «М. Ю. Лермонтовъ» и мног. друг.

Не мало Л. И. Поливановъ перевелъ съ иностранныхъ языковъ; такъ, онъ перевелъ «Мизантропъ»—Мольера, «Гооолія»—Расина. Переводы эти удостоены академической награды. Затѣмъ имъ переведены еще: «Іоаннъ Златоустъ и царица Евдокія» и «Аларихъ»—Амедея Тьери, «Горацій»—Корнеля, «Федра»—Расина. Всѣ переводы снабжены объяснительными и вступительными статьями.

При своихъ многочисленныхъ занятіяхъ, практическихъ и литературныхъ, Поливановъ находилъ время принимать дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ «Педагогическаго кружка», «Комитета грамотности», «Общества распространенія техническихъ знаній» и «Шекспировскаго кружка», котораго онъ былъ основателемъ.

Неустаннымъ трудолюбіемъ, твердостью и благородствомъ убѣжденій и служеніемъ высшимъ идеаламъ Поливановъ оказывалъ благотворное вліяніе на всѣхъ окружавшихъ его. «Для всѣхъ, знавшихъ Льва Ивановича, онъ всегда былъ», говоритъ Д. И. Тихомировъ,—«достойнымъ подражанія образцомъ сильной воли, неустанной энергіи и беззавѣтнаго труда, а въ исторіи русскаго учебнаго дѣла онъ навсегда займетъ видное мѣсто по своимъ выдающимся вдумчивымъ и полезнымъ трудамъ».

XXI.

Алексѣй Андреевичъ Хованскій.

А. А. Хованскій, изданіемъ и редактированіемъ въ теченіе 38 лѣтъ журнала «Филологическія записки», — содѣйствовалъ распространенію среди русскихъ учителей педагогическихъ идей и разработкѣ вопросовъ по методикѣ обученія русскому языку въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Ал. Андр. Хованскій родился въ 1814 году. Рано лишившись отца и оставшись съ матерью, онъ 18 лѣтъ вступилъ въ трудовую жизнь. Сначала онъ былъ преподавателемъ въ Камышинскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ прослужилъ 5 лѣтъ. Въ 1842 году въ Камышинѣ остановился проѣздомъ въ Оренбургъ подполковникъ В. А. Половцевъ, командированный для инспектированія нѣкоторыхъ кадетскихъ корпусовъ. Это былъ человѣкъ любознательный и интересовавшійся педагогическимъ дѣломъ. Услышавши отъ смотрителя камышинскаго духовнаго училища о Хованскомъ, какъ о лучшемъ учителѣ русскаго языка, составляющемъ притомъ русскую грамматику, В. А. Половцевъ пожелалъ познакомиться съ нимъ. Результатомъ продолжительной бесѣды между Половцевымъ и Хованскимъ было приглашеніе послѣдняго на должность учителя Воронежскаго корпуса, куда Половцевъ опредѣленъ былъ инспекторомъ классовъ. Хованскій съ большою охотой принялъ предложенную ему должность. Онъ выдержалъ установленное испытаніе и утвержденъ былъ учителемъ русскаго языка Воронежскаго корпуса. Условія службы въ этомъ корпусѣ способствовали педагогическому самоусовершенствованію учителей. Составъ преподавателей былъ удаченъ. Въ числѣ своихъ сослуживцевъ А. А. Хованскій имѣлъ такихъ учителей русскаго языка, какъ Говоровъ, Де-Пуле, Бунаковъ. И всѣ они были объединены общимъ дѣломъ, общими интересами. Въ корпусѣ часто собирались педагогическія конференціи для разработки различныхъ учебно-воспитательныхъ вопросовъ. Кромѣ того, преподаватели корпуса составляли записки своихъ учебныхъ курсовъ. Записки эти литографировались на средства корпуса и раздавались кадетамъ для руководства. Благодаря такимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, у Ал. Андр. Хованскаго возникла мысль о необходимости такого журнала, въ которомъ печатались бы труды учителей и который служилъ бы органомъ для обмѣна мыслей между учителями. «Не взяться ли мнѣ за изданіе такого органа»? думалъ Алексѣй Андреевичъ. «Мысль эта», говоритъ онъ въ одной изъ своихъ записокъ, — «занимала меня ежедневно и не давала покоя. Долго я лелѣялъ эту мысль, обдумывалъ *за* и *противъ*. Наконецъ попробовалъ набросать очеркъ программы, — вижу дѣло выйдетъ полезное... Я такъ увлекся своимъ предпріятіемъ, что рѣшительно не думалъ о трудностяхъ по изданію съ матеріальной стороны»... Главное управленіе по дѣламъ печати и высшее начальство

корпуса разрѣшили Хованскому издавать по составленной имъ программѣ журналъ И съ 1861 года стали выходить книжки «Филологическихъ Записокъ». Но подписчиковъ на журналъ было очень мало, въ первыя 5 лѣтъ не доходили до 170. Выручкой съ экземпляровъ журнала далеко не покрывались расходы по изданію ихъ. Недостающую сумму приходилось пополнять изъ учительскаго жалованья. Къ тому же веденіе журнала поглощало все время и силы Алексѣя Андреевича. Онъ не зналъ отдыха, работалъ и въ будни, и въ праздники. По утрамъ—уроки въ корпусѣ, послѣ полудня до глубокой ночи—занятія по журналу. Помощника Алексѣй Андреевичъ не имѣлъ, да и не было на что нанять такового. Все дѣлалъ самъ Алексѣй Андреевичъ: онъ и отвѣчалъ на многочисленныя письма, получаемыя въ редакціи, и прочитывалъ и исправлялъ рукописи, и исправлялъ корректурные листы, и дѣлалъ замѣчанія на текстъ статей. Алексѣя Андреевича только и можно было видѣть или въ классѣ на урокахъ, или въ своей скромной квартиркѣ, за работой по журналу. Нужно было обладать особою любовью къ дѣлу, чтобы ради его отрѣшиться отъ другихъ жизненныхъ интересовъ, промѣнять спокойный, болѣе здоровый образъ жизни на однообразныя, утомительныя редакторскія занятія. Иногда подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ, у Алексѣя Андреевича возникала мысль прекратить изданіе журнала, но онъ гналъ эту мысль. «Прекратить изданіе значило бы» говорилъ онъ,—«посягнуть на жизнь только что возродившагося на свѣтъ своего дѣтища, что было бы равносильно преступленію». И онъ, не взирая на всевозможныя препятствія, неудачи и холодное отношеніе къ журналу публики, терпѣливо велъ принятое на себя дѣло. Его воодушевляло лишь стремленіе принести какъ можно больше пользы наукѣ и русской школѣ.

Въ 1867 году Алексѣй Андреевичъ, прослуживши въ корпусѣ установленный срокъ учебной службы, вышелъ въ отставку съ пенсіей. Съ этого времени онъ сосредоточилъ всю свою дѣятельность на изданіи «Филологическихъ Записокъ» и только иногда, подъ гнетомъ нужды, принималъ на себя какую-нибудь частную работу (напр., редактированіе «Воронежскаго телеграфа»).

Ученые и Учебные Комитеты различныхъ вѣдомствъ оцѣнили «Филологическія Записки» по достоинству и рекомендовали ихъ учебнымъ заведеніямъ.

Къ «Филологическимъ Запискамъ» примкнули своими трудами выдающіеся русскіе профессоры и преподаватели. Профессоры: Буслаевъ, Гротъ, Галаховъ, Бодуэнъ-де-Куртенэ, Веселовскій, Котляревскій, Лавровскій, Потебня, Срезневскій, Некрасовъ, Карѣевъ, Миллеръ и многіе другіе помѣщали свои ученые труды въ «Филологическихъ Запискахъ». Изъ лицъ, служащихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и помѣщавшихъ свои труды въ томъ же журналѣ, упомянемъ: Барсова, Анастасіева, Бунакова, Флерова, Де-Пуле, Аѳанасьева и друг.

Алексѣй Андреевичъ сердечнымъ, искреннимъ отношеніемъ къ своимъ сотрудникамъ привлекъ къ себѣ ихъ сердца. Кому приходилось переписываться съ нимъ, тѣ знали, какое пріятное, бодрящее и успокаивающее впечатлѣніе производили его письма. Они всегда носили отпечатокъ глубокой, чистой

души Алексѣя Андреевича. Алексѣй Андреевичъ имѣлъ удивительную способность поддерживать и направлять молодыя силы. Можно съ увѣренностью сказать, что не издавай онъ «Филологическихъ Записокъ», многіе преподаватели, способствовавшіе своими трудами, помѣщенными въ этомъ журналѣ,— разработкѣ вопросовъ филологіи и педагогики, не найдя исхода своимъ мыслямъ, не оставили бы послѣ себя никакого слѣда въ педагогической литературѣ.

А. А. Хованскій скончался въ 1899 году, на 86-мъ году своей жизни, до конца дней своихъ усердно работая надъ своимъ журналомъ «Филологическія Записки».

XXII.

Иванъ Өедоровичъ Решевскій.

Иванъ Өед. Рашевскій былъ выдающимся педагогомъ - практикомъ. Въ своемъ душевномъ складѣ онъ обладалъ данными, важными для хорошаго учителя и воспитателя.

Будучи уроженцемъ одной изъ южныхъ губерній, онъ окончилъ курсъ филологическихъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ. По окончаніи курса, онъ лѣтъ десять служилъ преподавателемъ русскаго языка, сначала въ Курской, а затѣмъ въ Орловской гимназіи. Въ 1863 году онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь въ это время военно-учебныя заведенія преобразовывались на новыхъ началахъ. Во главѣ преобразовательной дѣятельности стояли: главный начальникъ этихъ заведеній Н. В. Исаковъ и директоръ 2-ой военной гимназіи Г. Г. Даниловичъ. Послѣдній, обладая поразительной способностью опредѣлять внутреннія достоинства людей, обратилъ вниманіе на молодого еще тогда учителя русскаго языка, Ивана Өедоровича Рашевскаго, и предложилъ ему уроки въ своей гимназіи. Черезъ годъ онъ выхлопоталъ ему командировку за-границу для изученія педагогическаго дѣла. Возвратившись изъ-за границы, Иванъ Өедоровичъ представилъ обстоятельный отчетъ о постановкѣ преподаванія отечественнаго языка въ Западно-Европейскихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отчетъ этотъ былъ напечатанъ. Съ этого времени открылось широкое поле для педагогической дѣятельности Ивана Өедоровича. Учебныя заведенія Петербурга охотно предлагали ему принять на себя уроки русскаго языка. И, состоя преподавателемъ 2-ой военной гимназіи, Иванъ Өедоровичъ обыкновенно имѣлъ еще занятія въ другихъ заведеніяхъ. Такъ, онъ преподавалъ въ Ларинской гимназіи, въ Васильеостровской женской гимназіи и др. Но наиболѣе охотно, съ особеннымъ увлеченіемъ онъ работалъ въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя имѣли своею задачей подготовленіе учителей въ среднія или низшія учебныя заведенія. Такъ, въ концѣ 60-хъ годовъ мы видимъ его въ дѣятельности инспектора и преподавателя Андреевскихъ курсовъ для приготовленія народныхъ учителей; въ началѣ семидесятыхъ годовъ мы видимъ его инспекторомъ и преподавателемъ земской учительской школы. Кромѣ того, съ открытіемъ педагогическихъ курсовъ для подготовленія преподавателей въ военныя гимназіи, мы видимъ его въ числѣ руководителей этихъ курсовъ. Затѣмъ, позже, мы видимъ его инспекторомъ и преподавателемъ педагогическихъ курсовъ при петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ. Онъ самъ увлекался дѣломъ преподаванія и привлекалъ учащихся къ изученію преподаваемаго имъ предмета. Главнымъ предметомъ его преподаванія былъ русскій языкъ и методика этого предмета. Занимаясь на урокахъ русскаго языка объяснительнымъ чтеніемъ, онъ такъ искусно ставилъ вопросы, что ученики невольно вникали въ читаемое и усваивали его содержаніе и форму. Онъ

придавалъ значеніе не столько количеству, сколько качеству своихъ вопросовъ. Онъ зналъ всему мѣру. Онъ нерѣдко удерживалъ свою рѣчь, чтобы дать возможность больше говорить ученику. Каждое занятіе учениковъ на его урокахъ было осмыслено и цѣлесообразно. Ученики знали не только, что они дѣлаютъ, но также—для чего они дѣлаютъ. Онъ всегда возбуждалъ и направлялъ самодѣятельность учениковъ и, благодаря этому, они легко и разумно усваивали то, что имъ надлежало усвоить. Грамматику ученики его усваивали не по учебнику, а путемъ анализа рѣчи. Изъ подходящихъ примѣровъ ученики выводили грамматическіе законы и правила. При этомъ Иванъ Өедоровичъ удивительно послѣдовательно велъ курсъ, такъ что выводъ каждаго новаго грамматическаго закона или правила давался ученикамъ легко. Только послѣ ознакомленія учениковъ съ извѣстнымъ кругомъ грамматическихъ знаній, Иванъ Өедоровичъ, для приведенія въ извѣстную систему этихъ знаній, предлагалъ ученикамъ повторить усвоенное по учебнику.

Письменныя упражненія учениковъ Иванъ Өедоровичъ велъ въ связи съ устными ихъ упражненіями. Ученики путемъ классной бесѣды подготовлялись къ исполненію каждой письменной работы. При этомъ нисколько не подавлялась самодѣятельность учениковъ. Послѣдніе не только сознавали, что могутъ исполнить предложенную имъ письменную работу, но и охотно исполняли ее, какъ дѣло, удовлетворяющее потребности ихъ въ душевной дѣятельности.

Наиболѣе искуснымъ Иванъ Өедоровичъ былъ въ преподаваніи методики русскаго языка. Обладая солидной педагогической подготовкой, онъ самъ много работалъ надъ методикой обученія отечественному языку. И можно съ увѣренностью сказать, что не осталось ни одного вопроса въ методикѣ русскаго языка, надъ которымъ бы онъ не поработалъ серьезно. Да и не мало поводовъ было ему призадуматься надъ рѣшеніемъ методическихъ вопросовъ: кромѣ преподаванія методики въ педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ, Ивану Өедоровичу въ семидесятыхъ годахъ приходилось нѣсколько разъ руководить педагогическими курсами и съѣздами начальныхъ учителей.

Съ восьмидесятыхъ годовъ Иванъ Өедоровичъ сосредоточилъ свою дѣятельность преимущественно въ двухъ заведеніяхъ: въ женскихъ педагогическихъ курсахъ и Петровскомъ коммерческомъ училищѣ. Состоя начальникомъ этихъ заведеній, онъ не прекращалъ давать въ нихъ уроки.

Къ учащимся Иванъ Өедоровичъ относился участливо, отечески. Онъ зналъ индивидуальныя особенности каждаго своего ученика и сообразно съ этимъ вліялъ на него. Онъ пользовался рѣдкимъ авторитетомъ въ глазахъ учащихся, и они охотно подчинялись ему. Будучи ласковымъ, привѣтливымъ, искреннимъ и доступнымъ, онъ обладалъ вмѣстѣ съ тѣмъ поразительнымъ педагогическимъ тактомъ. Состоя руководителемъ педагогическихъ курсовъ для подготовленія преподавателей въ военно-учебныя заведенія, Иванъ Өедоровичъ, имѣя дѣло съ лицами, окончившими курсъ въ университетѣ или другомъ высшемъ учебномъ заведеніи, умѣлъ такъ себя поставить, что каждый изъ кандидатовъ-педагоговъ питалъ къ нему глубокое уваженіе и искренно любилъ его. Иванъ Өедоровичъ зналъ, когда нужно оказать помощь въ самостоятельныхъ занятіяхъ кандидата-педагога, и оказывалъ таковую. Онъ искренно

желалъ принести пользу своимъ ученикамъ или ученицамъ, и въ этомъ, между прочимъ, лежитъ причина успѣшности его педагогической дѣятельности.

Принимая живое участіе въ педагогическихъ конференціяхъ различныхъ учебныхъ заведеній, Иванъ Ѳедоровичъ всегда былъ ровнымъ, выдержаннымъ, всегда съ уваженіемъ относился къ мнѣнію другого лица; онъ никогда не стремился къ преобладанію надъ другими членами конференціи. Общее дѣло и общая польза всегда стояли у него на первомъ планѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что онъ, какъ выдающійся русскій педагогъ, былъ удостоенъ великой чести преподавать русскій языкъ и словесность Августѣйшимъ Дѣтямъ Императора Александра III.

XXIII.

Николай Θедоровичъ Бунаковъ.

Николай Θедоровичъ Бунаковъ всю жизнь свою посвятилъ педагогической дѣятельности и своими педагогическими трудами оказалъ значительныя услуги развитію школьнаго дѣла въ Россіи.

Родился Николай Θедоровичъ въ 1836 году въ г. Вологдѣ. Окончивъ въ 1854 году курсъ ученія въ Вологодской гимназіи, онъ началъ свою учительскую дѣятельность въ вологодскомъ уѣздномъ училищѣ. За успѣшное веденіе обученія, онъ былъ назначенъ, въ 1862 году, учителемъ приготовительнаго класса Вологодской гимназіи. Затѣмъ въ 1866 году, послѣ десятилѣтней учительской службы въ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, и годового отдыха, онъ былъ назначенъ учителемъ младшихъ классовъ Воронежской военной гимназіи. Въ Воронежѣ протекла вся послѣдующая служебная дѣятельность Ник. Θедоровича.

Состоя на службѣ въ Воронежской военной гимназіи, а ранѣе въ Вологодской гимназіи, Ник. Θед. очень много трудился для своего педагогическаго самообразованія: онъ внимательно изучалъ педагогическія сочиненія.

Въ Воронежѣ Ник. Θед. открылъ начальную школу. Въ основаніе учебно-воспитательнаго дѣла въ этой школѣ были положены, по словамъ самого Бунакова, слѣдующія начала: «во-первыхъ, развитіе и обученіе учащихся опиралось исключительно на живые примѣры, на нравственное воздѣйствіе, на внутренній интересъ занятій; во-вторыхъ, широко примѣнялись ко всѣмъ занятіямъ, безъ различія предметовъ, начала наглядности; въ-третьихъ, принята была такая организація школьной жизни, чтобы она вела дѣтей къ всестороннему и самодѣятельному развитію ихъ природы».

Работая въ этой школѣ, Ник. Θед. на практикѣ совершенствовался въ дѣлѣ начальнаго образованія. «Мнѣ лично школа», говоритъ Бунаковъ,— «дала массу наблюденій и цѣннаго опыта. Я получилъ возможность на дѣлѣ провѣрить тѣ педагогическія идеи и теоріи, которыя мнѣ дало изученіе педагогической литературы—не только русской, которая тогда была еще очень бѣдна, а главнымъ образомъ, конечно, нѣмецкой, богатой и авторитетной въ глазахъ образованнаго міра».

Вышедши въ 1884 г. въ отставку, Ник. Θед. поселился въ деревнѣ, въ своемъ имѣніи, въ Воронежскомъ уѣздѣ, основалъ здѣсь училище и, работая въ немъ, продолжалъ составлять свои педагогическіе труды, удѣляя (съ 1897 г.) лѣтніе мѣсяцы руководительству педагогическими курсами.

Изъ педагогическихъ трудовъ Бунакова первыми по времени явились три книжечки «Азбуки и уроковъ чтенія и письма». Первое изданіе этихъ книжекъ явилось въ 1871 году. Весь процессъ обученія грамотѣ Бунаковъ раздѣлилъ на три ступени, при чемъ каждая ступень раздѣлена на 10 уроковъ. Въ каждый урокъ Бунаковъ ознакамливаетъ учениковъ съ одною буквой

и однимъ звукомъ. Попутно съ ознакомленіемъ со звуками и буквами, ученики упражняются въ чтеніи и письмѣ, для чего подобранъ подходящій матеріалъ, состоящій сначала изъ отдѣльныхъ словъ, предложеній, пословицъ и затѣмъ послѣдовательно переходящій къ коротенькимъ разсказцамъ, стишкамъ и т. п. Въ концѣ 3-ей книжки приложенъ матеріалъ для чтенія по церковно-славянски. Для этого чтенія Бунаковъ даетъ доступный ученикамъ текстъ, причемъ славянскія буквы, отличныя отъ русскихъ, вводятся постепенно.

Въ первыхъ изданіяхъ «Азбуки» предметные уроки были поставлены въ самую тѣсную связь съ обученіемъ учениковъ грамотѣ, т. е. съ ознакомленіемъ ихъ со звуками и буквами. Прежде чѣмъ разложить слово на звуки и выдѣлить изъ него требуемый новый звукъ, ученики, подъ руководствомъ учителя, самымъ подробнымъ образомъ разсматривали предметъ, названіе котораго взято для выдѣленія новаго звука. Такое соединеніе предметныхъ уроковъ съ уроками грамоты отвлекало вниманіе учениковъ отъ настоящаго предмета занятій—изученія грамоты. Кромѣ того, такое соединеніе предметнаго обученія съ уроками грамоты затрудняло учителя въ выборѣ словъ для выдѣленія нужныхъ звуковъ. Въ послѣдующихъ изданіяхъ «Азбуки» указанный недостатокъ устраненъ. Да и вообще нужно сказать, что Ник. Ѳед. постоянно улучшалъ свою «Азбуку», такъ что въ настоящее время она считается одною изъ лучшихъ книгъ для обученія грамотѣ.

Къ «Азбукѣ» составлена авторомъ «Книга для учителей», въ которой подробно изложено, какъ слѣдуетъ вести обученіе грамотѣ по «Азбукѣ».

Въ 1872 году Ник. Ѳед. дѣлалъ въ Москвѣ начальнымъ учителямъ и учительницамъ, собравшимся для обозрѣнія выставки, сообщенія по методикѣ русскаго языка. Такія же сообщенія дѣлалъ онъ и въ руководимыхъ имъ въ различныхъ мѣстахъ съѣздахъ начальныхъ учителей. Сообщенія эти были пополнены и изданы подъ заглавіемъ «Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ». Спустя нѣсколько лѣтъ, Николай Ѳедоровичъ расширилъ содержаніе книги «Родной языкъ» и, пополнивъ ее главами общедидактическаго характера, издалъ ее подъ заглавіемъ «Школьное дѣло». Въ этомъ трудѣ изложены взгляды Ник. Ѳедоровича на задачи школьнаго обученія, на формы обученія, примѣнимыя въ начальной школѣ, и подробно изложены всѣ занятія, входящія въ кругъ обученія родному языку въ народной школѣ, именно: предметное обученіе, обученіе грамотѣ, объяснительное чтеніе, письменныя упражненія и обученіе начальной грамматикѣ. Разсматривая въ отдѣльности каждое изъ этихъ занятій, Бунаковъ не упускаетъ внутренней связи ихъ: всѣ они ведутъ къ одной общей цѣли—пониманію устной и письменной рѣчи другихъ и умѣнію устно и письменно излагать свои мысли.

Народная школа, по мысли Бунакова, не должна ограничивать свою дѣятельность лишь узкой цѣлью научить дѣтей грамотѣ и сообщить имъ извѣстныя знанія. Она, главнымъ образомъ, должна воспитательно влiять на учениковъ, приготовляя ихъ къ жизни честной, разумной, не отрывая ихъ отъ родного труда и родной среды. Она должна возбудить въ ученикахъ потребность къ духовному самоусовершенствованію и открыть имъ средства къ такому самоусовершенствованію.

Центральнымъ учебнымъ предметомъ въ начальной школѣ Бунаковъ считаетъ родной языкъ, какъ орудіе мышленія. Но слово, какъ орудіе мышленія, имѣетъ значеніе только тогда, когда въ душѣ человѣка существуетъ то, что обозначается словомъ. Отсюда вытекаетъ признаніе Бунаковымъ принципа наглядности обученія. Требованіе наглядности примѣняется къ обученію всѣмъ учебнымъ предметамъ. Такъ, оно примѣняется и при обученіи грамотѣ, когда дѣти сперва изучаютъ звуки и звуковыя сочетанія, а отъ звуковъ, какъ матеріала, переходятъ къ буквамъ, какъ обозначенію ихъ; оно примѣняется при объяснительномъ чтеніи, если при чтеніи въ сознаніи учениковъ возникаютъ соотвѣтственныя представленія и понятія; оно примѣняется при обученіи грамматикѣ, если ученики ознакамливаются съ грамматическими знаніями, выводя ихъ изъ наблюденія надъ понятной имъ рѣчью и т. п.

Признавая необходимымъ вести наглядно обученіе всѣмъ предметамъ элементарнаго курса, Бунаковъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ необходимымъ веденіе въ начальной школѣ такъ называемыхъ наглядныхъ или предметныхъ уроковъ, считая, что такіе уроки въ значительной мѣрѣ расширяютъ умственный кругозоръ учениковъ, пріучаютъ ихъ къ внимательности и способствуютъ развитію ихъ устной рѣчи. Онъ указываетъ программу предметныхъ уроковъ и подробно излагаетъ веденіе этихъ уроковъ, причемъ приводитъ, для примѣра, нѣсколько уроковъ по предметному обученію.

Въ главѣ «Обученіе грамотѣ» Бунаковъ излагаетъ звуковой способъ обученія письму-чтенію. Ученики ознакамливаются со звуками путемъ выдѣленія ихъ изъ словъ. Ознакомившись со звукомъ, они ознакамливаются съ соотвѣтственной буквой, причемъ примѣняютъ свое знаніе къ чтенію и письму словъ и фразъ.

Н. Ѳ. признаетъ нормальнымъ слѣдующій планъ урока, направленнаго къ ознакомленію учениковъ со звукомъ и буквой: 1) бесѣда учителя о предметѣ, находящемся передъ глазами учениковъ или изображенномъ на картинѣ; 2) разложеніе слова (названія разсмотрѣннаго предмета) на звуки и выдѣленіе звуковъ; 3) сочетаніе знакомыхъ звуковъ въ слова; 4) разложеніе новыхъ словъ на знакомые звуки; 5) ознакомленіе учениковъ съ письменнымъ и печатнымъ начертаніемъ буквъ, и 6) письмо буквы и чтеніе и письмо словъ.

Бунаковъ требуетъ, чтобы ученики при обученіи грамотѣ съ первыхъ же шаговъ пріучались не только къ процессу чтенія, но и сознательному отношенію къ читаемому, о чемъ онъ и говоритъ въ главѣ «Объяснительное чтеніе».

Задача объяснительнаго чтенія, по мнѣнію Бунакова, состоитъ въ томъ, чтобы научить дѣтей соединять съ каждымъ прочитаннымъ словомъ принадлежащее ему значеніе, усваивать мысль, выраженную въ каждомъ предложеніи читаемаго текста, понимать связь между предложеніями и основную мысль всего сочиненія, какъ одного цѣлаго.

Въ процессѣ веденія объяснительнаго чтенія Бунаковъ выдѣляетъ три главныхъ момента: самое чтеніе, катехизацію и связное изложеніе выводовъ.

При чтеніи должна быть соблюдаема послѣдовательность какъ въ подборѣ матеріала, такъ и въ формѣ и характерѣ веденія объяснительнаго чтенія.

Въ главѣ «Письменныя упражненія» Бунаковъ разсматриваетъ всѣ виды письменныхъ упражненій, начиная отъ письма словъ и фразъ до письменнаго изложенія своихъ мыслей. Онъ требуетъ, чтобы съ первыхъ же шаговъ обученія письму ученики послѣдовательно и одновременно пріучались къ письму красивому, сознательному и правильному. Разсматривая въ отдѣльности письменныя упражненія, направленныя къ пріученію учениковъ писать 1) четко и красиво, 2) орѳографически-правильно и 3) ясно, точно и послѣдовательно, Бунаковъ говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о способахъ исправленія этихъ упражненій.

Въ пятомъ отдѣлѣ излагается о веденіи обученія учениковъ начальной школы элементарной грамматикѣ. Грамматическое обученіе онъ признаетъ необходимымъ какъ для сознательнаго пользованія рѣчью, такъ и для наученія учениковъ орѳографически-правильному письму.

Грамматическій матеріалъ, подлежащій усвоенію учениками, распредѣляется Бунаковымъ на три концентра: 1) подготовительный курсъ, 2) выясненіе главнѣйшихъ этимологическихъ и синтактическихъ знаній и 3) разработка существенныхъ подробностей.

Въ основаніе метода обученія грамматикѣ должно быть положено наблюденіе учениковъ надъ рѣчью. Учитель руководитъ такимъ наблюденіемъ. Выведенныя грамматическія знанія ученики закрѣпляютъ подходящими примѣрами и письменными и устными упражненіями. Грамматическіе термины являются обозначеніемъ грамматическихъ понятій, выведенныхъ учениками индуктивнымъ путемъ. Каждое грамматическое свѣдѣніе приводится въ извѣстную связь съ раньше выработанными свѣдѣніями. При прохожденіи грамматики не слѣдуетъ спѣшить.

Изложивши методическія положенія относительно обученія учениковъ грамматикѣ, Бунаковъ приводитъ значительное количество примѣровъ методической проработки грамматическаго матеріала.

Изложенныя методическія требованія относительно преподаванія грамматики нашли свое осуществленіе въ составленномъ Бунаковымъ «Концентрическомъ учебникѣ русской грамматики». Весь грамматическій курсъ Бунаковъ распредѣляетъ на три концентра. Въ каждомъ послѣдующемъ концентрѣ расширяются знанія, пріобрѣтенныя въ предыдущемъ концентрѣ, и примыкаютъ къ нимъ.

Кромѣ названныхъ книгъ, Бунаковымъ составлена «Первинка», предназначенная для обученія русскому языку дѣтей, прошедшихъ «Азбуку».

Для дальнѣйшихъ занятій по русскому языку составлены Бунаковымъ три части книги «Въ школѣ и дома».

Для среднихъ учебныхъ заведеній составлены Бунаковымъ четыре выпуска «Хрестоматіи», съ примѣчаніями.

Для облегченія начальнымъ учителямъ распредѣлять занятія въ трехъ отдѣленіяхъ начальной школы, Бунаковъ составилъ брошюру: «Школьный годъ. Распредѣленіе учебныхъ занятій и сомостоятельныхъ ученическихъ работъ въ народной школѣ».

Кромѣ означенныхъ трудовъ, Бунаковымъ составлены «Таблицы для обученія чтенію», «Русская подвижная школа, воскресные повторительные

уроки», рядъ статей, касающихся постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ начальной школѣ и отчеты по руководительству педагогическими курсами для начальныхъ учителей. Статьи эти и отчеты были напечатаны въ педагогическихъ журналахъ.

Въ концѣ 1903 года появилась первая часть новаго сочиненія Бунакова подъ заглавіемъ «Живое Слово» учебная книга для начальной школы въ двухъ частяхъ.

Ознакомиться съ этимъ новымъ сочиненіемъ Бунакова можно изъ того предисловія, которое помѣщено въ первой части «Живого Слова».

Въ начальной народной школѣ, конечно, невозможна «наука», въ истинномъ и точномъ смыслѣ этого названія, но возможны и желательны элементы научнаго знанія, по скольку они содержатся въ живомъ словѣ, устно-народномъ и литературномъ. Живое слово и должно служить источникомъ знанія, орудіемъ для всесторонняго развитія учащихся въ народной школѣ.

Эта мысль положена въ основу предлагаемой книги, которая именно въ этомъ смыслѣ и названа «Живымъ Словомъ».

Составлена книга такъ, чтобы всякій мыслящій учитель, хорошо изучившій ее, могъ самодѣятельно и цѣлесообразно использовать содержащійся въ ней словесный матеріалъ безъ всякаго особаго руководства, только при помощи объяснительныхъ и дополнительныхъ примѣчаній, которыми снабженъ этотъ матеріалъ. Онъ снабженъ также обильнымъ подборомъ словесныхъ упражненій», устныхъ и письменныхъ, чтобы учащіеся научались не только понимать живое русское слово, обогащая изъ него свой внутренній міръ, но и сознательно владѣть имъ для выраженія своего внутренняго міра. Въ стихахъ подчеркнуты тѣ слова, на которыя слѣдуетъ обращать особенное вниманіе, чтобы придать чтенію надлежащую выразительность.

Книга состоитъ изъ двухъ частей.

Первая часть постепенно ведетъ читателей изъ родного дома, изъ семьи, на широкій просторъ отечества, съ его природой и населеніемъ, связывая съ чтеніемъ необходимѣйшія грамматическія обобщенія, при весьма ограниченномъ числѣ терминовъ, основывая эти обобщенія на непосредственныхъ наблюденіяхъ живого языка и направляя ихъ къ установленію въ учащихся сознательнаго, вдумчиваго отношенія къ языку. Эта часть назначается для второго года обученія и раздѣлена на четыре отдѣла, содержаніе которыхъ достаточно опредѣляется ихъ заглавіями (въ оглавленіи).

Вторая часть вводитъ читателей въ область явленій душевной жизни, въ минувшую жизнь отечества и въ общую жизнь всего великаго Божьяго міра, связывая съ чтеніемъ выясненіе начальныхъ понятій о дѣятельности мышленія и вообще о проявленіяхъ душевныхъ силъ человѣка—какъ въ обыденной жизни, такъ и въ событіяхъ народной исторіи. Эта часть назначается для третьяго года обученія; матеріалъ въ ней расположенъ группами (5 группъ), содержаніе которыхъ опять-таки опредѣляется ихъ заглавіями; а черезъ всѣ группы проведено, такъ сказать, продольное дѣленіе матеріала на отдѣлы: чтенія о человѣкѣ и природѣ, въ ихъ взаимной связи; чтенія, раскрывающія душевный міръ человѣка; чтенія историческія, при чемъ къ разсказу о завоеваніи Сибири пріурочены картины Сибирской природы, какъ дополненіе къ географическимъ чтеніямъ первой части.

Для удобства пользованія словеснымъ матеріаломъ, который въ книгѣ содержится, къ ней приложены:

1. Оглавленіе статей по *порядку*, съ группировкой по отдѣламъ и группамъ, сообразно съ содержаніемъ.

2. Оглавленіе статей по *алфавиту* названій.

3. Оглавленіе по *авторамъ* и источникамъ.

4. Алфавитный указатель *лицъ* и *предметовъ*.

Если бы оказалось, что въ школѣ возможенъ четырехгодичный курсъ, то при обиліи матеріала, который содержится въ книгѣ, совершенно возможно для второго года ограничиться тремя отдѣлами первой части, для третьяго—четвертымъ отдѣломъ первой части и первой группой—второй части, для четвертаго—остальными четырьмя группами второй части. Матеріала будетъ достаточно, и понятно, что при такомъ распредѣленіи на три года онъ можетъ быть проработанъ гораздо основательнѣе и прочнѣе усвоится учащимися.

XXIV.

Алексѣй Григорьевичъ Барановъ.

А. Г. Барановъ по своей учебно-литературной дѣятельности, занимаетъ весьма видное мѣсто между русскими педагогами.

А. Г. Барановъ родился въ 1844 г. въ селѣ Спасскомъ, Клинскаго уѣзда, Московской губерніи. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ на математическомъ отдѣленіи физико-математическаго факультета, онъ былъ назначенъ въ 1869 г. преподавателемъ въ Вяземскую гимназію Смоленскаго земства. Состоя преподавателемъ гимназіи, А. Г. Барановъ принималъ участіе въ дѣлахъ народнаго образованія въ качествѣ члена отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ мѣстномъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ и члена комиссіи по устройству Алферовской учительской семинаріи. Въ 1875 г. А. Г. Барановъ получилъ назначеніе на должность директора Новоторжской учительской семинаріи, Тверской губ. Во все время службы на этой должности, онъ, состоя членомъ мѣстнаго уѣзднаго училищнаго совѣта, принималъ ближайшее участіе въ заботахъ о наиболѣе правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ Новоторжскаго уѣзда и неоднократно руководилъ съѣздомъ учителей и учительницъ этихъ училищъ. Въ 1885 г. А. Г. Барановъ былъ перемѣщенъ на должность окружнаго инспектора Московскаго учебнаго округа, а въ 1899 г.—назначенъ членовъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія.

Учебно-литературная дѣятельность А. Г. Баранова началась въ бытность его директоромъ Новоторжской учительской семинаріи. Въ 1879 г. вышелъ первый его трудъ: «Подробный планъ занятій въ начальной народной школѣ съ указаніемъ самостоятельныхъ работъ». Этотъ трудъ имѣлъ большое значеніе въ дѣлѣ правильной и успѣшной постановки обученія въ начальныхъ училищахъ, такъ какъ впервые далъ учащимъ цѣнныя указанія относительно наиболѣе цѣлесообразной системы занятій одного учителя съ тремя отдѣленіями учащихся. Сущность способа, разработаннаго А. Г. Барановымъ, заключается въ томъ, что онъ соединяетъ всѣ самостоятельныя работы учащихся въ небольшое число главныхъ группъ, вноситъ эти группы въ классное расписаніе уроковъ, въ видѣ какъ бы учебныхъ предметовъ, и, давая на каждую недѣлю учебный матеріалъ какъ для занятій съ учителемъ, такъ и для самостоятельныхъ занятій учащихся, приводитъ всѣ эти занятія въ самую тѣсную естественную связь между собою. Такимъ путемъ получается вполнѣ опредѣленная и стройная система занятій съ тремя отдѣленіями учащихся.

Въ 1882 г. появился въ печати новый трудъ А. Г. Баранова: «Книга для чтенія, примѣненная къ обученію родному языку въ тѣхъ школахъ, въ коихъ начинаютъ обученіе по Родному Слову Ушинскаго». Появленіе этой книги было какъ нельзя болѣе своевременно; потому что удовлетворяло на-

зрѣвшей потребности. Въ то время весьма многія народныя училища пользовались, въ качествѣ учебника, «Роднымъ Словомъ» въ 1-й и 2-й годъ обученія, а между тѣмъ непосредственнымъ и естественнымъ продолженіемъ этихъ книгъ въ 3-й годъ обученія не могла служить ни одна изъ существовавшихъ тогда книгъ для чтенія, не исключая и «Дѣтскаго міра» Ушинскаго. Въ «Книгѣ для чтенія» А. Г. Барановъ, кромѣ обычнаго чисто литературнаго матеріала, далъ вполнѣ законченный кругъ первоначальныхъ свѣдѣній по естествовѣдѣнію, исторіи и географіи Россіи. Всѣ эти статьи научнаго характера составлены самимъ авторомъ и изложены простымъ и доступнымъ дѣтямъ языкомъ. Въ особомъ отдѣлѣ книги даны задачи для самостоятельныхъ занятій учащихся въ связи съ чтеніемъ; цѣль этихъ задачъ—пріучить, по возможности, учащихся къ толковому изложенію мыслей. Въ дополненіе къ «Книгѣ для чтенія» А. Г. Барановъ составилъ «Руководство для учащихъ», въ которомъ даны общія методическія указанія относительно обученія русскому языку, а также частныя указанія относительно порядка и способа веденія чтенія по каждому отдѣлу книги.

Значительный успѣхъ «Книги для чтенія», а также потребность въ руководствѣ, болѣе приноровленномъ къ духу и характеру русскаго православнаго населенія, побудили А. Г. Баранова приняться за составленіе книги для всѣхъ трехъ лѣтъ обученія въ народной школѣ, со включеніемъ букваря. Трудъ этотъ былъ оконченъ и вышелъ въ печати въ 1888 г. въ составѣ трехъ частей подъ заглавіемъ «Наше Родное». Въ дополненіе къ этимъ книгамъ было издано и руководство для учащихъ подъ заглавіемъ: «Руководящія замѣтки для учащихъ по Нашему Родному». Книги «Наше Родное», вполнѣ соотвѣтствуя своему названію по тщательности выбора матеріала и заключая въ себѣ большое количество статей какъ для ознакомленія учащихся съ литературнымъ языкомъ, такъ и для пріобрѣтенія ими необходимыхъ свѣдѣній по естествовѣдѣнію, міровѣдѣнію, исторіи и географіи Россіи, завоевали быстрый успѣхъ въ народныхъ школахъ и получили широкое распространеніе во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи съ русскимъ православнымъ населеніемъ.

Съ выходомъ въ свѣтъ книгъ «Наше Родное», авторъ значительно переработалъ и ранѣе составленную имъ «Книгу для чтенія». Переработка эта заключалась главнымъ образомъ въ увеличеніи количества матеріала настолько, чтобы «Книга для чтенія» могла служить класснымъ руководствомъ во 2-й и 3-й годъ обученія, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ 1-й частью «Нашего Родного» могла составить полный курсъ чтенія для тѣхъ училищъ, которыя поставлены въ менѣе благопріятныя условія. Не смотря на такую переработку, «Книга для чтенія», по-прежнему, можетъ служить продолженіемъ и книгъ «Родное Слово» Ушинскаго.

Въ 1899 г. Ученымъ Комитетомъ удостоенъ большой преміи Императора Петра Великаго новый трудъ А. Г. Баранова: «Добрыя Сѣмена», книга для чтенія въ 5-ти выпускахъ, какъ «лучшая изъ существующихъ хрестоматій для народныхъ школъ и вполнѣ отвѣчающая условіямъ конкурса». Оставаясь вѣрнымъ тѣмъ принципамъ относительно направленія и выбора матеріала, какіе были положены въ основу прежнихъ трудовъ, А. Г. Барановъ въ книгахъ «Добрыя Сѣмена» обратилъ особенное вниманіе на усвоеніе учащимися литературнаго языка. Съ этою цѣлью онъ не только далъ обильный

матеріалъ изъ сочиненій нашихъ писателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, для облегченія учащихъ и учащихся, прибавилъ особый отдѣлъ, въ коемъ объяснены наиболѣе трудныя выраженія, а также словарь, въ коемъ объяснены менѣе извѣстныя и понятныя слова.

Кромѣ книгъ, назначенныхъ для начальныхъ училищъ, А. Г. Барановъ составилъ учебникъ по географіи Россіи для городскихъ и уѣздныхъ училищъ и (совмѣстно съ Н. Горѣловымъ) учебникъ по географіи Россіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того, онъ составилъ «Разсказы по русской исторіи», приноровленные къ понятіямъ учениковъ первыхъ двухъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

XXV.

Карлъ Карловичъ Сентъ-Илеръ.

Въ 1901 году скончался выдающійся русскій педагогъ Сентъ-Илеръ, бывшій директоромъ С.-Петербургскаго учительскаго института, а раньше служившій преподавателемъ 2-ой военной гимназіи и руководителемъ на педагогическихъ курсахъ военнаго вѣдомства.

Изъ «воспоминаній» Карла Карловича, напечатанныхъ въ «Русской школѣ», видно, что онъ родился въ 1834 году. Отецъ его былъ учителемъ французскаго языка въ различныхъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ и составителемъ извѣстныхъ въ свое время учебниковъ по французскому языку. Мать его получила воспитаніе въ Смольномъ институтѣ, гдѣ затѣмъ, до выхода замужъ, состояла воспитательницей. Отца Карлъ Карловичъ лишился на восьмомъ году жизни и начальное образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ матери, которая обучала его всѣмъ предметамъ, требуемымъ для поступленія въ гимназію. Въ 1845 году онъ поступилъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ первый классъ 3-й Петербургской гимназіи. О своемъ пребываніи въ гимназіи К. К. вспоминалъ съ удовольствіемъ, безъ оттѣнка горечи. «Я вовсе не помню», говоритъ онъ, «чтобы пребываніе въ гимназіи было мнѣ, даже въ началѣ, очень тяжело. Хотя наша жизнь дома, въ семьѣ, была въ высшей степени мирная и пріятная, и я съ особымъ удовольствіемъ ожидалъ субботы, чтобы повидаться со всѣми домашними, но въ гимназіи я не плакалъ, не томился и довольно скоро освоился съ интернатомъ... Характеръ у меня тогда былъ живой, я легко знакомился, скоро подружился съ нѣкоторыми товарищами, любилъ играть на дворѣ и бѣгать по большому корридору»... «Благодаря умѣнью говорить по-французски, я скоро пріобрѣлъ расположеніе нѣкоторыхъ воспитанниковъ старшихъ классовъ, которые любили во время рекреаціи со мною гулять по корридору и разговаривать по-французски, при чемъ я игралъ роль учителя и поправлялъ ихъ, когда они ошибались. За это воспитанники эти мнѣ помогали въ учебной работѣ, особенно по латинскому языку, который мнѣ давался съ трудомъ»... «О воспитательной сторонѣ интерната гимназіи у меня сохранилось», говоритъ К. К., «больше хорошаго, чѣмъ дурного. Во время моего пребыванія въ гимназіи директоромъ былъ Ѳ. Ѳ. Буссе (составитель извѣстныхъ руководствъ по математикѣ), который несомнѣнно долженъ быть причисленъ къ числу выдающихся русскихъ педагоговъ того времени; онъ былъ въ высшей степени начитанный и умный человѣкъ и съ воспитательной стороны сильно вліялъ на ввѣренное ему учебное заведеніе. Всѣ воспитанники относились къ нему съ большимъ уваженіемъ и хорошо понимали, что онъ искренно любитъ дѣтей и желаетъ имъ добра. Несправедливостей, сильнаго гнѣва или потворства своимъ ученикамъ никто отъ него не видалъ».

Ученіе въ гимназіи давалось Карлу Карловичу, какъ видно изъ его воспоминаній, безъ труда; онъ нерѣдко помогалъ товарищамъ готовить уроки,

но и самъ пользовался, какъ уже сказано, ихъ помощью по древнимъ языкамъ. Еще въ гимназіи онъ съ особеннымъ удовольствіемъ занимался естественно-историческими предметами и много читалъ по этимъ предметамъ, особенно по зоологіи; съ удовольствіемъ онъ занимался также исторіей, особенно средней; по древнимъ же языкамъ занимался онъ менѣе охотно и шелъ по нимъ въ числѣ среднихъ учениковъ.

Въ 1852 году Карлъ Карловичъ окончилъ курсъ гимназіи съ серебряною медалью.

По окончаніи курса гимназіи, онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на физико-математическій факультетъ по разряду естественныхъ наукъ. Главнымъ предметомъ его университетскихъ занятій была зоологія, подъ руководствомъ профессоровъ С. С. Куторги и Ѳ. Ѳ. Брандта.

По окончаніи курса университета со степенью кандидата, К. К. былъ назначенъ (въ 1857 г.) преподавателемъ естественныхъ наукъ второй Петербургской гимназіи.

Будучи преподавателемъ, онъ продолжалъ научныя занятія по избранной спеціальности и чрезъ два года (въ 1859 г.) защитилъ диссертацію на степень магистра. Получивъ эту степень, онъ не оставилъ научныхъ занятій и постоянно разрабатывалъ то ту, то другую естественно-историческую тему. Но практическая педагогическая дѣятельность все болѣе и болѣе увлекала его, и онъ, попутно съ преподаваніемъ естественной исторіи, принялся за составленіе учебниковъ по зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Уже въ 1861 году имъ былъ изданъ учебникъ подъ заглавіемъ «Краткая зоологія», а въ 1869 году онъ издалъ «Элементарный курсъ зоологіи съ приложеніемъ задачъ и лѣтнихъ занятій», выдержавшій болѣе десяти изданій.

Въ 1863 году К. К. былъ командированъ за-границу для изученія постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи, Швейцаріи и нѣкоторыхъ другихъ государствъ Западной Европы. Возвратившись съ этой командировки, онъ сталъ помѣщать въ педагогическихъ журналахъ свои статьи педагогическаго содержанія. Послѣдовательно за Карломъ Карловичемъ установилась репутація дѣльнаго и серьезно образованнаго педагога.

При учрежденіи (въ 1865 г.) педагогическихъ курсовъ для подготовленія учителей въ военныя гимназіи, К. К. Сентъ-Илеръ получилъ предложеніе занять мѣсто преподавателя 2-й военной гимназіи и руководителя по естественной исторіи на педагогическихъ курсахъ.

12 лѣтъ К. К. состоялъ руководителемъ этихъ курсовъ и преподавателемъ 2-й военной гимназіи. Въ послѣдней онъ преподавалъ, кромѣ естественной исторіи, русскій языкъ (въ 2-мъ классѣ) и даже, въ видѣ опыта примѣнимости классной системы обученія, преподавалъ въ одномъ изъ младшихъ классовъ всѣ положенные къ прохожденію въ этомъ классѣ учебные предметы.

Будучи руководителемъ кандидатовъ педагоговъ по естественной исторіи, К. К. съ большимъ вниманіемъ относился къ подготовкѣ будущихъ учителей естественной исторіи. Онъ зналъ, чего недостаетъ тому или другому кандидату, чтобы выработаться хорошимъ учителемъ, и старался пополнить недостающее, предлагая для изученія и разбора соотвѣтственныя учебныя руко-

водства или ученыя сочиненія. Темы для дидактическихъ и методическихъ сочиненій кандидатовъ-педагоговъ онъ предлагалъ тоже такія, разработка которыхъ способствовала бы педагогическому усовершенствованію ихъ.

Разборы пробныхъ уроковъ кандидатовъ, дѣлаемые К. К., всегда отличались содержательностью, дѣльностью и полнотой.

Живя въ домѣ, отведенномъ для общежитія кандидатовъ-педагоговъ, К. К. оказывалъ своими личными качествами самое благотворное вліяніе не только на кандидатовъ-педагоговъ по естественной исторіи, но также и на кандидатовъ-педагоговъ по другимъ предметамъ. Онъ часто приходилъ въ общій залъ общежитія и тутъ въ бесѣдѣ съ кандидатами развивалъ то или иное педагогическое или психологическое положеніе. И своими бесѣдами много онъ принесъ пользы готовящимся къ учительской дѣятельности.

Карлъ Карловичъ ко всѣмъ кандидатамъ-педагогамъ относился одинаково участливо, сердечно, каждому онъ готовъ былъ дать добрый совѣтъ, каждому онъ всегда готовъ былъ оказать помощь.

Кромѣ занятій во 2-ой военной гимназіи и на педагогическихъ курсахъ, К. К. преподавалъ естествовѣдѣніе въ женскихъ педагогическихъ курсахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и исполнялъ обязанности инспектора Петровской женской гимназіи.

Въ 1877 году открылась вакансія директора въ Петербургскомъ учительскомъ институтѣ. Занять эту вакансію предложено было К. К. Двадцать лѣтъ К. К. былъ директоромъ института и довелъ это заведеніе до образцоваго состоянія. Обладая широкимъ, разностороннимъ образованіемъ, будучи обстоятельно знакомъ съ теоріей и практикой педагогическаго дѣла, имѣя нужныя познанія по психологіи, дидактикѣ и исторіи педагогики и обладая искреннею любовью къ юношеству, К. К. имѣлъ всѣ данныя для успѣшнаго веденія учительскаго института. Къ этимъ даннымъ нужно присоединить еще тѣ особенности характера К. К., которыя невольно привлекали къ нему всякаго и вызывали какъ въ сослуживцахъ, такъ и въ ученикахъ его глубокое уваженіе къ нему.

Ровный и спокойный характеръ К. К., громадный педагогическій тактъ, гуманное отношеніе къ другимъ людямъ и всегдашняя готовность оказать нужную имъ помощь создавали неразрывную духовную связь между К. К. и тѣми лицами, которыя имѣли какое-нибудь отношеніе къ нему.

К. К. отлично зналъ индивидуальныя особенности своихъ учениковъ, зналъ ихъ нужды и заботился объ удовлетвореніи ихъ. Онъ старался быть полезнымъ каждому изъ нихъ. И ученики института съ своей стороны всегда относились къ К. К. съ полною любовью, довѣріемъ и безусловнымъ послушаніемъ, основаннымъ на глубокомъ уваженіи къ нему.

Въ институтѣ еженедѣльно составлялись педагогическія конференціи для обсужденія пробныхъ уроковъ учениковъ института и рѣшенія педагогическихъ вопросовъ, вызываемыхъ практическими занятіями ихъ. Руководилъ этими конференціями Карлъ Карловичъ. Онъ съ живымъ интересомъ и полною вдумчивостью относился ко всѣмъ не только болѣе важнымъ, но и второстепеннымъ вопросамъ въ методикѣ преподаванія различныхъ предметовъ. Къ такому же отношенію къ педагогическимъ вопросамъ онъ пріучалъ и учениковъ института, будущихъ учителей. Собственныя замѣчанія Карла Карловича, выска-

зываемыя спокойно, были всегда дѣльны, содержательны и поучительны. У него было чему учиться не только ученикамъ института, но и самимъ преподавателямъ, являвшимся руководителями учениковъ института. И они охотно учились у своего авторитетнаго директора.

Будучи директоромъ, К. К. Сентъ-Илеръ преподавалъ въ институтѣ психологію, общую дидактику и исторію педагогики. Хотя его рѣчь не отличалась особымъ блескомъ и изяществомъ, однако она всегда производила впечатлѣніе на учениковъ своею содержательностью и искреннею убѣжденностью говорившаго во всемъ томъ, что онъ говорилъ. И ученики института выносили изъ уроковъ Карла Карловича хорошія руководящія начала для своей учительской дѣятельности.

Карлъ Карловичъ дѣлалъ все, что онъ находилъ полезнымъ для учениковъ института. Такъ, онъ, съ разрѣшенія высшаго Начальства, открылъ въ институтѣ первую мастерскую ручного труда, сдѣлавшуюся разсадникомъ ручного труда во всей Россіи,—расширилъ программу преподаванія по естествовѣдѣнію и нѣмецкому языку, съ увеличеніемъ уроковъ по этимъ предметамъ;—ввелъ обученіе воспитанниковъ музыкѣ;—улучшилъ содержаніе воспитанниковъ и урегулировалъ ихъ жизнь въ интернатѣ и т. п. Благодаря трудамъ Карла Карловича, Петербургскій институтъ сталъ на такую высокую ступень, что попечители учебныхъ округовъ охотно предоставляли лицамъ, окончившимъ курсъ въ этомъ институтѣ, мѣста учителей не только въ городскихъ училищахъ, но и въ учительскихъ семинаріяхъ.

Кромѣ управленія институтомъ, К. К. состоялъ членомъ Особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. И здѣсь онъ былъ очень полезенъ, какъ человѣкъ, ставящій выше всего справедливость и общую пользу.

Нужно упомянуть также, что Карлъ Карловичъ неоднократно бывалъ на всемірныхъ выставкахъ (въ Парижѣ, Вѣнѣ и др.) представителемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по педагогическому отдѣлу.

По почину К. К. Сентъ-Илера были учреждены нѣкоторыя благотворительныя общества. Такъ, было учреждено Общество вспомоществованія бывшимъ ученикамъ С.-Петербургскаго учительскаго института. Затѣмъ, при близкомъ участіи К. К., зародился на Васильевскомъ островѣ небольшой благотворительный кружокъ, разросшійся потомъ въ Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ.

При своей многосложной практической педагогической дѣятельности, Карлъ Карловичъ находилъ время для составленія литературно-педагогическихъ трудовъ. Онъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ «Русскаго начальнаго учителя», «Русской Школы» и другихъ педагогическихъ журналовъ. Кромѣ того, онъ помѣщалъ свои статьи въ нѣкоторыхъ общихъ журналахъ («Вѣстникѣ Европы») и газетахъ («Новомъ времени»). Въ 1878 году подъ его редакціей былъ изданъ «Сборникъ матеріаловъ по введенію въ Россіи обязательнаго обученія». Когда поднятъ былъ вопросъ о передачѣ въ вѣдѣніе духовнаго вѣдомства всѣхъ начальныхъ школъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, К. К. составилъ статью «Конфессіональныя школы на Западѣ», оказавшую свое вліяніе на разрѣшеніе означеннаго вопроса. Когда поднятъ

былъ вопросъ о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи, К. К. напечаталъ по этому вопросу рядъ статей, помѣщенныхъ въ «Новомъ времени». Наиболѣе же капитальнымъ трудомъ Карла Карловича служитъ переводъ сочиненія Брэма «Жизнь животныхъ», въ 10 томахъ.

Въ послѣдніе годы жизни К. К. страдалъ сердечною болѣзнью, что и побудило его оставить (въ 1898 г.) постъ директора института и ограничиться работой въ качествѣ члена Ученаго Комитета и въ своемъ кабинетѣ. 25 мая 1901 года Карлъ Карловичъ, присутствуя на освященіи церкви, выстроенной при лѣтней дачѣ С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища на землѣ, подаренной имъ этому училищу, простудился, и эта простуда свела его въ могилу. Трупъ покойнаго преданъ землѣ на Смоленскомъ кладбищѣ.

XXVI.

Димитрій Ивановичъ Тихомировъ.

Димитрій Ивановичъ Тихомировъ родился въ 1844 году. Сынъ сельскаго священника Нерехтскаго уѣзда, Костромской губ., Дим. Ив. первыя десять лѣтъ своей жизни провелъ въ родномъ селѣ.

Десяти лѣтъ Дим. Ив. отданъ былъ въ Костромское духовное училище, гдѣ окончилъ курсъ первымъ ученикомъ. Стѣсненныя матеріальныя средства заставили отца замѣстить сына, по окончаніи имъ духовнаго училища, въ ярославскую военную школу на казенный счетъ. По окончаніи здѣсь курса, онъ, какъ лучшій воспитанникъ, переведенъ былъ въ Московскую военно-учительскую семинарію.

По окончаніи въ 1866 году курса въ семинаріи, Д. И., какъ первый ученикъ, былъ оставленъ при семинарской начальной школѣ въ качествѣ образцоваго учителя.

Занимаясь днемъ въ начальной школѣ при семинаріи, Д. И. по вечерамъ работалъ въ школѣ для взрослыхъ, открытой имъ вмѣстѣ съ другими при одной изъ московскихъ фабрикъ.

Въ 1874 году Д. И. былъ избранъ инспекторомъ школъ Московскаго патріотическаго общества, а вскорѣ затѣмъ ему предложено было принять на себя и дѣятельность наблюдателя за учебною частью въ школахъ Дамскаго попечительства о бѣдныхъ. Много пришлось потрудиться Димитрію Ивановичу для устройства учебной и воспитательной части въ школахъ названныхъ обществъ.

Одновременно съ своею практическою педагогическою дѣятельностью, Димитрій Ивановичъ составлялъ свои руководства по начальному обученію и по методикѣ этого обученія.

Первымъ по времени составлена была Дим. Ив. «*Азбука правописанія*» (изд. въ 1870 г.). Она представляетъ сборникъ примѣровъ и статей, подобранныхъ такимъ образомъ, что учащійся отъ первой до послѣдней ступени встрѣчается лишь съ извѣстными ему правилами правописанія (подобно тому, какъ въ букварѣ упражненія для чтенія даются лишь на извѣстныя буквы). Для наученія учениковъ правописанію, нужно, говоритъ Дим. Ив., «упражнять ихъ на послѣдовательно и цѣлесообразно подобранномъ матеріалѣ; вся сила не въ сообщеніи только правилъ правописанія и не въ изученіи грамматической теоріи, а въ упражненіяхъ, воздѣйствующихъ на слухъ и зрѣніе».

Вскорѣ послѣ «Азбуки правописанія» составленъ былъ «Букварь для совмѣстнаго обученія письму и чтенію по звуковому способу». Букварь этотъ содержитъ въ себѣ слова и фразы для упражненія въ письмѣ и чтеніи въ сферѣ изученныхъ буквъ, затѣмъ въ немъ находятся небольшія по объему и легкія по содержанію статейки и стихотворенія. Подъ статейками помѣщены вопросы для отвѣтовъ учениковъ.

Къ «Букварю» составлено «Руководство для учителей», въ которомъ авторъ въ доступной формѣ изложилъ практическіе совѣты и указанія относительно веденія занятій по «Букварю».

Спустя годъ послѣ выхода «Букваря», изданъ былъ «Элементарный курсъ грамматики», предназначенный для начальной школы. Трудъ этотъ составился изъ письменныхъ плановъ уроковъ въ школѣ при семинаріи. Грамматическій матеріалъ расположенъ въ руководствѣ въ дидактической системѣ: отъ простого и легкаго къ болѣе сложному и трудному. Каждое грамматическое знаніе является результатомъ наблюденія надъ примѣрами и закрѣпляется многими устными и письменными упражненіями. Этимологическія и синтактическія свѣдѣнія усваиваются учениками попутно, въ живой связи между собою.

Затѣмъ онъ издалъ составленную имъ «Книгу для церковно-славянскаго чтенія», сначала первую, а спустя нѣсколько лѣтъ и вторую часть ея. При составленіи этой книги Дим. Ив. исходилъ изъ той мысли, что ближайшею цѣлью обученія учениковъ церковно-славянскому языку должно служить доведеніе ихъ до умѣнія читать и понимать славянскія книги и что при обученіи славянскому чтенію, какъ и всякому другому учебному предмету, должна быть соблюдаема надлежащая послѣдовательность. Сообразно съ этимъ онъ подобралъ и расположилъ матеріалъ для чтенія.

Къ «Книгѣ для церковно-славянскаго чтенія» составлено авторомъ «Руководство для учителей», въ которомъ указаны методы и пріемы обученія славянскому языку и приведены методическія указанія для разработки каждой отдѣльной статьи, помѣщенной въ «Книгѣ для чтенія».

Затѣмъ въ 1887 году была издана книга: «Чему и какъ учить на урокахъ родного языка».

Въ этой книгѣ Димитрій Ивановичъ разсматриваетъ общіе вопросы, касающіеся содержанія учебнаго предмета родного языка и излагаетъ методы и пріемы обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, устному и письменному изложенію мыслей, церковно-славянскому чтенію, грамматикѣ и правописанію.

Послѣ того Д. И. составилъ и издалъ книгу для чтенія «Вешніе всходы».

Въ этой книгѣ, кромѣ русскаго текста, помѣщенъ церковно-славянскій текстъ для изученія учениками церковно-славянскаго языка. Текстъ этотъ взятъ изъ Евангелія и другихъ священныхъ книгъ и своимъ содержаніемъ знакомитъ учениковъ съ основами христіанской религіи и нравственности.

Матеріалъ, помѣщенный въ «Вешнихъ всходахъ», можетъ служить для устныхъ и письменныхъ упражненій учениковъ.

Къ книгамъ «Вешніе всходы» относится «Руководство для учащихъ». Въ немъ приведены планы объяснительнаго чтенія и задачи для письменныхъ и устныхъ упражненій учениковъ, въ связи съ статьями для чтенія.

Издавши книги «Вешніе всходы», Дим. Ив. составилъ и издалъ элементарное руководство «Правописаніе до грамматики». Путемъ подбора матеріала для орѳографическихъ упражненій авторъ знакомитъ учащихся съ главнѣйшими правилами правописанія, не сообщая имъ грамматическихъ терминовъ и опредѣленій. Кромѣ того, онъ подводитъ учащихся, путемъ наблюденія надъ рѣчью, къ уразумѣнію тѣхъ понятій, которыя впослѣдствіи, при прохожденіи грамматики, послужатъ прочною основою для разумнаго усвоенія

отвлеченныхъ грамматическихъ знаній. Такимъ образомъ «Правописаніе до грамматики», служа практическимъ руководствомъ къ наученію дѣтей правописанію, является вмѣстѣ съ тѣмъ первою ступенью, подготовляющею учащихся къ изученію грамматики. Руководство «Правописаніе до грамматики» можетъ быть съ пользой употребляемо при начальномъ обученіи.

Кромѣ указанныхъ руководствъ, Д. И. составлены: «Начатки географіи и Изъ исторіи родной земли». Въ первой книгѣ, предназначенной для учащихся младшаго возраста, помѣщены основныя географическія понятія, свѣдѣнія изъ жизни и природы родной страны и общія свѣдѣнія о земномъ шарѣ и вселенной. Во второй, предназначенной для школъ и народа, рядомъ съ разсказами о выдающихся историческихъ лицахъ и событіяхъ, помѣщены и культурные очерки жизни русскаго народа отъ начала его исторіи и до нашего времени.

Принявши на себя въ 1895 году обязанности редактора и издателя журналовъ «Педагогическій Листокъ» и «Дѣтское Чтеніе», Димитрій Ивановичъ въ значительной мѣрѣ поднялъ эти журналы. Въ «Педагогическомъ Листкѣ» онъ помѣстилъ значительное число своихъ педагогическихъ статей. Ранѣе же онъ помѣщалъ свои статьи въ журналахъ «Семья и Школа», «Народная школа» и другихъ.

Имя Д. И. Тихомирова хорошо извѣстно каждому, сколько-нибудь знакомому съ начальной школой и педагогической литературой въ Россіи.

XXVII.

Димитрій Димитріевичъ Семеновъ.

Преподающимъ географію хорошо извѣстны «Уроки географіи» въ 3-хъ частяхъ Д. Д. Семенова и его «Отечествовѣдѣніе» (географическ. сборникъ) въ 6 томахъ. Кромѣ этихъ руководствъ и пособій, Д. Д. Семеновымъ составлены: «Даръ слова. Книга для обученія отечественному языку», «Методическое руководство для учителей». Приложеніе къ «Дару слова» и «Картины для нагляднаго обученія (4 времени года)». Затѣмъ имъ же составлено множество педагогическихъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ педагогическихъ или литературныхъ журналахъ.

Д. Д. Семеновъ родился въ концѣ 1834 года въ Оршанскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи. Обучался онъ въ Витебской гимназіи, гдѣ отецъ его состоялъ преподавателемъ русскаго языка и словесности. По окончаніи гимназическаго курса Д. Д. Семеновъ, по совѣту отца, выдержалъ экзаменъ на званіе учителя уѣзднаго училища по географіи и исторіи и получилъ мѣсто учителя въ Витебскомъ 4-классномъ еврейскомъ училищѣ. Будучи учителемъ въ этомъ училищѣ, Д. Д. работалъ надъ составленіемъ промышленно-торговой географіи для еврейскихъ училищъ. Для составленія этого труда онъ пользовался довольно богатой гимназической библіотекой, которою завѣдывалъ его отецъ. Онъ прочиталъ массу книгъ по географіи, статистикѣ, политической экономіи и исторіи. Къ 1856 году трудъ Д. Д. былъ оконченъ. Въ этомъ году пріѣхалъ въ Витебскъ для ревизіи учебныхъ заведеній попечитель Петербургскаго учебнаго округа и обратилъ вниманіе на солидныя познанія и выдающіяся педагогическія способности молодого учителя географіи въ еврейскомъ училищѣ. Принявъ отъ него рукопись «Руководство промышленно-торговой географіи», онъ обѣщалъ позаботиться о немъ. Черезъ годъ Димитрій Димитріевичъ получилъ предложеніе попечителя занять мѣсто учителя географіи въ 1-й Петербургской гимназіи, съ обязательствомъ посѣщать въ продолженіе двухъ лѣтъ лекціи въ Петербургскомъ университетѣ по исторіи, статистикѣ, политической экономіи и физической географіи и затѣмъ выдержать экзаменъ въ томъ же университетѣ на званіе учителя гимназіи по географіи.

Въ 1859 году Д. Д. выдержалъ установленный экзаменъ и былъ утвержденъ учителемъ гимназіи. Съ этого времени открылось широкое поле для педагогической дѣятельности Димитрія Димитріевича. Ему, какъ выдающемуся учителю географіи, предлагали уроки во многихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, по предложенію Н. А. Вышнеградскаго, онъ давалъ уроки во вновь открывшейся Маріинской гимназіи. К. Д. Ушинскій предложилъ ему уроки въ Смольномъ институтѣ не только по географіи, но и по русскому языку. При открытіи при 2-ой военной гимназіи педагогическихъ курсовъ для подготовленія учителей въ военныя гимназіи, директоръ курсовъ, генералъ Г. Г. Даниловичъ, предложилъ ему занять мѣсто учителя географіи во 2-й военной гимназіи и принять на себя руководительство занятіями лицъ, готовящихся быть учителями географіи въ военныхъ гимназіяхъ. Для выполненія

этой послѣдней дѣятельности требовалась солидная педагогическая подготовка. И Димитрій Димитріевичъ получилъ командировку за-границу (въ 1865 г.) для изученія организаціи учительскихъ семинарій и вообще способовъ приготовленія учителей въ среднія и низшія учебныя заведенія. По возвращеніи изъ-за границы Д. Д. представилъ обстоятельный отчетъ о своихъ занятіяхъ за-границей и былъ утвержденъ руководителемъ педагогическихъ курсовъ.

Въ 13-лѣтнее пребываніе въ Петербургѣ Д. Д., преподавая въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, составлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ указанные выше научные и педагогическіе труды и энергично работалъ въ существовавшихъ тогда Петербургскомъ Педагогическомъ Обществѣ и Петербургскомъ Комитетѣ грамотности.

Въ 1870 году попечитель Кавказскаго учебнаго округа Я. М. Невѣровъ предложилъ Д. Д. Семенову организовать въ Кубанской области учительскую семинарію и занять должность директора этой семинаріи. Отправляясь на мѣсто своего новаго назначенія, Д. Д. по пути осмотрѣлъ земскія народныя школы въ Александровскомъ уѣздѣ, организованныя Н. А. Корфомъ.

На Кавказѣ Д. Д. прослужилъ 14 лѣтъ и оставилъ замѣтный слѣдъ своей благотворной педагогической дѣятельности. Онъ въ значительной мѣрѣ способствовалъ подъему народнаго образованія въ странѣ. Онъ организовалъ двѣ учительскія семинаріи (Кубанскую—для русскаго населенія и въ гор. Гори—для инородческаго населенія), женскіе педагогическіе курсы, женскую прогимназію. Кромѣ того, онъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ увеличенію въ странѣ народныхъ школъ. Для подготовленія къ учительской дѣятельности лицъ, не получившихъ педагогической подготовки, онъ нѣсколько разъ руководилъ учительскими съѣздами, устраиваемыми при Кубанской семинаріи.

Въ 1883 году Димитрій Димитріевичъ оставилъ службу на Кавказѣ и переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь думская комиссія избрала его экспертомъ по учебной части въ столичныхъ школахъ, и онъ въ теченіе 19 лѣтъ завѣдывалъ училищнымъ райономъ, въ которомъ находилось около 150 школъ.

Усердно исполняя обязанности эксперта училищъ, Д. Д. Семеновъ находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ время для редактированія журнала „Дѣтское чтеніе" (съ 1888 по 1891 г.), для составленія многочисленныхъ педагогическихъ статей и для активнаго участія въ различныхъ педагогическихъ обществахъ столицы. Онъ, между прочимъ, состоялъ членомъ правленія С.-Петербургскаго собранія педагоговъ, предсѣдателемъ комиссіи К. Д. Ушинскаго, предсѣдателемъ похоронной кассы при Обществѣ взаимнаго вспомоществованія С.-Петербургскихъ педагоговъ, членомъ-учредителемъ Общества любителей выразительнаго чтенія и др.

Всю жизнь свою Д. Д. трудился неустанно для пользы отечественнаго просвѣщенія.

Будучи всегда отзывчивымъ на все доброе, обладая ровнымъ, уживчивымъ характеромъ и съ искреннимъ сочувствіемъ относясь къ людямъ, Д. Д. пользовался уваженіемъ и любовью всѣхъ знавшихъ его. Ученики его никогда не забудутъ его живыхъ, прекрасныхъ уроковъ, а учителя, которыми онъ руководилъ, не забудутъ его добрыхъ отеческихъ наставленій.

XXVIII.

Георгій Арсеньевичъ Покровскій.

Къ числу лицъ, посвятившихъ себя разработкѣ вопросовъ, касающихся физическаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и школѣ, принадлежитъ Г. А. Покровскій.

Г. А. Покровскій родился въ 1834 году Сынъ священника села Никитскаго, Корчевскаго уѣзда, Тверской губерніи, Георгій Арсеньевичъ, когда ему не исполнилось еще и десяти лѣтъ, замѣщенъ былъ, для полученія образованія, въ Костромское духовное училище, по окончаніи котораго, онъ поступилъ въ духовную семинарію. Въ 1855 году онъ съ философскаго курса семинаріи поступилъ въ московскій университетъ, на медицинскій факультетъ. Будучи въ университетѣ, Покровскій былъ въ довольно стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ. Отецъ его умеръ и ему собственными трудами пришлось поддерживать свое существованіе. По окончаніи университетскаго курса (въ 1861 г.), Георгій Арсеньевичъ былъ назначенъ городовымъ врачомъ въ Пудожъ, Олонецкой губерніи, но вскорѣ былъ переведенъ ординаторомъ Московской Софійской больницы. Въ 1870 году онъ былъ удостоенъ степени доктора медицины и затѣмъ вскорѣ отправился за-границу для ознакомленія съ устройствомъ лучшихъ дѣтскихъ больницъ. По возвращеніи изъ-за границы, онъ былъ назначенъ главнымъ врачомъ той же Софійской дѣтской больницы, въ которой положилъ начало своей благотворной дѣятельности.

Получивши воспитаніе въ духѣ религіи и нравственности, Георгій Арсеньевичъ понималъ обязанности человѣка по отношенію къ ближнимъ, а сердечная доброта и отзывчивость его помогали ему откликаться на горе родителей и ихъ больныхъ дѣтей. И онъ всегда готовъ былъ оказать помощь всякому больному. И жители Москвы съ большимъ довѣріемъ относили своихъ больныхъ дѣтей въ Софійскую больницу, надѣясь на участливое отношеніе къ каждому больному «добраго доктора».

Софійская больница, благодаря трудамъ Покровскаго, доведена была до образцоваго состоянія. Георгій Арсеньевичъ внимательно слѣдилъ за чистотой и пищей въ больницѣ и тщательно ухаживалъ за больными дѣтьми. Онъ какъ-будто жилъ съ больными одною жизнью: страданія ихъ были и его страданіями; выздоровленіе ихъ дѣлало и его счастливымъ. Въ больницѣ Георгій Арсеньевичъ трудился до своей смерти, послѣдовавшей въ 1895 году.

Георгій Арсеньевичъ состоялъ почетнымъ членомъ многихъ медицинскихъ обществъ, Общества естествознанія и друг. Это показываетъ, что его познанія и заслуги были признаваемы учеными обществами.

Будучи главнымъ врачомъ дѣтской больницы, Покровскій имѣлъ достаточно матеріала для наблюденія за физическимъ развитіемъ дѣтей. Своими наблюденіями и познаніями онъ старался дѣлиться съ русскимъ обществомъ,

старался распространить въ немъ правильныя понятія о физическомъ воспитаніи дѣтей и объ устраненіи причинъ заболѣванія ихъ. Для ознакомленія общества съ условіями правильнаго воспитанія дѣтей, и особенно физическаго воспитанія ихъ, онъ съ 1890 года сталъ издавать журналъ «Вѣстникъ воспитанія». Журналъ этотъ съ перваго же года занялъ видное мѣсто среди педагогическихъ журналовъ.

Изъ педагогическихъ трудовъ Г. А. Покровскаго обращаютъ на себя вниманіе: 1) «Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ, преимущественно Россіи. Матеріалы для медико-антропологическаго изслѣдованія»; 2) «Дѣтскія игры, преимущественно русскія»; 3) «Русскія дѣтскія подвижныя игры»; 4) «Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья молодежи»; 5) «Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (популярное руководство для матерей)». Кромѣ этихъ трудовъ, слѣдуетъ упомянуть еще о его статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ воспитанія»: «Уходъ за кожей дѣтей», «Первая пища русскаго ребенка», «Растительные организмы, какъ причина заразныхъ болѣзней», «Кормленіе грудныхъ дѣтей», «Площадки для дѣтскихъ игръ», «Физическое воспитаніе молодежи съ общественной точки зрѣнія», «Здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ» и мног. друг.

Во всѣхъ этихъ статьяхъ авторъ раскрываетъ условія болѣе правильной постановки, какъ въ семьѣ, такъ и въ школѣ, физическаго воспитанія подростающаго поколѣнія.

Такъ, напр., въ сочиненіи: «Здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ»,—Покровскій развиваетъ мысль, что лучшая система воспитанія та, при которой равномѣрно обращается вниманіе какъ на душевное, такъ и на физическое развитіе питомцевъ. Нервная система является важнымъ органомъ душевной дѣятельности. При здоровомъ состояніи нервной системы человѣкъ чувствуетъ себя радостнымъ, счастливымъ, при разстройствѣ же ея онъ испытываетъ тяжелое состояніе, недовольство. Ребенокъ долженъ быть поставленъ въ благопріятныя условія относительно воздуха, свѣта, сна, движенія и т. п., чтобы ничто не вліяло вредно на его организмъ и въ особенности на его нервную систему. Между условіями, вліяющими на здоровье организма питомца, Покровскій разсматриваетъ наслѣдственность, а равно и среду, въ которой питомецъ живетъ.

Относительно среды онъ говоритъ, что въ настоящее время дѣти воспитываются далеко не въ благопріятныхъ условіяхъ. Суетливая, напряженная дѣятельность современнаго общества, вызываемая борьбою за матеріальныя богатства, вредно отражается на подростающемъ поколѣніи.

Говоря о физическомъ воспитаніи дѣтей, Покровскій въ своихъ статьяхъ касается и естественной пищи ребенка, и правильнаго ухода за мускульной, нервной и костной системами его, и вредныхъ пріемовъ, примѣняемыхъ при физическомъ воспитаніи его.

Разсматривая школьную пору жизни дѣтей, Покровскій старается разъяснить, что школа тогда только можетъ выполнить свою высокую задачу, когда будетъ обращать одинаковое вниманіе какъ на физическую, такъ и на психическую природу воспитанниковъ.

Заботясь о физическомъ развитіи учащихся въ школахъ, Покровскій съ особенной энергіей ратовалъ объ устройствѣ въ школахъ подвижныхъ игръ.

Гимнастическія упражненія не приносятъ той пользы физическому развитію дѣтей, какую приносятъ подвижныя игры. Послѣднія представляютъ наиболѣе естественное и могущественное средство для правильнаго развитія молодого организма; онѣ вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ развитія возростающаго организма; онѣ доставляютъ дѣтямъ большое удовольствіе. Игры вносятъ въ душу ребенка радость и веселье и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуютъ укрѣпленію его организма. Доставляя чувство полнаго самоудовлетворенія, игры тѣмъ содѣйствуютъ подъему жизнедѣятельности всего организма. Игры пріучаютъ дѣтей къ дисциплинѣ, къ подчиненію общимъ требованіямъ или правиламъ и къ согласованію своихъ желаній съ желаніемъ всѣхъ. Всѣ другіе пріемы физическаго развитія организма, замѣняющіе игры, имѣютъ слишкомъ много искусственнаго, а потому тѣмъ менѣе могутъ быть рекомендуемы для питомцевъ, чѣмъ послѣдніе моложе, и, какъ замѣна, могутъ быть допущены въ извѣстной мѣрѣ лишь тогда, когда организмъ питомцевъ достаточно окрѣпъ.

XXIX.

Василій Степановичъ Гербачъ.

Василій Степановичъ Гербачъ оказалъ значительное вліяніе на постановку обученія письму (каллиграфіи) въ начальныхъ школахъ и младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Подъ его вліяніемъ и даже при непосредственномъ его участіи составлялись программы по обученію письму какъ въ начальныхъ школахъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ вѣдомствъ. По его «Методическому руководству къ обученію письму» учащіе знакомились съ правильнымъ методомъ обученія письму.

Василій Степановичъ, по окончаніи курса московской учительской семинаріи военнаго вѣдомства, назначенъ былъ учителемъ чистописанія Петербургской военной прогимназіи. Затѣмъ онъ получилъ уроки чистописанія въ военной гимназіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга. Относясь къ предмету обученія съ полнымъ вниманіемъ, онъ старательно изучалъ всѣ пособія и руководства по обученію письму, какія въ то время существовали на русскомъ языкѣ, и серьезно обдумывалъ пріемы обученія письму, провѣряя свои выводы въ своей практической дѣятельности. Такимъ образомъ онъ мало-по-малу выяснилъ себѣ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся обученія письму, и составилъ названное выше «Методическое руководство къ обученію письму».

Будучи лучшимъ учителемъ чистописанія и заявивши названнымъ «Методическимъ руководствомъ» свою компетентность въ методикѣ обученія письму, Гербачъ приглашаемъ былъ въ комиссіи по разработкѣ программы чистописанія для различныхъ учебныхъ заведеній и даже получалъ предложеніе составлять такія программы для этихъ заведеній.

Въ 1902 году Василій Степановичъ скончался въ Петербургѣ.

Составленное Гербачемъ «Методическое руководство къ обученію письму» представляетъ изложеніе требованій и пріемовъ правильнаго веденія обученія письму.

Въ этомъ «руководствѣ» авторъ говоритъ, что для методически-правильнаго и успѣшнаго веденія обученія письму слѣдуетъ воспользоваться всѣмъ тѣмъ хорошимъ и полезнымъ, что было ранѣе уже выработано составителями различныхъ способовъ обученія письму. Изложивши сущность способовъ — копировальнаго, линейнаго, тактическаго, генетическаго и Керстерса, Гербачъ говоритъ, что лучшія стороны этихъ способовъ должны слиться въ стройную систему, такъ какъ всѣ они имѣли цѣлью облегчить многія затрудненія, являющіяся на практикѣ при обученіи письму.

Раціональный способъ обученія письму, по требованію Гербача, долженъ удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: 1) онъ долженъ возбуждать и поддерживать въ учащихся любознательность и охоту къ занятію письмомъ, для чего обученіе должно вестись осмысленно, такъ чтобы учащіеся сознательно относились къ тому, что имъ сообщается; 2) онъ долженъ послѣдо-

вательно переходить отъ легкаго къ трудному, отъ простого къ сложному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и тѣмъ удовлетворять требованію посильности; 3) онъ долженъ возбуждать самостоятельность учащихся, при чемъ послѣдніе сами составляли бы изъ элементовъ буквъ самыя буквы, разлагали буквы на ихъ составныя части, соображали, за сколько тактовъ слѣдуетъ написать ту или другую букву и т. п.; 4) онъ долженъ возбуждать въ дѣтяхъ способность наблюденія, запоминанія, сличенія; 5) долженъ сообщать учащимся добрые школьные навыки, именно, привычку къ аккуратности, чистотѣ, порядку, и тѣмъ оказывать воспитательное вліяніе на нихъ.

Гербачъ признаетъ полезнымъ употребленіе при письмѣ графической сѣтки, при чемъ на первой ступени обученія письму сѣтка обозначаетъ какъ вышину строчныхъ буквъ, такъ и ширину буквъ и наклонъ ихъ. Послѣдовательно сѣтка измѣняется, при чемъ сначала отбрасываются линіи, обозначающія величину буквъ, выходящихъ за строку, и наклонныя линіи дѣлаются рѣже, а затѣмъ и совершенно отбрасываются наклонныя линіи.

Тактъ при письмѣ учениковъ имѣетъ, по мнѣнію Гербача, не маловажное значеніе, такъ какъ онъ оживляетъ классную работу, поддерживаетъ стройность занятій и дисциплину и пріучаетъ учащихся къ надлежащей скорости письма. Но если прибѣгать къ такту часто или вести его непрерывно и долго, то онъ наводитъ скуку на учащихся, что̀ и вызываетъ невнимательность учениковъ. Письмо подъ тактъ слѣдуетъ чередовать съ письмомъ безъ такта. Сначала ученики пишутъ элементъ буквы или самую букву безъ такта, а затѣмъ уже по такту. Тактъ ведется по нажиму пера, т.-е. каждый нажимъ пера требуетъ особаго такта или счета. По мѣрѣ того, какъ ученики пріучаются къ болѣе скорому письму, и тактъ ускоряется. Тактируетъ то учитель, то сами ученики, по одиночкѣ или хоромъ.

Гербачъ придаетъ большое значеніе такъ называемымъ предварительнымъ упражненіямъ, при которыхъ ученики пріучаются правильно сидѣть, правильно держать перо и упражняютъ руку въ необходимыхъ при письмѣ движеніяхъ. Предварительныя упражненія состоятъ въ проведеніи по длинѣ тетради линій и дугъ слѣва направо и обратно, въ черченіи наклонныхъ линій, полуоваловъ и т. п.

Послѣ предварительныхъ упражненій ученики переходятъ къ письму элементовъ строчныхъ буквъ и самыхъ этихъ буквъ, при чемъ буквы располагаются въ генетическомъ порядкѣ: сначала ученики упражняются въ писаніи тѣхъ буквъ, изъ которыхъ могутъ быть образованы другія буквы, а затѣмъ уже переходятъ къ письму этихъ послѣднихъ. Авторъ дѣлитъ строчныя буквы, по ихъ образованію изъ элементовъ, на четыре группы: 1) группа буквъ, основная черта которыхъ состоитъ изъ прямой, закругленной внизу; 2) группа буквъ, состоящихъ изъ прямыхъ, закругленныхъ вверху и внизу; 3) буквы, состоящія изъ полуоваловъ съ различными соединеніями; 4) буквы, состоящія изъ оваловъ въ соединеніи съ другими чертами.

Попутно съ письмомъ буквъ ученики упражняются въ письмѣ цифръ, состоящихъ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ состоятъ изученныя буквы. Гербачъ особенно настаиваетъ на необходимости пріучать учениковъ писать каллиграфически-правильно цифры, такъ какъ неправильно написанная цифра нерѣдко ведетъ къ непріятнымъ недоразумѣніямъ.

Въ письмѣ прописныхъ буквъ ученики упражняются послѣ писанія строчныхъ буквъ, при чемъ и прописныя буквы располагаются тоже въ генетическомъ порядкѣ.

Сначала ученики упражняются въ письмѣ по болѣе крупной графической сѣткѣ, затѣмъ пишутъ по средней сѣткѣ и потомъ уже переходятъ къ письму по одной линейкѣ и къ скорописи.

Связность письма составляетъ необходимое условіе скорости и четкости его, и Гербачъ требуетъ, чтобы ученики упражнялись въ письмѣ связномъ.

Для того, чтобы при обученіи письму ученики являлись не простыми копировальщиками, а сознательно относились къ написанію каждой буквы, Гербачъ требуетъ, чтобы учитель обстоятельно разъяснялъ ученикамъ составъ каждой буквы, ея образованіе изъ раньше изученной буквы и способъ написанія ея въ графической сѣткѣ.

Весь курсъ обученія письму, примѣнительно къ начальной школѣ, Гербачъ раздѣляетъ по годамъ обученія слѣдующимъ образомъ: *1-й годъ обученія*: 1) Указанія правильнаго положенія при письмѣ, положенія тетради и держанія пера. 2) Приготовительныя упражненія въ развитіи руки и глазомѣра. 3) Изученіе строчныхъ буквъ и цифръ въ генетическомъ порядкѣ по сѣткѣ, состоящей изъ горизонтальныхъ и наклонныхъ линій, опредѣляющихъ точно высоту, ширину и наклонъ буквъ. 4) Повтореніе всѣхъ строчныхъ буквъ въ алфавитномъ порядкѣ и цифръ отъ 1 до 10, а также и письмо подъ диктовку словъ на болѣе трудныя и сложныя буквы. 5) Изученіе прописныхъ буквъ по той же сѣткѣ и также въ генетическомъ порядкѣ. 6) Повтореніе прописныхъ буквъ вмѣстѣ со строчными въ алфавитномъ порядкѣ и цифръ отъ 1 до 10 и диктовка словъ на болѣе трудныя и сложныя прописныя буквы. *Второй годъ обученія*: 1) Упражненія въ связномъ письмѣ и письмо короткихъ фразъ на прописныя буквы—*по средней сѣткѣ*, съ рѣдкими наклонными. *Третій годъ обученія*: 1) Письмо по одной строчной линіи; 2) упражненія въ скорописи: 3) письмо безъ линій; подъ диктовку: 4) ознакомленіе съ нѣкоторыми наиболѣе употребительными шрифтами, а также съ формами нѣкоторыхъ дѣловыхъ бумагъ.

Основныя требованія правильнаго обученія письму Гербачъ изложилъ также въ составленной имъ книжкѣ: «Уроки чистописанія. Учебное пособіе для учителей церковно-приходскихъ школъ».

Послѣ выхода «Методическаго руководства къ обученію письму» Гербача, составлены были такія же и даже болѣе подробныя руководства Гортова, Евсѣева и др. Однако «Руководство» Гербача отъ этого не потеряло своего значенія.

Кромѣ означенныхъ методическихъ руководствъ *для учителей*, Гербачъ составилъ слѣдующія пособія *для учащихся*: а) «Скоропись. Упражненія для развитія свободнаго движенія руки и пріобрѣтенія четкой скорописи», б) «Прописи русскія», в) «Прописи французскія», г) «Прописи нѣмецкія», д) «Прописи латинскія и греческія», е) «Прямое письмо», ж) «Прописи правописанія. Сборникъ каллиграфически-исполненныхъ примѣровъ на важнѣйшія орфографическія правила», з) «Русскія прописи круглаго шрифта».

Для обученія грамотѣ Гербачемъ составлена «Русская азбука для со-

вмѣстнаго обученія чтенію, письму и рисованію» и приложеніе къ ней «Руководство для учащихъ по русской азбукѣ».

Въ «Азбукѣ» помѣщены сначала подготовительныя упражненія къ письму: черченіе по клѣточкамъ и письмо элементовъ буквъ. Затѣмъ слѣдують буквы и слова, сначала письменныя, а потомъ соотвѣтственныя печатныя. Далѣе идетъ матеріалъ для чтенія и письма фразъ и въ концѣ книжки помѣщено нѣсколько легкихъ статеекъ и стишковъ.

Въ «Руководствѣ для учащихъ» авторъ излагаетъ ходъ обученія грамотѣ по «Азбукѣ», при чемъ совѣтуетъ одновременно вести обученіе учениковъ и чтенію и письму, такъ какъ при такомъ способѣ учитель имѣетъ возможность разнообразить занятія, предлагать ученикамъ самостоятельныя работы и успѣшнѣе вести обученіе.

XXX.

Русскіе педагоги, разрабатывавшіе методику начальнаго обученія ариѳметикѣ.

(В. А. Евтушевскій, А. И. Гольденбергъ, С. И. Шохоръ-Троцкій и Аржениковъ).

Въ послѣдовательномъ развитіи въ Россіи способовъ обученія начальной ариѳметикѣ выдѣляются три направленія: 1) старинный способъ изученія правилъ; 2) методъ изученія чиселъ, болѣе рельефнымъ выразителемъ котораго является В. А. Евтушевскій, и 3) методъ изученія ариѳметическихъ дѣйствій, выразителемъ котораго являются Гольденбергъ, Шохоръ-Троцкій, Аржениковъ и др.

До шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія обученіе ариѳметикѣ состояло, говоритъ Вишневскій,—въ томъ, что ученики сначала заучивали наизусть опредѣленіе ариѳметики, числа, единицы, величины (что есть ариѳметика? что есть число? что есть единица? и т. д.), потомъ переходили къ нумераціи чиселъ и доходили до билліоновъ, трилліоновъ и т. д. Затѣмъ послѣдовательно одно за другимъ изучали ариѳметическія дѣйствія—сначала надъ числами отвлеченными, а потомъ надъ именованными. При этомъ давали ученикамъ готовыя опредѣленія и правила, а задачи рѣшались лишь для того, чтобы показать примѣненіе правила; ученики рѣшали эти задачи не сознательно, а лишь по шаблону, данному учителемъ; на умственныя вычисленія не обращалось вниманія, а все время отдавалось письменнымъ вычисленіямъ. Заучивая по учебнику заданныя правила или положенія, ученики нерѣдко совсѣмъ не понимали того, что заучиваютъ. Такимъ образомъ, при преподаваніи такого предмета, какъ ариѳметика, практиковалось безсмысленное зубреніе. Ученики считали ариѳметику самымъ труднымъ, скучнымъ и неинтереснымъ предметомъ. Если въ классѣ находилось 2 — 3 ученика, которые кое-что понимали изъ ариѳметики, то ихъ считали выдающимися математиками. Въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія I. И. Паульсонъ издалъ руководство: «Ариѳметика по эвристическому способу педагога Грубе». По этому руководству обученіе ариѳметикѣ начиналось съ «изученія чиселъ 1-й сотни»; при этомъ числа изучались по порядку, начиная съ единицы. Новое число сравнивалось съ каждымъ изъ предыдущихъ чиселъ по всѣмъ 4-мъ дѣйствіямъ; это упражненіе называлось «измѣреніемъ и сравненіемъ числа». Въ первое время главное вниманіе обращалось на «умственный счетъ», или устныя вычисленія. Послѣ всесторонняго и подробнаго изученія чиселъ 1-й сотни рекомендовалось переходить къ изученію нумераціи и 4-хъ дѣйствій. Такимъ образомъ, «изученіе чиселъ» предшествовало изученію нумераціи и дѣйствій и подготовляло дѣтей къ этому изученію.

Методъ «изученія чиселъ» наиболѣе широкое распространеніе у насъ получилъ съ выходомъ трудовъ Евтушевскаго: 1) «Методика ариѳметики», 2) «Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной ариѳметики» и «Сборникъ задачъ», въ 2-хъ частяхъ.

Василій Адріановичъ Евтушевскій, по окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ по математическому факультету, былъ назначенъ преподавателемъ математики во 2-ой Петербургскій кадетскій корпусъ. Для подготовленія руководителей высшихъ педагогическихъ курсовъ, имѣющихъ задачей подготовлять учителей для военныхъ гимназій, было послано отъ Главнаго Управленія Военно-учебныхъ заведеній нѣсколько болѣе выдающихся преподавателей за-границу для изученія постановки учебнаго дѣла. Въ числѣ такихъ преподавателей былъ и Василій Адріановичъ. По возвращеніи изъ своей педагогической командировки, онъ представилъ отчетъ и съ открытіемъ въ срединѣ 60-хъ годовъ педагогическихъ курсовъ былъ назначенъ руководителемъ ихъ, причемъ оставался по-прежнему и преподавателемъ корпуса, переименованнаго въ военную гимназію.

Василій Адріановичъ такъ умѣло велъ преподаваніе математики, что у него почти никогда не было неуспѣвающихъ учениковъ. Во время его уроковъ всѣ ученики напряженно работали. Классный порядокъ поддерживался интересомъ обученія.

Какъ руководитель по математикѣ на педагогическихъ курсахъ, Василій Адріановичъ отличался должною требовательностью и настойчивостью. Онъ стремился, чтобы лица, готовящіяся занять должность преподавателей математики въ военныхъ гимназіяхъ, дѣйствительно были подготовлены къ успѣшному преподаванію этого предмета. Будучи требовательнымъ, Василій Адріановичъ всегда готовъ былъ оказать нужную помощь въ занятіяхъ будущихъ учителей.

Руководителемъ курсовъ Василій Адріановичъ пробылъ около 10 лѣтъ. Какъ одинъ изъ лучшихъ преподавателей математики, Василій Адріановичъ былъ приглашенъ къ преподаванію этого предмета Августѣйшимъ дѣтямъ Императора Александра III. Кромѣ означенной дѣятельности, Василій Адріановичъ состоялъ нѣсколько лѣтъ редакторомъ журнала «Народная Школа».

Оставивши занятія въ военной гимназіи и на педагогическихъ курсахъ, Василій Адріановичъ принялъ на себя завѣдываніе Петербургскими пріютами. Умеръ Василій Адріановичъ въ 1888 году.

Состоя преподавателемъ 2-ой Петербургской военной гимназіи и руководителемъ педагогическихъ курсовъ, Василій Адріановичъ составилъ названные выше педагогическіе труды.

Подобно Грубе, Евтушевскій положилъ въ основаніе метода обученія ариѳметикѣ изученіе чиселъ, ихъ состава и образованія. «Знать или изучить число значитъ», говоритъ Евтушевскій,—«разсмотрѣть его во всѣхъ деталяхъ, во всѣхъ комбинаціяхъ его съ числами ранѣе изученными по всѣмъ четыремъ дѣйствіямъ».

Евтушевскій требуетъ, чтобы обученіе ариѳметикѣ велось наглядно, чтобы ариѳметическія понятія являлись результатомъ обобщенія представленій. «Какое впечатлѣніе», говоритъ Евтушевскій, «могутъ произвести на сознаніе ученика, сообщаемыя ему въ первый разъ, готовыя понятія, какъ напр.: число,

сложеніе, дробь и т. п., если онъ не составилъ ихъ самъ изъ множества отдѣльныхъ представленій. Сказать, напр., ребенку, что число есть собраніе единицъ—недостаточно. Изъ такого пріема ознакомленія его съ новымъ понятіемъ явятся неясные слѣды, при которыхъ невозможно образованіе представленія, а слѣдовательно и понятія». Затѣмъ ариѳметическіе выводы, по требованію Евтушевскаго, должны вытекать изъ рѣшенія практическихъ задачъ. Всякое новое свѣдѣніе должно быть связано съ раньше уже прочно усвоенными свѣдѣніями. Умственный кругозоръ учащихся долженъ расширяться мало-по-малу, послѣдовательно; онъ не долженъ заслоняться неясными, непонятными мыслями. Только при такомъ преподаваніи математика можетъ стать доступной всѣмъ учащимся и только этимъ путемъ, по мнѣнію Евтушевскаго, можно искоренить убѣжденіе многихъ въ томъ, что математика доступна только немногимъ избраннымъ, что для этого необходимъ особенный складъ ума.

Прохожденіе ариѳметики Евтушевскій дѣлитъ на два курса: элементарный или подготовительный и систематическій. Способъ преподаванія элементарнаго курса ариѳметики долженъ быть катехизическій, такъ какъ такой способъ дастъ возможность ученику собственными силами доходить до выработки понятій и умозаключеній, возбуждаетъ самодѣятельность, вниманіе ученика и интересъ къ предмету и развиваетъ его умственныя силы.

«Сборники задачъ» Евтушевскаго и до сихъ поръ употребляются въ народныхъ школахъ и во многихъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія мало-по-малу начали выясняться недостатки метода изученія чиселъ и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ разрабатываться методъ «изученія нумераціи и 4-хъ ариѳметическихъ дѣйствій», построенный на «цѣлесообразномъ подборѣ задачъ». Наиболѣе полнымъ выразителемъ этого метода является Гольденбергъ, о которомъ и скажемъ.

Александръ Ивановичъ Гольденбергъ родился въ 1837 году въ Москвѣ, гдѣ и обучался сначала въ гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ. По окончаніи въ 1858 году университетскаго курса по математическому факультету, онъ поступилъ въ военную службу, а черезъ два года поступилъ въ артиллерійскую академію, курсъ которой кончилъ съ отличіемъ. Въ 1864 году онъ былъ прикомандированъ къ Окружному артиллерійскому управленію Московскаго военнаго округа, а въ слѣдующемъ году занялъ должность преподавателя во 2-ой Московской военной гимназіи. Въ 1867 году онъ по прошенію былъ уволенъ отъ военной службы и съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ себя педагогической дѣятельности.

Живя въ Москвѣ до 1884 года, Александръ Ивановичъ преподавалъ математику въ нѣсколькихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—мужскихъ и женскихъ. Кромѣ того, онъ читалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ методику ариѳметики на педагогическихъ курсахъ при Московскомъ Обществѣ воспитательницъ и учительницъ и преподавалъ математику на Лубянскихъ женскихъ курсахъ, а также прочелъ рядъ публичныхъ лекцій по исторіи математики въ Московскомъ политехническомъ музеѣ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, по предложенію Московскаго губернскаго земства, Александръ Ивановичъ занялъ должность директора земской учитель-

ской семинаріи въ селѣ Поливановѣ, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи. Онъ съ особенной энергіей отдался педагогической дѣятельности въ этомъ заведеніи. Но эта его дѣятельность продолжалась не долго: чрезъ годъ учительская семинарія перешла въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія и Александръ Ивановичъ оставилъ въ ней службу. Несмотря на кратковременное пребываніе директоромъ, онъ снискалъ всеобщую любовь своихъ учениковъ. Вотъ какъ, напр., отзывается о немъ одинъ изъ нихъ: «Александръ Ивановичъ развивалъ въ насъ жажду знанія, любовь къ труду и показалъ намъ на собственномъ примѣрѣ, что значитъ быть наставникомъ». «Отрадно вспомнить объ отношеніяхъ Ал. Ив. къ намъ, своимъ воспитанникамъ. Удивительная простота обращенія, доступность, участливость Ал. Ив. влекла къ нему всѣ сердца. Каждый изъ насъ смѣло обращался къ своему директору за совѣтомъ и помощью всякаго рода, и никто никогда не слышалъ отъ него отказа»...

Въ 1884 году Ал. Ив. переселился въ Петербургъ, чтобы здѣсь исключительно заняться составленіемъ методики ариѳметики и ариѳметическихъ задачъ. Но любовь къ преподаванію вскорѣ побудила его снова принять на себя уроки въ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ преподавалъ математику то въ Александровскомъ корпусѣ, то въ женскихъ гимназіяхъ, то въ земской учительской семинаріи, а въ послѣдній годъ своей жизни, онъ, несмотря на свое слабое здоровье, по предложенію начальника Николаевскаго кадетскаго корпуса, преподавалъ ариѳметику въ 1-мъ классѣ этого корпуса.

Александръ Ивановичъ былъ педагогомъ по призванію, педагогомъ въ лучшемъ, благородномъ и идеальномъ значеніи этого слова, всецѣло, всею душою преданнымъ своему дѣлу. Въ послѣдніе годы своей жизни Ал. Ив. каждое лѣто принималъ на себя трудъ руководителя по ариѳметикѣ на курсахъ, устраиваемыхъ для народныхъ учителей и учительницъ. Своими глубоко-содержательными сообщеніями и бесѣдами онъ вызывалъ полный интересъ слушателей и слушательницъ курсовъ къ предмету бесѣдъ и сообщеній, а своими практическими уроками всецѣло приковывалъ вниманіе учениковъ къ преподаваемому имъ. Отношенія у Ал. Ив. съ учителями и учительницами, прибывшими на курсы, устанавливались самыя теплыя, задушевныя. Онъ охотно разъяснялъ каждому всѣ его недоразумѣнія. Учителя и учительницы сознавали, что Ал. Ив. не только глубоко знаетъ предметъ своей спеціальности, но и сочувственно, доброжелательно относится къ нимъ, а потому и довѣряли, и любили его.

Помимо учительской дѣятельности, Ал. Ив. принималъ живое участіе въ занятіяхъ Совѣщательнаго Комитета по школамъ Патріотическаго Общества. Въ качествѣ члена этого Комитета онъ составлялъ программы по математикѣ и производилъ экзамены выпускнымъ воспитанницамъ въ учебныхъ заведеніяхъ Патріотическаго Общества. Дѣятельное участіе онъ принималъ и въ различныхъ коммиссіяхъ по математикѣ въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній. Входя въ составъ Коммиссіи для выработки программъ для церковно-приходскихъ школъ, онъ составилъ программу по ариѳметикѣ для этихъ школъ.

Обладая широкимъ и глубокимъ образованіемъ, Александръ Ивановичъ до послѣднихъ дней своей жизни слѣдилъ за разработкой математики и методики

ея какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи. Но онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ. Математика и методика ея были только главными, но не единственными предметами его занятій. Онъ внимательно слѣдилъ за разработкой и общепедагогическихъ и психологическихъ вопросовъ, а также за теченіемъ общественной жизни.

Изъ педагогическихъ трудовъ Александра Ивановича болѣе замѣчательны:

1) «Методика ариѳметики». Въ основу своей «Методики», какъ уже сказано, онъ положилъ изученіе дѣйствій.

2) «Собраніе ариѳметическихъ задачъ для гимназій и реальныхъ училищъ». Этотъ трудъ состоитъ изъ четырехъ задачниковъ для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній: 1) Курсъ приготовительнаго класса; 2) Курсъ перваго класса (цѣлыя числа); 3) Курсъ второго класса (обыкновенныя дроби) и 4) Десятичныя дроби. Эти задачники составляютъ одну изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ цѣнныхъ работъ Александра Ивановича. Они могутъ служить пособіемъ и для начальной школы. Собственно для начальныхъ школъ составлены Ал. И—чемъ—

3) «Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной ариѳметикѣ». Сборникъ этотъ дѣлится на два выпуска: 1) задачи на числа 1-ой сотни и 2) задачи на числа отвлеченныя любой величины и на числа именованныя;

4) «Уроки счисленія въ начальной школѣ», изданныя Тульскимъ губернскимъ земствомъ.

Кромѣ названныхъ трудовъ, Александромъ Ивановичемъ составлено множество отдѣльныхъ статей, касающихся обученія математикѣ въ средней начальной школѣ. Статьи эти печатались въ педагогическихъ журналахъ — «Семьѣ и школѣ», «Педагогическомъ Сборникѣ» и «Педагогическомъ листкѣ». Имъ же составлено нѣсколько научно-математическихъ статей, напечатанныхъ въ спеціально математическихъ журналахъ—«Вѣстникѣ опытной физики и элементарной математики» и «Математическомъ листкѣ», редактированнымъ самимъ Александромъ Ивановичемъ.

Укажемъ теперь главнѣйшія положенія, высказанныя Гольденбергомъ въ «Методикѣ ариѳметики», при чемъ будемъ придерживаться изложенія Г. Вишневскаго. Обученіе начальной ариѳметикѣ имѣетъ цѣлью научить дѣтей сознательно производить дѣйствія надъ числами и развить въ нихъ навыкъ прилагать эти дѣйствія къ рѣшенію задачъ общежитейскаго содержанія. Общеупотребительные способы вычисленія основаны на примѣненіи простѣйшихъ свойствъ чиселъ (сумма не измѣнится отъ порядка слагаемыхъ и пр.) и на пользованіи десятичнымъ расчлененіемъ чиселъ.

Учебный матеріалъ Гольденбергъ дѣлитъ на 3 слѣдующія ступени: 1) дѣйствія надъ числами въ предѣлѣ 1-го десятка, 2) дѣйствія надъ числами въ предѣлѣ 1-ой сотни, 3) дѣйствія надъ числами любой величины (отвлеченными и именованными).

Упражненія на 1-ой ступени идутъ въ такомъ порядкѣ: прямой и обратный счетъ, присчитываніе и отсчитываніе группъ единицъ и счетъ равными группами (умноженіе и дѣленіе). Спачала счетъ ведется *инструментальный*, т. е. на предметахъ, потомъ счетъ отвлеченный, а затѣмъ идутъ задачи. Въ началѣ идутъ упражненія только *устныя*, а потомъ уже и *письменныя*. За-

дачи рѣшаются въ первое время преимущественно *простыя* (на одно какое-либо дѣйствіе). Въ задачахъ на 1-ый десятокъ вводятся слова: аршинъ, фунтъ, ведро, копейка и т. п., т. е. вводятся *простыя именованныя числа.*

Письменныя упражненія на 1-ой ступени заключаются въ ознакомленіи дѣтей съ цифрами и знаками 4-хъ дѣйствій. Гольденбергъ считаетъ полезнымъ ознакомить дѣтей предварительно съ римскими цифрами, а потомъ уже перейти къ арабскимъ цифрамъ.

Упражненія на *2-ой ступени* начинаются со счета чистыми десятками и 4-хъ дѣйствій надъ ними. Потомъ идутъ упражненія на сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. При упражненіяхъ на эти дѣйствія обращается вниманіе на выводъ нормальныхъ пріемовъ производства дѣйствій, основанныхъ на десятичномъ расчлененіи чиселъ. Указываются иногда и упрощенные пріемы вычисленій, посредствомъ примѣненія пріема *закругленія* или *дополненія* до ближайшаго десятка.

При упражненіяхъ на сложеніе и умноженіе обращается вниманіе на составленіе *таблицъ сложенія и умноженія.* Учащіеся постепенно ознакомляются съ терминами: слагаемое, сумма, уменьшаемое, вычитаемое и проч. Опредѣленій на 2-ой ступени не дается, тѣмъ не менѣе дѣти должны понимать выраженія: «сложить числа», «вычесть», «умножить», «раздѣлить» и проч.

На второй ступени рѣшаются уже и *сложныя* задачи, т. е. на нѣсколько дѣйствій, и вводятся упражненія съ простѣйшими дробями.

Задачи запутанныя и неопредѣленныя Гольденбергъ считаетъ мало полезными.

Упражненія *на 3-й ступени* идутъ въ такомъ порядкѣ: устная и письменная нумерація по десятичной системѣ, а затѣмъ 4 дѣйствія по порядку. Сначала идутъ дѣйствія надъ числами отвлеченными, а потомъ—надъ составными именованными. На этой ступени уже даются точныя опредѣленія дѣйствія и выводятся *главныя правила* для письменнаго производства дѣйствій. Обращается вниманіе на выводъ *нормальныхъ* пріемовъ вычисленій, но иногда учащіеся ознакомляются и съ сокращенными пріемами вычисленій.

При упражненіяхъ на дѣленіе сообщаются пріемы *угадыванія цифръ* частнаго.

На 3-ей ступени, въ числѣ другихъ задачъ, встрѣчаются задачи на простое и сложное тройное правило, на проценты, пропорціональное дѣленіе и смѣшеніе. Задачи на эти правила рѣшаются приведеніемъ къ единицѣ или способомъ послѣдовательныхъ заключеній.

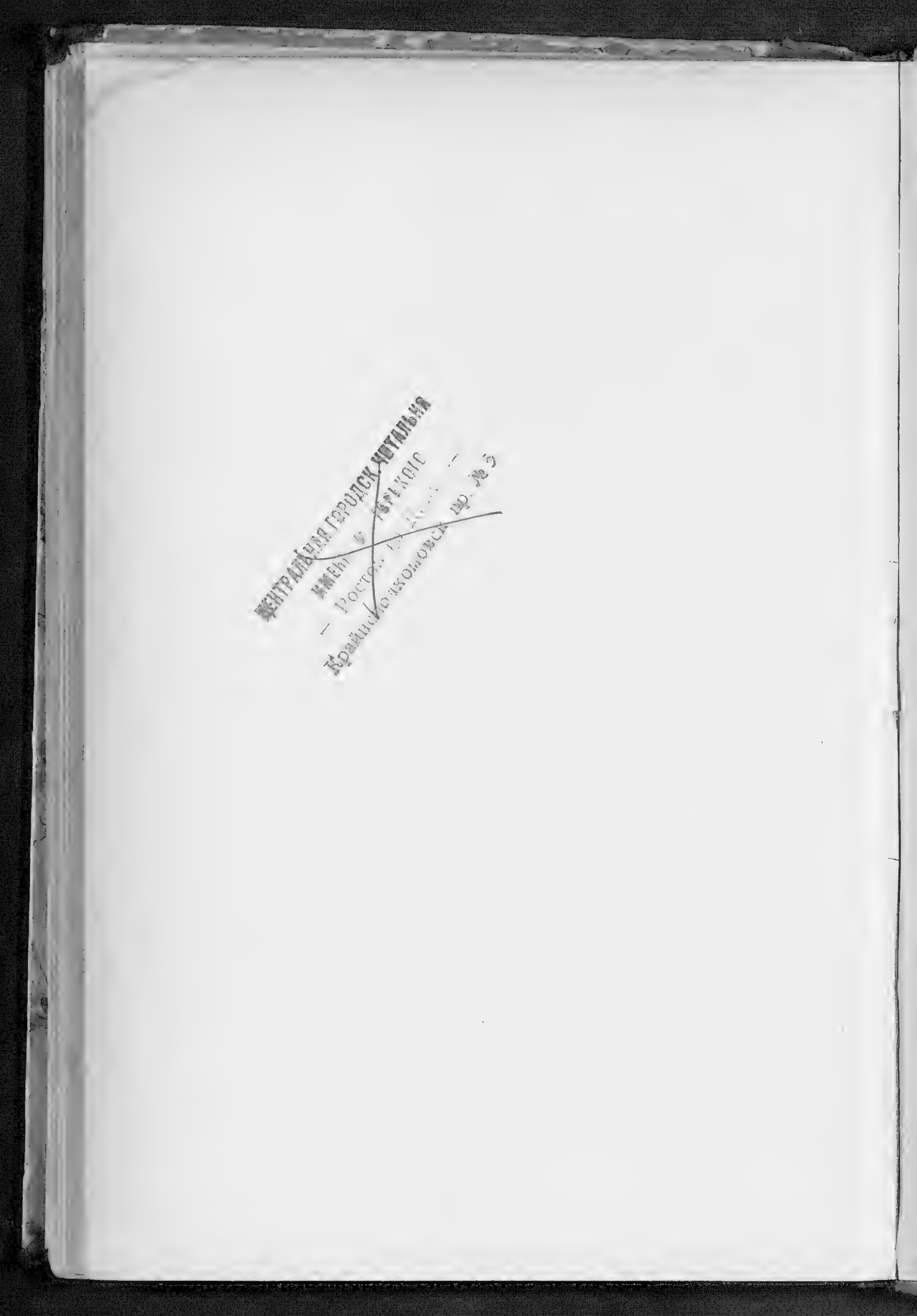
Ознакомленіе съ *мѣрами* Гольденбергъ совѣтуетъ начинать еще на 1-хъ ступеняхъ обученія, а на 3-ей ступени пройти уже систематическій курсъ дѣйствій надъ составными именованными числами.

Сначала идутъ раздробленіе и превращеніе, а затѣмъ 4 дѣйствія. Обращается серьезное вниманіе на ознакомленіе съ квадратными и кубическими мѣрами и пріемами вычисленія площадей прямолинейныхъ четыреугольниковъ и объемовъ четырехгранныхъ призмъ. Подробно говорится о мѣрахъ времени и особыхъ пріемахъ рѣшенія задачъ на вычисленіе времени. Въ концѣ курса Гольденбергъ предлагаетъ пройти краткій курсъ дробей, въ дополненіе къ тому, что было пройдено на 2-й ступени.

«Методика» Гольденберга даетъ весьма стройную и искусно построенную систему обученія начальной ариѳметикѣ, чѣмъ и объясняется весьма широкое распространеніе ея въ русскихъ школахъ.

Изъ другихъ педагоговъ, разрабатывающихъ методику обученія ариѳметикѣ, слѣдуетъ упомянуть о *С. И. Шохоръ-Троцкомъ* и *Арженниковѣ*.

Тотъ и другой, подобно Гольденбергу, полагаютъ въ основаніе обученія ариѳметикѣ принципъ изученія ариѳметическихъ дѣйствій; но, сходясь въ общемъ принципѣ, каждый изъ нихъ представляетъ нѣкоторыя особенности въ распредѣленіи по годамъ обученія ариѳметическаго матеріала и въ рѣшеніи частныхъ методическихъ вопросовъ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСК. ЧИТАЛЬНЯ

1р 50к

нет

